

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

О. Коуусинен, И. Сирола, К. Манкер, В. Йокинен, Эд. Тарниай, О. Зундман, А. Вальден, М. Кокко.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Финляндская Революция

Сборник статей.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва.—1920 г.

13-я типография Моск. Гор. Сов. Нар. Хоз. Петровка, 17.

Финляндская революция.

I. В бегах перед революцией.

Пролетарские революции,— говорит Маркс,— постоянно критикуют себя. Нам, участникам революции, есть смысл помочь сознательно этой самокритике революции, не стремясь, конечно, оторваться от исторической ответственности нашей прежней деятельности.

Финляндская революция началась в январе этого года. Ее основные ошибки были начаты уже в прошлом году.

Так же, как война явилась неожиданностью для большей части социалистических партий крупных стран Европы и разоблачила, что эти партии не стояли на высоте своей исторической задачи, и русская революция явилась весною 1917 года „неожиданностью" для финляндской социал-демократии. Весенняя свобода пришла к нам, как небесный дар, и наша партия была ошеломлена. Официальной программой нашей партии была та же самая позиция „самостоятельной классовой борьбы", как, напр., у немецкой социал-демократии до войны. Во время реакции эту позицию было легко сохранить; она не встречала тогда серьезных испытаний, да и оппозиция заведомых правых социалистов не могла иметь тогда опоры для своих крыльев. Но в марте пролетарская нравственность нашей партии должна была испытать искушение и падение. Финляндская социал-демократия на самом деле пала в безнравственном сожитии с финляндской буржуазией, а в начале и с русской буржуазией (искусителями явились также русские меньшевики). Финляндский коалиционный сенат был ложем этого безнравственного сожительства. Когда он в марте был составлен, то около половины из членов нашего партийного совета выступало против этого сожительства, и лишь правые социалисты вступили в сенат. Но оппозиция прочих из нас была настолько пассивного характера, что ни на минуту не помешала нашей совместной работе с теми социалистами, которые в действительности возились с финляндскими и русскими барами. И очень характерно то, что на нашем партийном конгрессе в июне (на котором, между прочим, мы присоединились также и к Циммервальду) ни один голос не требовал раскола с социалистами коалиционного правительства.

Нас ослепил прежде всего мираж парламентарного демократизма. Если бы не было однопалатного парламента, пропорциональных выборов и широкого избирательного права, и если бы наша партия в избирательной борьбе не получила уже большинства депутатских мест (летом 1916 г.), то, быть может во время весеннего искушения нам было бы легче осмотреться. Но теперь путь парламентарного демократизма, казалось, открывался в виде неожиданно гладкой и широкой дороги перед нашим рабочим движением. У буржуазии нашей страны не было войска, не было даже надежной полиции, да к тому же законным путем она и не могла таковой достать, ибо для этого ей необходимо

было бы получить на сейме согласие социал-демократов. Социал-демократия, казалось, имела полное основание держаться на пути парламентарной законности; на этом пути она, казалось, получала возможность выхватывать у буржуазии одно завоевание за другим.

Этот горизонт парламентарного демократизма был уже почти настолько чист, что им можно было бы восхищаться во всем его блеске; его не омрачало, казалось, более ничто, кроме нетвердой лапы русского временного правительства. Финляндская буржуазия тогда протягивала к ней свою руку, как утопающий к соломинке. Социал-демократы старались оттолкнуть эту лапу прочь или, по крайней мере, ограничить ее свободу вмешательства строгими законными рамками так, чтобы она не могла мешать „внутренним" делам страны,—иначе говоря, защищать интересы финляндской буржуазии. Таким образом, наши усилия в борьбе за самостоятельность Финляндии, наш патриотизм казались обоснованными самым прекрасным образом: ведь, это же была прямая борьба за демократическую свободу, это была органическая часть нашей пролетарской классовой борьбы.

Влияние парламентарного оптического обмана усиливалось потом еще теми законодательными результатами, которые были получены летом на сейме. Относительно 8 часового нормального рабочего дня, который рабочие массы в предприятиях во многих отраслях труда уже с самой весны вводили в силу, был достигнут настолько широкий закон, что шире его, пожалуй, не издано ни в одном парламенте. В области демократизации общинного строя была достигнута также реформа, которая означала переход от полной монопольной власти капиталистов к системе всеобщего избирательного права,—тоже скачок, больше которого в этой области законодательство, пожалуй, не сделало нигде за один раз. Правда, видно было, что издание этих законов отнюдь не было достигнуто одними лишь парламентскими хлопотами. Внешний вихрь помог им оторваться скорее обычного с парламентской отмели. Этот вихрь появлялся в виде массовой демонстрации, аккомпанировавшей сильно заседаниям сейма; в этом вихре чувствовался более бурный дух прежде всего из-за участия русских товарищей солдат. Но само по себе это не являлось для нас новым; мы и прежде привыкли об'яснять так парламентаризм, что он приносит лучшие результаты тогда, когда народ производит давление извне.

Более худым признаком результатов нашей парламентарной демократии было то, что спекуляция, господствующая в области продовольственной торговли, не была ограничена. Этот признак указывал на то, что и вышеупомянутые парламентарные завоевания были лишь завоеваниями на бумаге, ибо закон, необходимый для ограничения спекуляции в продовольственной области, был, правда, написан и принят, но на этом потом и остановилось это ограничение. Коалиционное правительство вообще ничего не предпринимало. Оно представляло собой ленивого быка, которого социалисты, казалось, тянули за рога, а буржуазия за хвост, но который не двигался с места. Обирание людей процветало в полном покое.

Голодающие рабочие массы потеряли скоро совершенно доверие к делам коалиционного правительства, а вместе с тем, повидимому, отчасти и к руководству нашей социал-демократической партии. В Гельсингфорсе огорченные рабочие массы стремились сами осматривать запасы масла и делить их между собою; в конце лета в нашем главном городе автоматически вспыхнула всеобщая забастовка, которая продолжалась два дня, пока организованные рабочие ее не закончили.

Давление политической атмосферы становилось настолько высоким, что оно уже, казалось, мешало нашему парламентаризму. Это была действительность демократизма: свободное обострение классовой борьбы. Но мы, социал-демократические представители, не видели действительности демократизма, но лишь его туманный мираж.

Этот появлявшийся перед нашими глазами мираж получил первый удар от руки временного правительства Керенского. Невзирая на ожесточенное сопротивление буржуазного меньшинства, сейм принял, сообразно постановлению Всероссийского с'езда советов рабочих и солдатских депутов, основной закон о внутренней демократической свободе Финляндии и о праве сейма на распоряжение высшей государственной властью страны. Из Петрограда прибыла даже полуофициальная меньшевистская делегация (Чхеидзе, Либер, Дан), чтобы задержать принятие этого закона, но слишком поздно. Тогда, в конце июля, русское временное правительство распустило сейм и назначило новые выборы. Социал-демократическая фракция пыталась дважды продолжить заседания разогнанного сейма. В первый раз депутатов встретили у дверей сейма посланные Керенским гусары; во второй раз на дверях была лишь печать правительства Керенского; тальман сейма тов. Маннер приказал открыть двери, и заседание было устроено, но в нем принимали участие лишь члены социал-демократической фракции.

Наша партия не отказалась принимать участие в новых выборах, которые были произведены в начале октября. На этих выборах наша партия потеряла, несмотря на значительное повышение количества полученных нами голосов, свое положение большинства в сейме. Главную помощь буржуазии на этих выборах оказали, без сомнения, избирательные подлоги. Уже сразу после выборов в газетах описывалось, как в некоторых избирательных районах, в которых избирательные комиссии были составлены исключительно из буржуазных членов, буржуазные партии получили больше голосов, чем в данном районе было лиц, имеющих право голоса. И позже, во время революции, были найдены в некоторых местах у председателей избирательных комиссий целые массы припрятанных поданных за социал-демократов бюллетеней, которые были безошибочно составлены. Посредством об'единения на выборах буржуазные партии также выиграли несколько депутатских мест. Но, кроме этого, на наш взгляд следует считать также достоверным то, что начавшаяся уже проявляться в пролетарских массах усталость по отношению к парламентаризму влияла, со своей стороны, на результат выборов. Бессилие сейма, ненадежность, запаздывание и превращение впустую результатов нашей парламентской работы, а также парализование деятельности социал-демократов под влиянием коалиционного правительства,—все это, без сомнения, влияло на то, что интерес к выборам среди пролетариата далеко не был так велик, как можно было ожидать, смотря по господствующему высокому политическому напряжению. Наш прекрасный мираж парламентарного демократизма получил, значит, второй удар уже не только от внешнего фактора, но отчасти и от своего внутреннего бессилия и своей поврежденности.

Поток истории стремился теперь с ужасной быстротою к своим первым бурным порогам. Буржуазия, как и можно было ожидать, старалась использовать полученный ею на выборах выигрыш, чтобы захватить в руки диктаторскую власть и превратить народное представительство в простой фиговый лист своей диктатуры. Рабочий класс потерял всю свою надежду на непосредственную помощь сейма и созна-

тельно или бессознательно стремился к революции. Коалиционное правительство распалось уже до выборов. Обострение классовой борьбы теперь ничто не задерживало.

К тому же и в Финляндии уже чувствовалось, что Россия шла быстро к новой, более глубокой революции, которая могла вспыхнуть уже в течение недолгого времени. Правительство Керенского дрожало, как подгнившая осина перед бурей. Сила большевиков росла, как грозовая туча.

Наша социал-демократия, которая в этих условиях должна была бы употребить все свои силы для подготовки революции, ожидала в бездействии заседаний сейма. Блок буржуазных фракций добился в начале ноября на сейме постановления, по которому во внутренних делах страны высшая власть должна была быть вручена трехчленной директории, но не осмелился привести в исполнение этого своего постановления. В то же время он вел переговоры о разделе власти с русским временным правительством. И генерал-губернатор правительства Керенского Некрасов уже повез проект соглашения в Петроград для подписи.

Но он не вернулся более в Гельсингфорс. В те дни русский пролетарий под руководством своей большевистской партии сверг власть буржуазии и ее прислужников и взял бразды правления в свои руки.

И через нашу страну пролетал тогда дух революции. Но мы не поднялись на его крыльях, а преклонили свои головы, дали ему пролететь через нас. Для нас ноябрь стал, таким образом, годовщиной спуска оружия.

Могла ли революция тогда в Финляндии привести к какой-либо победе,—это иной вопрос, чем тот, могла ли тогда непосредственно победить пролетарская революция, как в России? Предыдущее кажется теперь на наш взгляд после происшедшего правдоподобным, последующее же все еще, как и тогда, невероятным.

Общие предпосылки удачи революции отнюдь не были тогда безнадежны. Возбуждение пролетариата и жажда борьбы были вообще высоки. Буржуазия была сравнительно плохо подготовлена; она испытывала большой недостаток оружия, хотя уже и начала добывать его из Германии. Правда, и пролетариату недоставало оружия. Несколько сот винтовок было получено заимообразно от русских военных групп,—вот, собственно, и все, что можно сказать о тогдашнем оружии. Но, без сомнения, от русских товарищей в действительной нужде можно было получить уже и тогда еще оружия, во всяком случае, сколько-нибудь. И,—что, пожалуй, гораздо важнее,—русские товарищи были бы тогда в состоянии оказать финляндской революции прямую военную помощь гораздо лучше, чем позже, зимою, когда разложение в русской армии и во флоте дошло до максимума. В нашей стране было тогда, правда, среди русских войск много таких элементов, которые, как и следовало опасаться, готовы были бы скорее слышать команду своего черносотенного офицерского руководства, чем голос пролетарской солидарности. Но вряд ли все же эти элементы в водовороте революции явились бы значительной активной помехой.

Перед этими признаками мы, социал-демократы, «сторонники классовой борьбы», колебались со стороны на сторону, наклонялись сначала сильно в сторону революции... пока не отступили. Настоящие правые социалисты, которые в нашей партии составляли около половины, разделились на-двое: часть явно сопротивлялась революции, другая часть требовала ее. В социал-демократической фракции сейма явное большин-

ство было так враждебно настроено к революционному стремлению, что, можно сказать, его настроение было скорее на стороне буржуазии, чем на стороне рабочего класса. Социалистическое руководство наших профессиональных организаций хотело вступить на путь некоторой революционной стачечной борьбы, практической единственной целью которой они считали получение большинства мест в правительстве, в сенате. Наш партийный центральный комитет образовал вместе с ними „революционный центральный комитет“, который, особенно после того, как к нему присоединились находившиеся с самого начала в оппозиции к революции члены социал-демократической фракции сейма, годился для революционной болтовни, но не для действительной революционной деятельности. Этот наш комитет решил вначале поддержать... об‘явление всеобщей забастовки. И на с‘езде профессиональных организаций, собравшемся как-раз в это время, было решено об‘явить всеобщую забастовку во всей стране. Означало ли это выступление на путь революции, или лишь демонстрацию для оказания поддержки выставленным во время всеобщей забастовки требованиям,— об этом каждый мог думать, как угодно, ибо это не было решено, так как на этот счет держались разных мнений

Всеобщая забастовка охватила страну. Наш „революционный центральный комитет“ обсуждал вопрос, итти ли вперед, или нет?. Мы, которых напрасно называли марксистами, не хотели итти вперед. Без нас же тогдашние „революционеры“ из центральной профессиональной организации не хотели итти.

Что мы, центровики-социал-демократы, не пошли на путь революции,—в этом были вполне последовательны, действуя сообразно своей позиции, вкоренившейся в нас в течение многолетней деятельности. Мы, ведь, были социал-демократами, а не марксистами. Наша социал-демократическая позиция состояла, во-первых, в мирной и постепенной, а не революционной классовой борьбе, но в то же время, во-вторых, она являлась позицией самостоятельной классовой борьбы, а не стремлением к союзу с буржуазией. Эти обе стороны вместе определяли нашу тактику.

Во-первых, нам недоставало веры в революцию; мы не надеялись на нее и не стремились к ней. Это вообще свойственно социал-демократии.

Социал-демократия является, по своему существу, именно таким рабочим движением, которое организует и развивает рабочий класс для буржуазно-законной (парламентарной) классовой борьбы. Социализм является, правда, в ее программе конечной целью, и в некоторой степени он также определяет направление действительной или так-называемой „минимальной“ программы социал-демократии. Главным образом, он является в ее программе лишь утопическим украшением по той причине, что нельзя даже думать об осуществлении социализма в буржуазном государстве, в рамки которого приспособлялась практическая деятельность социал-демократии. Тот путь, который является исторически необходимым, чтобы выбраться из буржуазного государства в социалистическое общество,—путь вооруженной революции и диктатуры пролетариата,—остается совершенно вне сознательной и практической деятельности этой партии; он начинается лишь там, где настоящая деятельность социал-демократии кончается.

Отношение последовательной социал-демократии к революции по большей мере настолько же пассивно, как и отношение благосклонного историка к революционерам прошедших времен. „Революция возникает, ее не делают“, —любимое выражение социал-демократии, ибо она

не считает своею обязанностью действовать на пользу революции. По своему характеру она скорее склонна задерживать возникновение революции (так же, как уже задерживала всеобщую забастовку и прочие частью революционные массовые движения). Это вполне понятно с точки зрения настоящей практической цели социал-демократии: революционная деятельность может легко помешать этой цели и угрожать прекращением деятельности для социал-демократической цели. Так как относительно революции нельзя заранее с безусловной уверенностью решить, что она уже при первой попытке закончится победой, а не поражением, то всегда кажется возможным, что в революции угрожает опасность завоеваниям организационной и политической деятельности социал демократии, организациям, рабочим домам, библиотекам, прессе, реформам, демократическим учреждениям и правам и т. д., а на них ведь зиждится вся деятельность социал-демократии. Отчасти они стали в ее деятельности самоцелью; главнейшей частью они составляют незаменимое основание для продолжения и развития ее деятельности, ее буржуазно-законной деятельности. Поэтому социал-демократия старается всеми силами сохранить их и оберегать их старательно от всех опасностей, а также и от опасностей пролетарской революции.

Впрочем, в учении социал-демократии об'ясняется при помощи ссылок на Маркса, что результаты организационной деятельности накапливаются и сохраняются, будто бы, имея в виду требования и успех пролетарской революции. И, без сомнения, в этой революции они, в конце-концов, окажутся на пользу. Но это, повидимому, произойдет не благодаря социал-демократии, а, напротив, несмотря на социал-демократию. (Ведь, и организация милитаризма в буржуазном государстве окажется в большей степени на пользу пролетарской революции, но, естественно, совершенно против целей этого милитаризма). Если бы социал-демократия могла всегда по своему желанию руководить деятельностью рабочих масс, то вряд ли рабочий класс со своими организациями попал бы в такое рискованное предприятие, как революция, и поэтому вряд ли приблизился бы к такой цели, как социализм. Во всяком случае, буржуазия с оружием в руках не провоцировала бы революции. В этом единственном случае и последовательная социал-демократия поднимается, если только поднимается,—наверное этого нельзя утверждать,— на революционную борьбу для защиты завоеваний своей буржуазно-законной классовой борьбы и шансов на продолжение ее, как поднялись и мы в конце января.

Но в ноябре мы решили отступить перед революционной борьбой, отчасти чтобы оберечь наши демократические завоевания от опасностей, отчасти надеясь, что мы можем парламентарными средствами обойти, пожалуй, водоворот истории и отчасти, наверно, фаталистически рассуждая: если революция должна притти теперь или позже, то она придет, несмотря на наше сопротивление, и этим именно покажет, как следует, свою силу...

Что было результатом этой исторической ошибки? Избежали ли мы вооруженного столкновения? Нет. Оно было лишь отсрочено до времени, когда буржуазия была уже гораздо лучше подготовлена, чем в ноябре. Буржуазия всегда может вызвать рабочих на вооруженное столкновение, когда лишь она этого желает. И для рабочей борьбы является лишь опасностью то, что буржуазия получает возможность назначить время начала классовой войны. Когда рабочий класс ее начинает, то буржуазия не во всех местностях еще достаточно подго-

товлена на случай революции, и революция может застать ее в большей или меньшей степени врасплох; начатое рабочим классом революционное движение, особенно там, где реакционная правительственная власть в течение более долгого времени вызывала к себе враждебное отношение в широких слоях народа, может или прямо захватить с собою недовольные промежуточные слои, или, во всяком случае, расстроить и ослабить ряды защитников правительственной власти. Особенно в таких условиях, как теперь, во время войны в воюющих странах, где и пролетарские массы имеют пока в своих руках оружие, является важнее важного, чтобы правительство не получило возможности начать классовую войну, ибо правительство уже в течение даже сравнительно короткого подготовительного времени могло бы разоружить большие массы, арестовать необходимые для революции элементы, целесообразно разместить более надежные свои войска на наступательные и оборонительные позиции против „внутреннего врага“ и вообще собрать все свои возможные силы для активной или пассивной контр-революционной деятельности. Кроме того, можно быть уверенным в том, что правительство, начиная классовую войну, постарается уже заранее устроить с этой целью внешне-политические условия наиболее выгодным для себя образом, запастись на случай возможной крайней надобности иностранной помощью или, по крайней мере, обеспечить свой тыл от иностранного вмешательства. В ноябре финляндской буржуазии было бы гораздо труднее получить значительную помощь от германского правительства, чем позже, зимою, когда немецкие войска освободились с русского фронта, что нам все же в ноябре или даже январе было очень трудно предвидеть.

Во-вторых, мы, центровики-социал-демократы, не хотели вступать в правительственный союз ни с какими буржуазными „демократами“, каковой союз был желателен для правых социалистов, как для поддерживавших революцию, так и для тех, которые выступали против нее. Без подобного союза, собственно, нельзя было и думать об осуществлении той цели, которая мелькала в мыслях поддерживавших революцию правых социалистов, т.-е. об учреждении демократического правительства, в котором, по крайней мере, значительное большинство мест принадлежало бы социалистам, и в программе которого были бы ограничение спекуляции в продовольственной области и проведение различных демократических реформ парламентарным путем. То обстоятельство, что в этот завоевываемый посредством революции „красный сенат“ вошло бы также, по крайней мере, несколько представителей так-называемого аграрного союза, казалось этим правым социалистам,— что было вполне понятно,—весьма необходимым подкреплением. Имея это в виду, с их стороны и со стороны социал-демократической фракции сейма велись переговоры с фракцией аграрного союза, а также, по всей вероятности, и с другими „прогрессивными“ депутатами, и „товарищ“ Токой ходил разузнавать у сенатских чиновников, согласны ли они оставаться на службе у „красного сената“. Итак, революционным стремлением „революционных“ социалистов было собственно, возрождение к жизни весеннего коалиционного сената в более целом виде, т.-е. снабдив его социалистическим большинством и, пожалуй, отстранив более крайних реакционеров.

Этот результат и был бы в лучшем случае, по всей вероятности, непосредственным завоеванием ноябрьской революции, не больше. Больше этого финляндское рабочее движение не способно было еще завоевать. Часть организованных рабочих, без сомнения, требовала бы

немедленно более крупного шага, но довольствующееся малым большинство нашего рабочего движения, обратившись сразу после достижения своей непосредственной цели против стремления к рабочей революционной диктатуре, было бы тогда в состоянии легко подавить это требование и вообще действительный революционный голос пролетариата. Свою цель, во всяком случае, большею частью это большинство тогда, конечно, могло бы осуществить. По размышлении теперь, после происшедшего, это кажется еще более возможным, чем тогда. Настолько-то приблизительно финляндская буржуазия, повидимому, должна была бы тогда, по крайней мере, временно уступить революционному движению, чтобы легче спасти свои главнейшие интересы, которым революционное движение правых социалистов не угрожало. Из ноябрьской революции в Финляндии вышла бы, таким образом, по всей видимости, на самом деле буржуазная демократическая революция. В рядах организованных рабочих это вызвало бы непосредственно полный раскол: правая часть соединилась бы с буржуазией в общий фронт, „сохраняющий общественный порядок", левая же часть перешла бы на позицию действительного революционного социализма или коммунизма, стремилась бы все наступать вперед на буржуазное государство и на всех его властителей и пособников.

Приблизительно в этом роде, хотя и не совсем ясно, мы, так-называемые „марксистские социал-демократы" центрального комитета партии, представляли себе во время ноябрьской всеобщей забастовки тот непосредственный результат, к которому революция тогда в лучшем случае могла бы привести. Но именно поэтому у нас были на уме две важные дополнительные причины, чтобы не поддерживать вступления на путь революции: во-первых, мы не хотели содействовать об'единению правых социалистов и буржуазных элементов, и, во-вторых, мы хотели избежать раскола рабочего движения на два враждебных друг другу лагеря. И в этом случае, следовательно, наши мысли шли по свойственному социал-демократии руслу, а не правильным марксистским путем. Мы на самом деле тормозили историческое развитие, препятствуя тому раздвоению рабочего движения нашей страны, предпосылки которого уже созрели и превратились в необходимое условие для того, чтобы рабочее движение могло сдвинуться со своего места вперед, к сознательной революционной деятельности. При искусственном поддержании вместе противоположных стремлений это движение совершенно не было в состоянии действовать. Его раскол мог, конечно, оказаться во вред социл-демократической деятельности,—иначе говоря, непосредственному влиянию парламентарной (и профессиональной) деятельности. Шансы на избирательные победы, конечно, могли уменьшиться. Но действительному развитию рабочего дела, усилению рабочей классовой борьбы это естественное раздвоение могло принести лишь пользу. Ведь, это означало бы лишь освобождение действительного рабочего фронта от мешающих делу и затемняющих сознание масс элементов, которые, находясь на стороне буржуазии, могли принести рабочей революционной классовой борьбе все же меньше вреда, чем находясь в своих рабочих рядах.

Правда, непосредственного результата революции мы не могли бы наверно, даже при самых усиленных стараниях, продиктовать по своему желанию. История сама его продиктовала бы. Но нам следовало попытаться, следовало бороться и наступать возможно дальше на помощь историческому развитию. Ведь, и история не могла делать свое дело с пустыми рукавицами: ей нужны были руки борцов. И

хотя великого ледохода на реке истории финляндской классовой борьбы тогда еще и не могло бы произойти, хотя тогдашний разрыв и остановился бы, по всей видимости, на буржуазно демократическом застое, так же, как лед скопляется в большую груду на реке, все же этот разрыв был бы шагом вперед. Посредством него сила сопротивления ледяной коры уменьшилась бы; стремящейся к освобождению реке не надо было бы потом более напрягать свои силы в борьбе против единого, широкого ледяного покрова, она могла бы сосредоточить всю свою могучую силу против образовавшейся ледяной груды и давить на нее до тех пор, пока она не рушилась бы. Это является в реке во время ледохода самой естественной и быстрой сменой фазисов. Таким путем происходило дело и в России. С него легче начать. Значительная часть сил сопротивления, оковывающего общество буржуазного государства, остается, таким образом, в решительный момент неиспользованной. Но ледоход может задержаться на долгое время в том случае, если ледяной покров будет держаться одинаково во всех своих местах до конца, и нигде не образуется трещин.

Мы помешали возникновению первого сдвига, дав сигнал к окончанию всеобщей забастовки в конце недели и отправив вопрос о революции на разрешение... партийного с'езда! Вследствие этого, в рабочих массах царили общее недовольство и даже сильное негодование. Оно не вылилось, правда, в открытый мятеж против партийного руководства, но его действие было, быть-может, еще более гибельным для будущей классовой борьбы; оно вырвало у руководства рабочим движением лучшую часть доверия рабочих. Руководству, которое нуждалось в огне против осмелевшего врага рабочего класса, оставалось теперь лишь раздувать остывшие уголья недоверия. При этом рожденные недоверие и враждебность чувствовались потом тяжелым кошмаром во все время революции. В ноябре ими было посеяно уже апрельское разложение. Партийный с'езд, собравшись через несколько недель, чувствовал в общем настроении в тот раз, что самый высокий революционный вал под перекрестным ветром прошел уже мимо. Делегаты партийного с'езда были выбраны еще весною в иных условиях. Приблизительно половина из них, казалось, была на стороне более или менее ясного революционного действия; другая же половина была против. Мы, центровики, хотели всеми силами удержать партию от раскола, и нам это „удалось“. В об'единяющей резолюции не было сказано о революции ни одного определенного слова ни за, ни против, но зато в ней проявлялся дух прежней самостоятельной классовой борьбы; кроме того, в ней была пред'явлена буржуазии масса благодушных требований относительно реформ, а рабочим предлагалось вооружаться, впрочем, не для революционного наступления, а для необходимой самозащиты.

Необходимость самозащиты становилась теперь, повидимому, для рабочего класса самой сильной потребностью, ибо буржуазия, убедившаяся в том, что она избавилась на этот раз от опасности революции, готовилась теперь сознательно к нападению. Она вела открыто бешеную травлю против социалистов, а в менее заметном виде развивала свои военные планы, добывала оружие, организовала и обучала белогвардейскую армию и посылала своих агентов за границу для спешных поручений. Рабочая красная гвардия также организовывалась, и партийное руководство принимало участие в этой работе. Но она подвигалась вперед медленно, без достаточной энергии и целесообразности. Здесь и там угрожали автоматически вспышки разрозненных

местных революционных взрывов с анархистскими побочными явлениями: в Або, напр., и вспыхнул такой взрыв.

От парламентской работы не было теперь и не могло быть для дела рабочего класса ничего более, кроме вреда. Она лишь напрасно отвлекала наши силы, которые все нужны были для подготовки к приближающейся революционной борьбе. Она лишь вводила в обман и мешала видеть то, что должно было притти, что буржуазия готовила, и что рабочий класс должен был бы готовить. Когда революция угрожала в ноябре, на сейме было достигнуто демократическое постановление большинства, по которому сейм, а не какая-нибудь правящая шайка, распоряжался пока высшей государственной властью в стране. Это было уже похоже на действительный, хотя и слабый шаг по направлению к настоящему безупречному „демократизму". В комиссии основных законов мы пытались начертить более детальный план для этого прекрасного государственного строения и решили уже об'явить конкурс художников для представления самого прекрасного образца для флага на крышу финляндского демократического государственного строения...

Тогда мы услышали из уст Свинхувуда конституцию капитала: она содержала лишь один пункт: „Строгий порядок!".

Это была свинская и кровожадная конституция. Но она апеллировала к действительности истории классовой борьбы, к **насилию**, в то время, когда многие социал-демократы видели еще во сне демократическую конституцию, рождающуюся посредством избирательных побед.

2. За демократические иллюзии.

Финляндская социал-демократия не стремилась во время революции прошлою зимой вырваться прочь из рамок общей системы народного представительства. Напротив, она стремилась именно к возможно более общей системе народного представительства, к возможно более демократической форме правления. Это имел в виду выработанный Советом народных уполномоченных проект конституции, который должен был быть весною немедленно одобрен народным голосованием. По этому проекту, вся высшая власть должна была принадлежать демократически избранному народному правительству; правительство являлось лишь исполнительной комиссией, не имеющей президента, наделенного правом самостоятельной деятельности, и действующей под регулярным и строгим контролем народного представительства; право народной инициативы должно было быть широким, народный референдум—лишь в вопросах государственного строя; чиновники должны были занимать места на определенное время, высшие чиновники избирались бы народным представительством.

Естественно, что такая конституция не была даже для Совета народных уполномоченных самоцелью, но была лишь политическими рамками для осуществления общественно-экономических стремлений. В этих рамках должна была быть получена возможность для развития общественных условий по направлению к социализму, для осуществления реформ, из которых, в конце-концов, возникло бы социалистическое общество.

Эта идея казалась тогда в финляндских условиях весьма естественной. Казалось, что демократическая конституция могла гарантировать в Финляндии в народном представительстве большинство, из

которого, по крайней мере, значительная часть прямо требовала бы социалистического строя, да и остальная часть этого большинства не сопротивлялась бы по всей видимости введению хотя бы постепенных и осторожных реформ, ведущих к этому строю. Противники социализма были бы принуждены находиться в народном представительстве в меньшинстве и быть, таким образом, бессильными, парализованными. Так думали.

Смотря по устройству экономической жизни Финляндии, такая мысль отнюдь не казалась невозможной. Невзирая на то, что капиталистическое развитие Финляндии невысоко, главная часть из системы производительных условий страны могла быть, благодаря простоте своего устройства, относительно легко взята, по крайней мере, в собственность государства,—легче, чем народное хозяйство многих более развитых стран. Деревообрабатывающая и бумажная промышленность является в Финляндии относительно своей производительной ценности прямо-таки господствующей частью капиталистической промышленности. Безусловно наибольшая часть (около девяти десятых всех лесов принадлежала уже и прежде казне. Бумажная промышленность очень концентрирована: конфискация нескольких десятков крупнейших предприятий была бы уже, без сомнения, равносильна конфискации почти всей этой отрасли промышленности. В лесопильной промышленности также крупнейшая часть производства находится в руках сравнительно редких крупных акционерных обществ, которые к тому же не пользовались симпатиями даже среди крестьянских землевладельцев. Конфискация всего около двухсот предприятий в собственность государства, казалось, могла с большим основанием означать полное господство государства в этих областях, а через это она означала бы и беспримерное косвенное влияние государства в прочих областях капитализма. Кроме того, превращение государственного банка в единственный или, по крайней мере, в господствующий торгово-промышленный банк и сконцентрирование всей внешней торговли в руках государства,—что в условиях военного времени стало простою задачей,—дополнили бы решительно превращение государства в силу, управляющую всем народным хозяйством страны. Государство являлось бы в этом случае господствующим капиталистом, но оно не было бы более государством, управляемым частными капиталистами и буржуазией, не было бы их классовой организацией, а «народным государством», в котором они, находясь в меньшинстве, не могли бы получить решающей власти. Решающая власть должна была наверняка находиться в руках трудящегося народного большинства, которое сообразно своим интересам пользовалось бы ею для превращения экономической деятельности государства в деятельность все более и более полезную для рабочего класса, чтобы таким путем постепенно превратить государство в социалистическое общество.

Такую экономическую политику имел явно в виду Финляндский Совет народных уполномоченных. Во всяком случае, часть его членов полагала, что большинство демократического народного представительства может согласиться на конфискацию крупнейших деревообрабатывающих и бумажных предприятий в вышеуказанном об'еме и на подчинение внешнего торгового обмена руководству государства; из этих мероприятий вытекало бы также изменение положения государственного банка. Что произошло бы, если германский империализм не пришел бы на помощь финляндским капиталистам, а рабочий класс победил бы в своей борьбе,—об этом еще и трудно, и бесполезно выска

зывать предположения. Но и без этих недостоверных предположений можно теперь видеть, что идея политического демократизма, преследуемая Советом народных уполномоченных, была неисторической мыслью.

Она хотела создать мост, переходную ступень от капитализма к социализму. Но для этой цели демократизм не годился.

Ее неисторичность чувствовалась уже во время революции. Она не годилась буржуазии и не годилась рабочим,—так чувствовалось, хотя ни та, ни другая сторона не высказывались против этой мысли. Буржуазия не считала умным выступать против демократизма, а рабочий класс,— тот самый рабочий класс, который в 1904, 1905 и 1906 годах под влиянием высокого возбуждения боролся за демократизм, относился теперь к нему весьма индиферентно. Обоим сторонам годилась теперь лишь диктатура: буржуазии—белая, рабочему классу—красная. Обе стороны, повидимому, чувствовали, что предложение демократизма было на самом деле компромиссным предложением. Но ни та, ни другая сторона не желали компромисса, соглашения. Своя власть была для обоих сторон лучше, чем какая бы то ни было народная власть.

Народная власть, демократия, являлась в Финляндии конституцией предыдущего года. Она была получена в марте от русской буржуазной революции. Она не была на бумаге, не являлась общепризнанным основным законом, но в самом деле она существовала. Это не был полный демократизм,— далеко не такой хороший, как позже в проекте совета народных уполномоченных,—но он был настолько хорош, насколько демократизм в буржуазном государстве когда-либо может быть. Итти дальше по пути демократизма,— иначе говоря, по пути „мирной" классовой борьбы,— исторически невозможно.

Теперь после всего легко сделать это важное наблюдение. В прошлом году в Финляндии это было гораздо труднее. Относительная слабость финляндской буржуазии, ее слабость в парламентарной борьбе и неимение ею войска могли соблазнить нас, социал демократов, на увлечение демократическим миражем, на стремление к социализму через парламентарную борьбу и демократическое народное представительство, или итти, значит, тем путем, по которому историческая действительность не могла к нему итти,—могли соблазнить нас на стремление избежать социалистической революции, избежать промежуточной ступени между капитализмом и социализмом, диктатуры пролетариата, которой историческая действительность не может избежать.

Демократизм прошлого года казался нам верной программой не только прошлой, но и будущей истории. Он казался лишь неполным и слабым для того, чтобы годиться для созидания социализма. Для этого его нужно было дополнить и укрепить. Да, он был слаб, слишком слаб. Мы не заметили того, что онъ был настолько слаб, что его нельзя было даже укрепить. Слабость была его главным свойством, как вообще она являлась всегда главным свойством демократизма в буржуазном государстве. Правда, он был слаб и для поддержки буржуазии, но еще слабее он был для рабочего класса. Его единственное, исторически важное преимущество, преимущество для обеих сторон,—значит, противоречивое преимущество,—заключалось в том, что являлось вообще всегда преимуществом демократизма, и именно— в том, что он давал классовой борьбе возможность развиваться сравнительно свободно. Он дал возможность ей развиться до той ступени напряжения когда оставалась лишь возможность решения вопроса

оружием, т. е. когда исторической задачей этого самого демократизма должно было быть первым свалиться, как ненужная, свое дело исполнившая, старая сгнившая ограда между двумя наступающими фронтами.

3. Таинство причастия в кровавой борьбе.

Когда финляндская буржуазия в конце января скомандовала своих белогвардейцев в наступление, то социал-демократия взбесилась в защиту демократии. Буржуазия отнимет, уничтожит демократизм,— кричали со стороны социал-демократии.— Пожар! Демократия в смертельной опасности! Так и было. Буржуазия хотела раз навсегда избавиться от своего бессилия, освободиться от всяких оград демократизма, которые, во всяком случае, являлись ей помехой, хотя и не представляли опасности; она хотела воздвигнуть голую классовую власть, свободную власть грабежа, „строгий порядок", как тогда говорилось, республику или монархию палачей, как теперь выясняется.

Так хотела буржуазия. Социал-демократия ответила на это революцией. Но во имя какого лозунга? Во имя рабочей власти? Нет, во имя демократизма. Во имя такого демократизма, которого нельзя было бы отнять.

Эта наша позиция социально была не ясна, а исторически она являлась утопией. Такой демократизм, которого нельзя было бы отнять, мог возникнуть лишь на бумаге. В классовом обществе такого демократизма никогда не было и не может в нем быть. Эксплоатирующий класс всегда при демократизме отнимал власть у народа. Если капиталистическая эксплоататорская система в экономической жизни должна была и впредь остаться в силе, то такой демократизм был невозможен, при котором пролетариат мог бы быть классом, управляющим государством и через государство затрогивать самые корни капиталистической эксплоатации. Если же опять капиталистическая хозяйственная система могла уже быть разрушена, то демократизм был для этой цели ненужен, негоден и невозможен. В предыдущем случае демократическая конституция, если бы она все-таки была на бумаге установлена, явилась бы лишь ширмой для классовой власти буржуазии и, быть-может, некоторым препятствием и помехой для нее; в последующем случае она явилась бы ширмой и препятствием для рабочей классовой власти. Настоящего демократизма не возникло бы ни в том, ни в другом случае. В классовом обществе могут быть лишь два состояния междуклассового соотношения сил: одно из них *состояние угнетения*, поддерживаемое насилием (вооруженной силой, законами, судебными учреждениями и прочим насилием), в котором борьба угнетенных классов задушена и превращена в тихую борьбу (в подпольную или легальную, в анархистскую или парламентарную, профессиональную и т. д.); другое состояние, являющееся между состоянием угнетения, состояние открытой междуклассовой борьбы,— *революция*, во время которой посредством вооруженного столкновения решается, какой класс с тех пор должен быть угнетателем, какой угнетенным.

Когда финляндская буржуазия вызвала рабочий класс на открытую борьбу из-за классового господства, то у рабочей партии были на выбор две определенные позиции: или принять вызов и подняться на революционную борьбу *в защиту рабочей классовой* власти, или без боя сдаться на милость буржуазии, признав свою слабость или

изменив делу своего класса. Финляндская рабочая партия не приняла ни той, ни другой позиции. Она исполнила, правда, свою боевую обязанность, поднялась на борьбу, но лишь на оборонительную, а не на сознательную революционную борьбу. Говорилось, правда, о революции, и на самом деле принималось даже участие в настоящей революционной борьбе, но с закрытыми глазами, не сознавая характера этой общественной революции. В один и тот же момент говорилось также о демократизме,—о том демократизме, с которым неразрывно было связано понятие о том, что посредством него могла быть избегнута вооруженная общественная революция Таким образом, к революции было приступлено, собственно, для избежания революции.

В нашей боевой программе это была необычайная органическая ошибка, которую теперь, поняв ее, необходимо открыто признать, но которую в свое время мы не сознавали. Мы не сознавали, что когда разразилась революционная борьба, то и рабочий класс отбросил демократизм насилием в сторону, вычеркнул его, как бесценную помеху из своей программы. Если бы финляндский рабочий класс не принял вызова буржуазии, но без сопротивления позволил бы себя избивать, заковывать в кандалы и расстреливать, то в таком случае демократическая программа защиты и свободы была бы здесь на своем месте. Но в тот январский день, когда рабочий поднял руку на своего заклятого врага, эта рука сорвала прочь с дороги отрепья демократизма. После этого дня навязывание демократической программы было равносильно историческому шагу назад; точно так же обстояло дело и относительно того превращенного в «выгодный для рабочих» демократизма, который содержался в проекте конституции, выработанном Советом народных уполномоченных.

То обстоятельство, что представители какого-либо класса в революции или прочей классовой борьбе не сознают действительной цели борьбы, еще отнюдь не значит отрицания борьбы и ведения ее к поражению, не означает того же самого, как противодействие делу своего класса и сознательная или несознательная измена. Борьба сама по себе является историческим фактом, главным делом, которое решает и определяет действительный результат, и каждый, кто по мере своих сил принимает участие в революционной борьбе поднимающегося класса, помогает этим самым делу этого класса, хотя бы его голова была переполнена какими бы то ни было противоречащими истории иллюзиями. Так и финляндская социал-демократия, когда она исполнила свою боевую обязанность и, не отказавшись от борьбы, не изменила делу своего класса, своею борьбою поддержала на деле программу социалистической революции, хотя она и выставила своим знаменем старую, истрепавшуюся программу демократизма.

В истории мировых революций случалось не раз, что передовые борцы борющегося класса имели лозунг, совершенно не отвечавший действительной, об'ективной исторической цели их борьбы. Напротив, неясность лозунгов являлась из-за недостатка социального сознания правилом в революциях прошедших столетий. Чаще всего революционные лозунги являлись порождением случайных обстоятельств или ударными фразами самой поверхностной, недальнозоркой политики, к которым часто мог также присоединяться странный и несообразный символизм.

Вспомним напр., как в богемском гуситском движении, в котором тоже в действительности велась борьба из-за самых явных клас-

совых интересов, в области лозунгов спорили, главным образом, о том, предоставляется ли в таинстве причастия для всех, кроме хлеба, также и вино. Демократическая программа финляндской социал-демократии являлась в финляндской революции прошлою зимою именно такой программой таинства причастия. Эта программа не помешала финляндской социал-демократии принимать участие в революционной борьбе, но эта программа, как таковая, не принесла этой борьбе пользы. Если не знающий дела моряк ведет корабль в неверном направлении, в котором он, если бы шел по этому направлению, оказался бы в тупике или сделал бы большой круг, но сильная буря незаметно для него самого ведет его по верному направлению, то, без сомнения, этот хороший результат получился не благодаря разумности моряка а благодаря буре; моряк, пожалуй, и исполнил в пути добросовестно и прилежно свою обязанность, но он не умел пользоваться картами и компасом, которые были предоставлены ему для того, чтобы держать курс в верном направлении.

Для современной социал демократической рабочей партии, деятельность которой должна была опираться на марксистскую – следовательно, на научную подготовку,—для нее было менее всего почетно нести на баррикады символ вина для причастия. И,—что еще хуже,—это было помехой и слабостью в борьбе. Ясное сознание цели, уже как таковое, увеличивает силу и энергию борца; недостаток сознания порождает легко неуверенность, колебание и слабость. Точно так же произошло и в Финляндии во время революции. Не было в достаточной мере устроено порядка. Даже в Гельсингфорсе буржуазии была оставлена слишком большая свобода для интриг. Обыски и аресты виновных не производились достаточно энергично. Виновные контр-революционеры наказывались слишком легко. Принудительный труд не применялся вовремя к бездельничающим барам. Вероятно, было бы поступлено более строго, если бы нашей сознательной целью в революции было с самого начала поставлено учреждение рабочей диктатуры. Когда не было такой цели, то это внесло в нашу деятельность опасную половинчатость, которая могла прибавить храбрости интригующей буржуазии, в то время как она, с другой стороны, побудила присоединившиеся к красной гвардии анархистские элементы к самовольному устройству частных кровавых расправ, грабежей и пр., каковое отсутствие дисциплины вызвало замешательство в своих революционных рядах.

От этих обстоятельств, конечно, не зависел в Финляндии несчастный конец революционной борьбы. Поражения нельзя было избежать, когда германское правительство присоединилось к работе палача. Но если бы германское правительство не присоединилось,—что произошло бы в таком случае? Этого мы наверное не знаем, но весьма возможно, что в таком случае окончательный исход борьбы мог бы очень существенно зависеть от того, применялся ли революционный порядок в виде строгой и рассчитанной на более долгое время диктатуры, или в виде гуманной промежуточной ступени к мирной гавани, якобы, близкого демократизма,— значит, косвенно, по крайней мере, частью от того, какое знамя или какой символ выставляло социал демократическое руководство революционным движением. Во всяком случае, исход борьбы висел бы на волоске.

Без сомнения, на тактику и программу Совета народных уполномоченных и вообще финляндской социал демократии во время революции влияла в известной степени та точка зрения, что необходимо было при-

нимать во внимание симпатии мелкобуржуазных и крестьянских слоев населения, находящихся вблизи рабочего класса, что не нужно было отталкивать их, пугая социализмом и рабочей диктатурой, но успокаивать и задабривать демократизмом и гуманностью. Это была парламентарная избирательная тактика, а не революционная деятельность. В революции мудрость этой тактики оказалась опасной ошибкой. Спокойные и неуверенные симпатии мелкобуржуазных элементов не имели, да и не могли иметь на ход борьбы значительного влияния. Сила борьбы зависит всецело от рабочего класса, от его пыла, энергии и храбрости и от его доверия к руководству революцией. Но пыл рабочих скорее понижался, чем повышался лозунгом демократизма; он вызывал в них, без сомнения, скорее чувство разочарования, чем казался той целью, ради которой рабочий мог с радостью пожертвовать даже жизнью. Ясные лозунги классовой диктатуры и социализма могли бы совершенно иначе зажечь души рабочих. Они ясно чувствовали бы, что их ведут в борьбе действительно вперед, прямо к их величайшему историческому идеалу. И при виде того, что руководство революцией поступало бы с буржуазией именно с тою строгостью, с какою во время кровавой классовой борьбы необходимо поступать с врагом и угнетателем, который в свою очередь, по справедливости оказался угнетенным,— при виде этого среди рабочей армии укрепилось бы доверие к находящимся в руководящих центрах товарищам.

Пламенное доверие рабочих дороже золота для руководящей революцией рабочей партии. Его нельзя растрачивать напрасно, если желаешь победы революции, а не ее поражения.

4. Логика бури.

Пролетарская революция прежде всего — большая организационная задача. Администрация должна быть организована в аппарат классовой власти пролетариата; пролетарская армия должна быть сделана твердою опорою этой власти, а ведение классовой войны должно быть сделано победоносным; в то же время экономическая жизнь должна быть организована на почве социализма.

Тот богатый опыт, который мы успели получить в финляндской революции при исполнении этих организационных задач, требует своего особого обсуждения, к которому мы не имеем намерения здесь приступать. Нам следует здесь лишь констатировать то направление, по которому, как указал нам опыт, следует итти в организационной работе пролетарской революции.

Относительно организации правления мы оказались на практике на верном пути, главным образом, из-за всеобщей забастовки чиновников. Невзирая на всю нашу демократическую ересь, все государственное и коммунальное правление оказалось в руках организованных рабочих, так как прежние чиновники почти повсюду об‘явили забастовку. В некоторых областях небольшая часть из них осталась на своих местах, но вообще или с целью саботировать, или тайно помогать ведению войны белогвардейцами —напр., на железных дорогах, на почте, на телеграфе и на телефонных станциях. Было бы, пожалуй, лучше, если бы и в упомянутых областях были изгнаны немедленно все те служащие, которые были известны как сторонники буржуазных партий, хотя из-за этого средства сообщения значительно пострадали бы, и, напр.,

деятельность телеграфа временно почти совершенно приостановилась бы. Во всяком случае, до тех пор, пока продолжается настоящая фронтовая война, особенно опасно терпеть на железных дорогах и в телеграфном учреждении готовые на изменнические услуги элементы; телефонами же может находящаяся в тылу рабочего фронта буржуазия пользоваться для целей военной измены в такой мере, что вообще их употребление на время открытой классовой борьбы было бы, пожалуй, лучше ограничить по возможности до минимума, так как вполне действительного контроля относительно телефонов невозможно организовать.

В области организации производства всеобщая забастовка руководителей предприятий и техников также толкала органы революционного движения на желаемый рабочими путь,—путь социализации, гораздо скорее и гораздо больше, чем наша социал-демократия в том случае хотела бы еще итти. Прежде всего в руках организованных рабочих оказались, конечно, казенные и коммунальные предприятия, а также вскоре и крупные капиталистические предприятия,—между прочим, бумажные и деревообрабатывающие фабрики, принадлежащие крупнейшему капиталистическому предприятию страны: акционерному обществу Кюмене. Вообще приведение в действие оставленных капиталистами предприятий не представляло для рабочих непреодолимых затруднений. Впрочем, потребность в технически образованных руководящих силах при организации промышленности, без сомнения, чувствовалась бы позже гораздо сильнее, чем в начале; но как ни незначительны были в этом отношении находящиеся в распоряжении рабочего класса вспомогательные силы, опыт все же указал с достаточной ясностью, что финляндский рабочий класс был бы в состоянии ограничивать производство страны. Из большинства фабрик, пущенных в ход рабочей властью, как сообщалось через некоторое время, успех был лучше, чем можно было предполагать.

Напротив, в организации самой классовой войны и красной армии проявились ошибки, непоследовательности и недостатки, вытекающие в значительной части из недостатка опыта и технического искуства, но частью и из того, что на самую организацию борьбы не было обращено достаточно серьезного внимания. Подготовка прежде вступления в борьбу не была старательною, целесообразно подготовленною и энергичною. Даже арест вождей буржуазии не подготовлялся заранее и в этом отношении даже во время классовой войны не было достигнуто никакой систематичности. Красная армия составлялась вначале исключительно из добровольно об'являвшихся организованных рабочих, потом в нее допускались и неорганизованные рабочие, местами их и обязывали вступать в нее и, наконец, в иных местах осуществлялась всеобщая воинская повинность, при чем и представители буржуазии посылались с винтовкой в руках на фронт. Повидимому, было бы целесообразнее произвести уже вначале набор среди всего пролетариата, принимая из него в армию или всех способных носить оружие мужчин, или принадлежащих к определенным возрастным группам. Жалованье в армии, которое равнялось вышесредней заработной плате, не должно было быть столь высоким. (Общественных работ для безработных не следовало вообще устраивать до тех пор, пока в красную армию требовались люди). Продовольствие красной армии было, пожалуй, поставлено удовлетворительно, но недостаток обуви был велик, а также отчасти и недостаток одежды. Перевозка, хранение и акуратная доставка на место оружия и военных припасов были особенно вначале плохо организованы, да и потом не успели организовать этого дела удовлетворительным образом. Всего более, пожалуй, страдала недостатками воин-

ная разведка. Устройство для этого особых разведочных отделений в тылу фронта было явною ошибкой; заботы подобных отделений могли лишь мешать военным действиям и быть для них опасными. То обстоятельство, что посредством самих находящихся на фронтах отрядов не было организовано разведочной деятельности, удовлетворяющей хотя бы самым умеренным требованиям, находилось явно в связи с самым большим недостатком, от которого страдала наша красная армия. Это был недостаток способных, надежных, аккуратных и вышколенных начальников. Уже и прежде не имелось вышколенных сил, так как страна была долгое время без своего войска; лишь небольшое количество бывших унтер-офицеров имелось в распоряжении рабочего класса. Даже неполная подготовка офицеров до революции оказала бы наверное, большую пользу борьбе, но такой подготовки не было организовано тогда, да не особенно и потом, во время революции. Зависело прямо-таки в рискованной мере от случая, какой человек попадал на место начальника. Попадали, правда, и хорошие люди, многие вполне превосходные люди, которые в течение короткого времени посредством опыта поднимались на уровень своей большой задачи и создавали из своих отрядов образцовые отряды. Но вместе с другими попадали также и непригодные к своему делу и отчасти негодные элементы на места начальников и в штабы; правда, среди них вообще не было изменников, но часто были все же большие болтуны, которые никогда прежде не годились ни на какую порядочную организационную или руководящую деятельность, и которые и теперь не годились на это, хотя во время всеобщего брожения и поднялись на поверхность. Если бы выращенные нашим рабочим движением опытные организаторы стремились тогда с большим пылом принимать участие в военном руководстве и организационной работе, а не избегали бы ее, как часто случалось, то, без сомнения, руководство классовой войной с нашей стороны было бы лучше организовано. Тогда не могла бы посеять столько недоверия к военному руководству та провокаторская возбудительная работа, которую буржуазия вызывала в наших рядах посредством нанятых пособников. Такая возбудительная работа является явно в классовой войне в руках буржуазии самым коварным и опасным противосредством, и чем больше среди начальников находится поднявшихся лишь во время революции на поверхность элементов, прошлое которых неизвестно, тем больше могут массы во время неудач начать подозревать начальников, как изменников.

В общем руководстве классовой войной было также проявлено с нашей стороны много поводов для критики. То обстоятельство, что вначале не наступали энергичнее и дальше, обусловливалось, правда, в существенной мере недостатком оружия, хотя и не только этим. Потом, когда оружие было получено, не было достаточно обученного войска; имевшиеся в распоряжении недели не были энергично использованы для составления и обучения новых отрядов, так как вначале не имелась в виду подготовка к более долгой, продолжающейся несколько месяцев, классовой войне. Разумного разделения труда между отрядами не было достигнуто. Большею частью наши войска сражались все время без резервов, что вскоре оказалось для них и утомительным, и опасным. Наши фронты вообще сдерживали хорошо наступление неприятеля, но из-за недостатка резервов и особых ударных батальонов мы сами не были способны предпринимать сильных наступлений. Когда мы на нашем северном фронте продолжали более долгое время попытки наступления, то там, на север от Таммерфорса, образовался в нашем фронте

большой и опасный изгиб, фланги которого оставались почти совсем незащищенными. Этот изгиб требовал в 5—6 раз больше сил, чем требовал бы на северной стороне Таммерфорса выпрямленный, твердый оборонительный фронт. Такая тактическая ошибка скоро отомстила за себя. Фланговое наступление белых вызвало в находящихся в конце изгиба слишком утомленных отрядах замешательство и отступление в таком беспорядке, что неприятелю было легко окружить Таммерфорс и перенести фронт на южную сторону этого города.

Без сомнения, настроение наших войск при этом было уже удручено тем известием, что германское правительство пришло на помощь финляндской буржуазии, послав для начала военные суда на Аландские острова, чтобы поддержть перевозку оружия и вспомогательных отрядов в Финляндию. С Аландских островов была также потом подготовлена совместная высадка немецких и финляндских белогвардейцев в Ганге, в наш тыл. Русские офицеры позаботились, со своей стороны, о том, чтобы на внешних укреплениях в Ганге, так же, как и на Аландских островах, пришельцам не было оказано никакого сопротивления: русские защитники были уведены прочь, а в руки финляндских революционеров не было дано укреплений. Эта высадка, против которой нехватило более наших войск, сделала положение Гельсингфорса явно опасным, а оборону всей юго-западной Финляндии безнадежною. Немедленно было приступлено к эвакуации юго-западной Финляндии с целью отступления на восток,—напр., на линию реки Кюмене. Но тогда оказалось, что в тех местностях, где неприятель не наступал, было трудно заставить наши войска отступить. При задержке нашей эвакуации и отступления неприятель собрал большие наступательные силы в восточную Финляндию, чтобы затруднить наше отступление в Россию. Отразить наступление этих международных белогвардейских сил стало для нас во второй половине апреля невозможным. И когда наш фронт в Карелии был прорван, то наибольшая часть нашей красной армии оказалась окруженною. Наверно только около четырех-пяти тысяч из всей нашей революционной армии пробилось в Россию.

Финляндская буржуазия просила сначала помощи у шведского правительства. Она и получала все время из Швеции оружие и военные припасы, но сделки о настоящем военном вмешательстве не удалось со шведским правительством по той или иной причине заключить. Вместо того шведское правительство пыталось во время революции захватить принадлежащие Финляндии Аландские острова. Позднее, когда поражение нашей красной армии могло из Швеции казаться уже неизбежным, и оставалось лишь исполнить прямую работу палача, Швеция отправила свою „черную бригаду“ к Таммерфорсу, чтобы пить кровь революционных рабочих. Это обстоятельство, кажется, нисколько не мешало шведским правительственным социалистам остаться верными лакеями буржуазных партий и правительства своей страны. До прибытия черной бригады к нам в Гельсингфорс прибыла официозная делегация шведских правительственных социалистов, от имени которой секретарь партии Меллер об'яснил, что победа финляндской революции оказала бы большой вред делу международной демократии... Международные социал-предатели боялись, следовательно, уже и нашей революции, боялись, что распространяющийся вместе с нею огонь мог опалить перья перин, приготовленных им буржуазией. Теперь, после происшедшего, нам кажется скорее угрожавшей та возможность, что победа нашей революции могла бы, пожалуй, своею демократической

программой спутать вначале в соседних странах понятия рабочих о великих задачах пролетарской революции.

Но победа оказалась еще на этот раз на стороне насилия капитала. Германский империализм услышал мольбы финляндской буржуазии и взялся проглотить молодую независимость ее отечества, только-что полученную по просьбе финляндских социалистов в дар от Российской Социалистической Советской Республики. Финляндскую буржуазию ни на минуту не упрекало национальное чувство и не страшило рабское ярмо чужого империализма, когда ее отечество стремилось превратиться в отечество трудящегося народа. Скорее буржуа постарались бросить весь свой народ на добычу немецкого мирового разбойника, прося себе лишь скромное место надсмотрщика за рабами.

Они получили это место и получили кнут в свои руки. И никогда в мире кровавым кнутом не размахивали с более ужасной зверской страстью, чем теперь, во время террора надсмотрщика Свинхувуда, размахивают в Финляндии непрестанно со дня на день вот уже шестой месяц. Сладострастие мести финляндской буржуазии потребовало после революции гораздо больше смертных жертв из числа беззащитных пленных, чем потребовала от рабочих жестокая классовая война, продолжавшаяся целые три месяца. Систематической массовой резней наших товарищей финляндская белогвардейская власть как будто старалась указать с потрясающей нервы резкостью рабочим всех стран, какая вакханалия мести может и им угрожать, если они, завладев властью, не подчинят немедленно буржуазию своей страны своей железной диктатуре, но будут по отношению к своим классовым врагам, находящимся как на свободе, так и в тюрьме, руководствоваться тою же сантиментальной гуманностью, какою руководствовалось наше революционное правительство в Финляндии. Кроме массовой резни, финляндская буржуазия с самого начала пользовалась, как средством мести, убийством пленных массами посредством голода. Это, повидимому, самая сладострастная месть богобоязненного монархистского акционерного капитала: когда рабочие, которые вообще с гордостью чувствовали, что они являются создателями и настоящими владельцами всех богатств, теперь в тюрьме корчатся в судорогах голода, синеют и один за другим испускают дух, то, видя это, элегантный владелец акционерного капитала лучше всего переваривает жиры, возбуждает свой аппетит и наслаждается своею сверхчеловеческою властью... Наслаждается так много, что на этот раз почти совсем забывает, как вообще все мошенники, что живая рабочая сила еще нужна... пока какой нибудь частный капиталист, —как, напр., бар. Линдер, —не пробудится с похмелья, видя, что его поместья и фабрики остаются совершенно без рабочих сил, скажет похмельную истину: „это бесчестно!" и призовет своих свинхувудских соратников к большей умеренности в наслаждении местью.

Капиталистический рай в Финляндии теперь более или менее готов и закончен. Недоставало лишь позолоченной короны. Да и она уже была заказана, она известного немецкого изготовления.. в филиальном отделении Гогенцоллернов в Гессене, по указанию Вильгельма-мастера.

Финляндское рабочее движение прошлою весною было разбито на части и в своем прежнем виде оно больше не поднимется. Иступившийся топор был брошен в горнило истории для переплавки, и теперь мы видим, что из него вышла светлая сталь коммунизма. Ржавчина и шлак выплыли из него на поверхность как в Финляндии, так и в России. В Финляндии шайка социал-демократических изменников под

руководством бывшего сенатора Таннера выступила на сцену голая и не стесняющаяся, чтобы продавать свои изношенные добродетели для удовлетворения „прогрессивной“ буржуазии. „Товарищ“ Токой вместе с актером А. Орьятсало и некоторыми другими поехал на гастроли на Архангельскую ярмарку, где эта труппа дает теперь плачевный фарс для удержания заблудившегося финляндского легиона в рядах английского империализма. От неисправимых социал-демократов и бюрократов старого профессионального движения, которые даже в России ничему не научились, мы отделились окончательно на совещании, состоявшемся в Москве в конце прошлого августа. После этого была основана Финляндская Коммунистическая Партия на основании следующих принципиальных директив:

1. Рабочий класс должен энергично готовиться к вооруженной революции и отнюдь не стремиться к той старой парламентарной, профессиональной и кооперативной борьбе, на позиции которой стояли и финляндские рабочие организации до революции.

2 Лишь такое рабочее движение и такую деятельность, насчет которых имеются гарантии того, что они способствуют распространению коммунизма и победе будущей социалистической революции, должно признать, и следует оказывать такому движению и такой деятельности энергичную поддержку; на иной позиции стоящую деятельность среди рабочих следует резко осуждать, разоблачать и противодействовать ей.

3. Посредством революции следует взять в собственные руки рабочего класса всю власть и основать железную пролетарскую диктатуру; следует, значит, стремиться к уничтожению буржуазного государства, а отнюдь не к демократизму ни до революции, ни посредством революции.

4. Посредством пролетарской диктатуры должен быть создан коммунистический общественный строй через конфискацию всей земли и капиталистической собственности, и посредством собственной деятельности рабочего класса должны быть организованы все производство и раздел продуктов,—следовательно, нельзя ни посредством революции, ни до нее стремиться починять капиталистическую систему эксплоатации для того лишь, чтобы она приняла более терпимый вид.

5 Возникновению рабочей международной революции и ее победе необходимо содействовать возможно энергичнее, и всеми силами необходимо поддержать Социалистическую Советскую Республику российского пролетариата.

Этому мы научились из тяжелого опыта борьбы и из великого примера русского пролетариата.

Мы понимаем теперь, что основой марксистской тактики является то, что в каждый момент необходимо правильно учитывать историческое положение и потом в указываемых им рамках наступать возможно дальше вперед. В то время, когда не имеется исторических предпосылок для революции, попытка революции противоречит марксистской тактике. Особенно эмигранты после потерпевшей поражение революции впадали много раз на свете в ту ошибку, что с закрытыми глазами готовили новую попытку революции в то время, когда история отняла у нее предпосылки. Таких импровизаторов революции и такое революционное дурачество Маркс бичует жестоко в своих сочинениях. Тогда же, когда мы в истории оказываемся в революционном периоде, когда кажется, что имеются возможности для вспышки революции, когда кажется, что она „приближается“, как теперь вообще в Европе,—

тогда задерживание или бездеятельность относительно будущей революции должны быть с марксистской точки зрения строго осуждены. Тогда рабочее движение должно стремиться к революции, серьезно подготовляться к ней, а не стремиться избежать ее прочими хлопотами.

Сообразно с этим мы хотим теперь действовать как в Финляндии, так и в России и вообще везде, где наши молодые силы могут потребоваться, на пользу международной революции. В России ближайшей и важнейшей задачей нашей партии является организовать в хороший вид надежные и сознательные финляндские отряды красной армии. В этом отношении наши теперь уже бодро действуют.

В адресованном товарищу Ленину открытом письме наш партийный с'езд заявил, что он может сказать русским товарищам: „Финляндские коммунисты пойдут с радостью в огонь,—хотят участвовать в наступлении, когда крепости капитализма будут взяты и разрушены; финляндские коммунисты считают для себя унизительным оставаться в тылу, когда пролетарии всех стран завоевывают мир".

О. В. Куусинен.

Октябрь 1918 г.

Открытое письмо к тов. Ленину.

В августе 1918 года в Москве была созвана конференция эмигрировавших в Россию финляндских социал-демократов. Со времени финляндской революции до конференции успел произойти процесс перехода финляндских революционных социал-демократов к коммунизму. Жестокий опыт финляндской революции и наглядное ознакомление с большевизмом и великими результатами его деятельности в России содействовали прояснению коммунистического сознания участников финляндской рабочей революции.

Таким образом, большинство финляндской конференции встало на точку зрения коммунизма и решило основать финляндскую коммунистическую партию на место погибшей в волнах революции социал-демократической партии. Выделившееся из той же конференции Учредительное Собрание финляндской коммунистической партии обратилось 3-го сентября к тов. Ленину со следующим письмом, выясняющим процесс перехода финляндских социал-демократов к коммунизму:

Товарищ Ленин!

С чувством глубокого возмущения, будучи потрясены до глубины души, мы узнали, что пулей убийцы, подосланного буржуазией, ранены из-за угла Вы, первый борец Российской Социалистической Советской Республики и вождь международного рабочего движения. Собравшись на конференцию сюда, в столицу Российской Социалистической Советской Республики, чтобы на место социал-демократической партии, погибшей прошлою весною в буре финляндской революции, основать финляндскую коммунистическую партию, мы надеялись увидеть здесь в нашей среде Вас, уважаемый товарищ и наш учитель, и уже решили просить Вас, чтобы Вы прибыли на наше собрание. Но это наше желание увидеть Вас лично на своем собрании не сбылось из-за отвратительного покушения. Разрешите поэтому высказать Вам в этом открытом письме те накопившиеся в нашей душе чувства и мысли, которые мы хотели высказать Вам устно.

Год назад Вы находились в изгнании в нашей стране; теперь мы находимся у Вас. Вас изгнали в Финляндию насилия русской буржуазии, которая тогда при помощи диктатуры временного правительства преследовала русский борющийся пролетариат. Нас изгнало теперь в Россию насилие об'единившейся финляндской и германской буржуазии, которая теперь посредством самой кровавой диктатуры душит пролетариат Финляндии и Германии.

Год назад мы не могли поверить, чтобы в России произошла уже в течение войны настоящая пролетарская революция. Мы думали: сна-

чала мир, потом революция. Вы же, товарищ Ленин, сказали тогда с глубоким убеждением: сначала революция, потом мир.

И Вы на основании своей уверенности действовали решительно. Когда наступила осень, Вы поспешили из Гельсингфорса в Петроград. Мы посылали Вам личные приветствия с предупреждением: будьте осторожны, Керенский угрожает Вашей жизни. Но Вы не обращали внимания на наши предупреждения, так как по Вашему убеждению, тогда пришло время приступить к смелому натиску и вызвать пролетариат на революцию

Русский пролетариат восстал. В октябре он сверг и буржуазных властителей, и тех социалистов, которые являлись их пособниками, и взял всю власть в свои руки.

Мы, финляндские социал-демократы, не понимали тогда значения этого великого события. Мы не верили тогда, что в сентябре 1918 г. власть в России будет все еще находиться в руках пролетариата, уничтожившего буржуазное государство и созидающего социалистический общественный строй.

Прошлою осенью накануне русской рабочей революции. Вы, товарищ Ленин, дали и нам, финнам, совет: „Вставайте, вставайте немедленно и берите власть в руки организованных рабочих". Не последовав в ноябре Вашему ценному совету, мы сделали,—в этом мы теперь убедились —историческую ошибку.

В ноябре в Финляндии образовались в самом деле благоприятные для революции условия. В течение лета и осени финляндский пролетариат, ожесточенный беззастенчивой эксплоатацией, дошел в своей классовой борьбе до такой степени, при которой до открытого вооруженного столкновения оставался лишь один шаг. И когда в России раздались призывные звуки рабочей революции, финляндский пролетариат был готов к восстанию Но социал-демократическая партия, единственная партия пролетариата нашей страны, не была готова. Под давлением классовой власти буржуазии партия была парализована; она приспособилась к той самой позиции мирной классовой борьбы, на которой стояла постоянно, напр., германская социал-демократия,—к позиции парламентарного и профессионального рабочего движения в программе которого социализм был лишь декорацией, и которое в своей деятельности старалось скорее избегнуть пролетарской революции, чем стремиться и готовиться к этой величайшей исторической задаче рабочего класса.

Сообразно с этим и мы, сначала поколебавшись, направили при помощи руководства нашей партии революционное стремление нашего пролетариата к простой демонстрации всеобщей забастовки и таким образом, достигли того, что вооруженное столкновение между рабочим классом и буржуазией было тогда избегнуто. Мы не верили в революцию и не хотели подвергать опасности наши организации и наши демократические завоевания, но желали до тех пор, пока возможно защищать и увеличивать эти завоевания парламентарными средствами.

Теперь, после происшедшего, нам кажется большей, чем прежде, та возможность, что революция могла бы тогда привести к победе, но, вероятно и в лучшем случае лишь к частичной победе,—вряд ли к победе рабочего класса, но скорее к демократическому компромиссу между буржуазными партиями и большинством нашей социал-демократической партии, после чего часть нашей партии должна была бы направить свою деятельность на призыв рабочих на путь действительного революционного социализма. Хотя, таким образом, непосредственным

результатом революции в ноябре вряд ли был бы захват власти рабочим классом, но все же революция могла бы иметь тогда значение исторического шага вперед в направлении пролетарской революции, и обязанностью нашей партии, как боевой организации рабочего класса, было наступать по этому направлению,—наступать возможно дальше, а не ожидать нападения буржуазии. При такой тактике классовая борьба нашего пролетариата, по всей вероятности, могла бы продвинуться вперед, конечно, не без жертв, но с гораздо меньшими жертвами, чем эта борьба потом потребовала.

Ибо, не исполнив в ноябре боевой обязанности нашей партии, мы все же могли избежать вооруженного столкновения лишь на короткое время. Мы не могли обеспечить парламентарными средствами осуществления демократической конституции, установления законодательным путем 8 часового рабочего дня и прочих важных парламентских реформ, казавшихся уже столь близкими. Напротив, все демократические завоевания подвергались все более и более явной опасности, ибо буржуазия нашей страны готовилась к гражданской войне, основывая себе боевые организации, стремилась насилием захватить эти завоевания. Перед этой опасностью центральные органы нашей партии принялись готовиться к защите рабочего класса. Но эта подготовка не велась все же с такими энергией и уверенностью как если бы готовились к такой борьбе, к которой влекло бы желание, а не к такой, избежать которой считали за счастье.

В конце января буржуазия начала наступление на рабочих. На это наша социал демократическая партия ответила революцией. Предпосылки революции, как внутренние, так и внешне-политические, были на этот раз рабочему классу менее благоприятны, чем в ноябре. Правда, эти предпосылки при вступлении на путь революции было трудно учесть. Но у рабочего класса и рабочей партии не было теперь иного выхода. Часть рабочих оказала бы во всяком случае вооруженное сопротивление, и тысячи были бы убиты. Отказ нашей партии от борьбы вряд ли спас бы даже наши организации, но фронт рабочих этот отказ уже с самого начала безвозвратно разрушил бы, и в то же время он означал бы поддержку кровавой диктатуры буржуазии. До этого ни мы, ни наша партия не унизились. Все рабочее движение, как политическое, так и профессиональное, выступило на борьбу, почти как один человек, повсюду где это было лишь возможно.

Но мы не представляли себе ясно характера даже этой своей пролетарской революции и ее задач. Так как вооруженная борьба являлась для нас лишь неизбежным злом, то мы, руководя революцией, не обратили на организацию борьбы такого серьезного внимания, как на законодательство и организацию правления. Уже самое вступление в гражданскую войну произошло очень неорганизованно, и в течение всей первой важной недели значительная часть рабочей боевой силы осталась неиспользованною не только из за недостатка оружия, но также отчасти и из за недостатка порядка. И если потом, во время революции, в течение нескольких недель была все же создана Красная армия, достигающая приблизительно 75,000 человек, на территории, на которой проживала едва половина из трехмиллионного населения страны, в стране, в которой в течение 15 лет не было никакого своего войска, и в которой в распоряжении рабочего класса не было почти совсем лиц получивших военное образование или вообще знакомых с военной техникой, то это безусловно являлось больше доказательством развития общих организаторских способностей нашего рабочего класса,

чем военно-организаторского чудотворства нашего революционного правительства.

В политическом же отношении наше революционное правительство старалось долгое время скорее прямо задержать, чем развить внутреннее стремление революции к определенной пролетарской диктатуре и социализму. То, что мелькало перед нашими глазами, как непосредственная цель революции, не была социализация, а социальная реформа, не уничтожение буржуазного государства и установление власти пролетариата, а лишь исправление буржуазного государства на основании демократических иллюзий, не «перманентная революция», на которую указывал Маркс, и скорейшее освобождение от революции, как от тяжелого кошмара.

Это было логическое следствие вкоренившегося в нас социал-демократического воспитания, т.-е. парализация в нас пролетарской социалистической революционности долголетней парламентарной и профессиональной Сизифовой работой. Когда перед нами встал действительно решающий исторический процесс, пролетарская революция, которая являлась конечным украшением и в нашей социал-демократической программе, к которой все предыдущее рабочее движение должно было стремиться, и в которой рабочее движение должно было, наконец, пожать плоды своих долголетних посевов, тогда и разоблачилось, что „высокое развитие“ социал-демократии является опасной беспомощностью: она была наполовину слепой, наполовину хромой. Социал-демократия была для революционного рабочего класса скорее препятствием и опасностью, чем помощью и оружием и знаменем победы. Это была в своем роде рабочая демократия, которая в то время, когда в буржуазном государстве произошел действительно расцвет демократии, краше чего в нем не может никогда и быть, т.-е. полная свобода развития и обострения классовой борьбы, не поняла этой действительности демократизма и не воспользовалась этим временем, чтобы подготовиться основательно к тому высшему фазису классовой борьбы, к вооруженной революции, в которой демократия, как исполнившая до конца свое дело, должна будет в первую же минуту пасть и убраться с дороги. Когда эта наша рабочая демократия пала против своей воли в пролетарскую революцию, то уже собственная внутренняя логика революции повела нас вперед и привела со временем полунасильно на путь рабочей диктатуры и социализации производства. Но, вступив на путь революции, чтобы фактически избежать революции, мы из-за этого внутреннего противоречия привнесли и в свою деятельность много вредной противоречивости и опасной половинчатости, а это вызвало, в свою очередь, в рядах революционного движения развал и недоверие вообше к руководителям. Уже та возможность, что этот наш недостаток в то время, когда весы победы и поражения сильно колебались, мог бы привести рабочее дело к поражению, кажется нам теперь трагедией. Но и при победе рабочего класса нам угрожала бы, так как мы носились по воле ветра, опасность, что мы окажемся перед самой большой трагедией, какую только деятель рабочего движения может когда-либо встретить,—перед той самой трагедией, в которой очутились здесь, в России, меньшевики: сражаться с оружием в руках против пролетарской революции.

Несчастный конец нашей пролетарской революции не был решен все же историческими ошибками наших руководителей революции. Его решил зверь германского империализма, который явился на помощь финляндской буржуазии, посылая ей оружие, войска и предоставив в

ее распоряжение военное искусство. Исполнила ли германская социал-демократия свой международный долг, чтобы воспрепятствовать этому,— пусть решит германский рабочий класс. Для нас вмешательство германского правительства было гибелью и наукой. То отечество, самостоятельность которого,—дар полученный от вас, русские товарищи,— мы, финляндские социал демократы, так пламенно защищали,—это отечество финляндская буржуазия продала германскому империализму за цену крови нашего революционного пролетариата. Таким путем из нас искоренили социал-патриотизм.

Силою международных палачей и капиталистической техники массовых убийств были разбиты в апреле фронты наших революционных рабочих. Даже самое мужественное сопротивление финляндского пролетариата не выдержало. Спасительной помощи не пришло ниоткуда. Немецкий товарищ не слышал нашего голоса. Русский товарищ слышал, но не был в состоянии спасти нас. Он и сам находился в опасности, но он все же помогал, сколько мог. Долг нашей благодарности возрастал день за днем, неделя за неделей. Мы чувствовали это и в то же время стыдились того времени, когда мы, зараженные узким патриотизмом, разжигаемым буржуазией, колебались прибегнуть к помощи русского товарища-солдата и сторонились благородного союза с ним. Святое кровавое крещение борьба рядом друг с другом на снежных полях Финляндии соединили теперь в вечный товарищеский союз финляндского и русского пролетария, братьев по оружию.

Товарищ Ленин!

Тот революционный социализм, которого мы в начале финляндской рабочей революции совершенно не понимали, теперь открылся для нас: он становится для нас ясным из нашего тяжелого опыта, из великого примера русского победоносного пролетариата и из Ваших просвещающих слов и произведений.

Здесь, в России, мы имели возможность близко следить за величайшим революционным процессом мировой истории, за первой великой социалистической революцией.

Разрушение, одно лишь разрушение, увидим мы здесь,—говорили нам, когда мы прибыли из Финляндии. Правда, мы увидели много разрушения, но, поскольку мы видели разрушение, производимое революционным пролетариатом, это было уничтожением буржуазного государства, сознательным и основательным разрушением сгнившей угнетательской политической организации эксплоатирующих классов. И мы видели, как среди этого разрушения поднимается из земли благородным всходом нечто такое прекрасное, чего мы не могли себе прежде и представить: мы видели, как великая страдающая Россия рождает к жизни тысячелетнюю прекрасную мечту мирового пролетариата—социализм. Теперь мы вполне понимаем, что так и должна родиться эта мечта, что она никогда не может родиться живою в туманном болоте демократизма, но лишь в действительности разрушения, опасностей, страданий и борьбы.

Классовая власть Вашего победоносного пролетариата, во главе которого Вы, уважаемый товарищ, находитесь, создана для того, чтобы помогать рождению этого долгожданного нового общества. Мы видим что это гигантское дело требует ежедневно величайших усилий. Большие организационные затруднения Вашего дела потребовали бы невероятных усилий от революционного пролетариата даже и в том случае,

если бы Россию и не уродовала так бессмысленно многолетняя мировая война, открытые окопы которой закрывают и теперь еще важные артерии России. И еще многократных усилий потребует Ваше дело из-за непрерывных внутренних и внешних нападений. С оружием в руках приходится русскому рабочему строить, с оружием в руках приходится Вашему революционному пахарю пахать. Но они строят, пашут и борются с неустающими силами, с неубывающим пылом. Плохо выходит, плохая работа,—каркают в стороне изгнанные вороны. Да все и не выходит хорошо,—не время теперь разбирать, но готовые плоды работы созревают ежедневно. Мы неожиданно увидели здесь много готовых результатов Вашей общей работы, и это хорошее доказательство. В России, в стране экономически и культурно плохо развитой, в стране, до прошлого года испытавшей рабство царизма и под конец гнет германского железного сапога, Социалистическая Советская Республика, несмотря на все затруднения продержалась более десяти месяцев,—уже один этот факт является для нас величайшим доказательством того, насколько весь капиталистический мир созрел действительно для социалистической революции.

Созрел для коммунизма, как скажем мы теперь вместе с Вами, товарищ Ленин, сообразно с развитым Вами учением марксизма, бесспорное доказательство прочности которого дает история Вашей пролетарской революции всему миру.

Прояснение коммунистического учения означало для нас, бывших финляндских социал-демократов, открытие нового мировоззрения. Оно произвело и в нас социалистический переворот. Лишь теперь, пробудившись мы видим свет социализма, который прежде мы видели лишь во сне. Свое коммунистическое сознание мы приняли, как долг, который мы должны выплатить верной работой и борьбой на пользу международной социалистической революции прежде всего в Финляндии и затем в России. Коммунизм влил в наши души невообразимо отрадное сознание того, что даже те великие жертвы, которые рабочий класс нашей страны принес в своей борьбе и в своем временном поражении, и особенно после него, во время неслыханной, зверской вакханалии мести финляндской буржуазии,—что даже эти жертвы не принесены напрасно, но на пользу победы международного пролетариата. Этой победе помогал финляндский пролетариат своей борьбой и поражением прошлою весною. Незначительный по количеству борцов и по своим знаниям, он много пожертвовал. И он еще поднимется. Огненное слово коммунизма блеснет и среди самой темной ночи освещающей молнией надежды. Оно разобьет цепи отчаяния и вселит в разбитую душу борца несокрушимую уверенность в победе. В тот день, когда из края в край земли раздастся призыв: «Это будет наш последний и решительный бой»,—в тот день, когда международная красная армия двинется в путь, весь мир увидит, что и финляндский пролетариат устремится в ряды борцов во имя мести и победы.

Пусть тогда в Германии и Австрии, а также в Англии, Франции, Соединенных Штатах и Японии будет вынесен приговор рабочего класса всем тем рабочим партиям, которые стараются обманчивыми лозунгами: „сначала мир, потом революция“ отсрочить взрыв пролетарской революции до менее благоприятного времени, не стремясь к ней уже во время войны и не готовясь серьезно к ней уже в этот миг.

Пусть падут приговор и позор на те рабочие партии и организации, которые прямо или косвенно поддерживают попытки своих

империалистических правительств к нападению на Российскую Социалистическую Советскую Республику и к пресечению международной рабочей революции.

Братскую руку протягиваем мы тем рабочим организациям, которые в разных странах бодро стремятся и готовятся к пролетарской вооруженной революции уже во время войны, действуя каждая для спасения пролетариата своей страны, а в то же время для помощи Российской Социалистической Советской Республике и, наконецъ, для учреждения общей международной социалистической республики пролетариата всех стран.

Мы твердо надеемся, что нынешняя мировая война должна стать той могилой, в которую будет ввергнут мировой капитализм.

Слава вам, русские товарищи коммунисты, которые так доблестно исполнили самую трудную работу передовых борцов на пользу международной пролетарской революции. Верно то, что еще страшные усилия и многие дорогие жертвы потребуются от Вас и от того пролетариата, представителями которого Вы являетесь. Но еще вернее то, что международное победоносное шествие социализма, начатое вашим оружием, дойдет непременно до конца.

В этой решительной борьбе нужны ежедневно Вы, товарищ Ленин, более, чем кто либо другой. Нужна Ваша сильная рука, нужен Ваш дальнозоркий глаз, нужно все мужество Вашей великой душевной силы. Верим и надеемся, что Вы, уважаемый товарищ, перенесете теперь благополучно все боли раненого борца и скоро, вполне оправившись, сможете опять взяться за руль Социалистической Советской Республики и за руководство международным революционным рабочим движением.

Можете сказать русским товарищам за нас: финляндские коммунисты пойдут с радостью в огонь; они хотят и будут участвовать в наступлении, когда крепости капитализма будут взяты и разрушены; финляндские коммунисты считают для себя унизительным оставаться в тылу, когда пролетариат всех стран завоевывает мир.

Учредительное Собрание Финляндской Коммунистической партии.

Москва, 3-го сентября 1918 г.

Рабочая Революция Международна:

Об иностранной политике нашей революции.

Мировая война, которая в воюющих и даже в нейтральных странах произвела проясняющее действие на рабочие партии, принудила отдельные направления определить подробнее свои точки зрения относительно больших мировых вопросов, выделив эти направления в отдельные партии, границы которых при революционизировании событий становились все резче,—эта великая бойня народов, заставившая, наконец, мировой рабочий класс смотреть с революционной храбростью в глаза смерти и угнетательских государств, поставила финляндский рабочий класс в странное, изолированное положение. Конституционным конфликтом между царской властью и финским народом обусловливалось то, что финны не исполняли военной службы и не оказались поэтому на фронтах. Но прочие тяжести войны, голод и рабский труд они все-таки должны были перенести. Единственным светлым проблеском были выборы в 1916 году, когда социал-демократическая партия достигла большинства на сейме. Партия ожидала, таким образом, того времени, когда сейм мог бы собраться и взять в свои руки управление делами Финляндии.

Среди партии господствовали два мнения относительно того, в связи с какими условиями это произошло бы. Элементы, входящие в умеренное правое крыло партии, казалось, находились в близкой связи с теми мелкобуржуазными кругами, которые ждали освобождения Финляндии посредством военных побед империалистической Германии. Некоторые представители этого направления принимали также участие в известном движении егерей, в отправлении молодых людей в Германию для изучения военного искусства в целях освобождения Финляндии. Между тем, левое крыло партии, собственно пролетариат, сближалось с русским пролетариатом. Большие массы финских рабочих находились здесь и там в России на военных работах, в Петрограде и Гельсингфорсе работали финские и русские рабочие рядом друг с другом в военной промышленности, обдумывая планы забастовок и черпая революционную энергию из окружающих условий. Эта связь, к сожалению, все же не развилась в организационную совместную деятельность между партиями.

Партийный каутскианский центр, из которого руководство партии было, главным образом, составлено, не встал относительно этих направлений на определенную позицию; официального обсуждения этих тем вообще избегали. Ведь, главным стремлением партии было сохранить организации в это исключительное время, на события которого пролетариат маленькой Финляндии, казалось, мог оказать слишком незначительное влияние. Конечно, от побед германского империализма не могли ожидать освобождения финляндского рабочего класса, но считали возможным такой оборот, что крупные политические события отторгнут Финляндию от власти царизма и сделают из нее «самостоятельную» страну,— настолько самостоятельную, насколько маленькая страна может быть

под опекой германского империализма. Во всяком случае такая возможность, если бы царизм остался несвергнутым, поставила бы перед финляндским рабочим классом новые вопросы, относительно которых он должен был бы определить свою точку зрения. Русская революция появилась, правда, в мыслях центровиков партии как возможное и желательное явление. Но опыт 1905 года оставил финляндским социал-демократам такое представление, что от русской революции можно ждать по большей мере политического освобождения, т.-е. гарантированной автономии и, пожалуй, самостоятельности в свободном союзе российских государств. Не готовились, следовательно, на случай пролетарской революции в России и в своей стране.

С миражом национальной демократической «самостоятельности» перед глазами принял финляндский рабочий класс, таким образом, известие о февральской революции. Социалистическое большинство сейма было готово на соглашения с русским временным правительством. Это большинство было склонно оставить ему иностранные и военные дела, но в других отношениях оно требовало передачи власти бывшего царя Финляндии сперва правительству, а потом сейму. Эту последнюю точку зрения и одобрил Первый Всероссийский С'езд Советов, и, на основании его постановления, финляндский сейм принял 18-го июля закон, т.-н. закон о власти. Но это не годилось ни русской, ни финляндской буржуазии. Результатом их совместных интриг было то, что Керенский разогнал вооруженной силой финляндский сейм. В тогдашних условиях финляндская социал-демократия не считала возможным вступить одна в активную борьбу против Керенского, но согласилась на выборы, в которых из-за происков буржуазии она потерпела поражение, лишившись большинства на сейме, хотя и получила более 70.000 лишних голосов.

Корниловское движение в России вызвало то, что в социал-демократических кругах Финляндии утверждалось все больше и больше стремление к самостоятельности. Октябрьская революция в России предоставила для этого хорошую возможность. Ведь, большевики же оказались единственной партией, которая честно поддерживала право народов на самоопределение, и российская Советская власть и предоставила это право в январе 1918 года. Так как и финляндская крупная буржуазия, боясь большевистской опасности, перешла теперь на точку зрения самостоятельности, то можно было сказать, что финляндский народ единогласно желает этой самостоятельности. Это было все же верно лишь при поверхностном рассматривании положения. На самом деле финляндский пролетариат не могло более увлечь дело самостоятельности, а только революция, к которой его побуждали голод и вооружение имущих классов. И он чувствовал, что в этой революции он нуждается в самой близкой поддержке находящихся в Финляндии русских солдат и российской Советской власти, с которыми он вошел в тесную братскую связь отчасти через свои организации,—главным образом, через красную гвардию,—отчасти непосредственно в жизни. То же обстоятельство, что русские солдаты поддерживали финляндских рабочих в забастовках и демонстрациях и даже спасали их из рук буржуазных классовых судов, бесило буржуазию. Пользуясь этим, а также случаями самоуправства, произведенными некоторыми русскими солдатами, финляндская буржуазия провозгласила лозунг: «русские прочь из страны». Крестьянские и мелкобуржуазные круги присоединились к этому лозунгу, и даже правое крыло социалистической партии предупреждало финляндских рабочих, чтобы они не прибегали к «чужой помощи». Но крупная буржуазия, не имевшая никаких предрассудков «самостоятельности», чувствовала, что она нуждается

в чужой помощи, и она прибегла к ней. Втайне она заключила сделки с германским империализмом и спровоцировала гражданскую войну.

Так как наша революция не была определенно пролетарскою, а демократическою, то ее целью не являлось также нарушение интересов иностранного капитала. Для этого и силы не считались достаточными. Финляндия, ведь, формально отделилась от России, при чем это отделение было еще утверждено соглашением 3-го марта между Российской Советской властью и Финляндским Советом народных уполномоченных. Условия брестского мира сделали это отделение еще более действительным, но, к счастью, все же более формально, чем действительно, ибо финляндский пролетариат получал ведь в своей революции всю возможную в тех условиях поддержку от русских товарищей. Но так как руководство революцией не считало своих сил достаточными для особенно сильного ограничения даже интересов капитала своей страны, то считалось важным обеспечить интересы иностранного капитала. Ведь была слабая надежда получить столь необходимое продовольствие из Америки, а может-быть, и из Скандинавии. Для этого рабочим предлагали, чтобы они остерегались нарушать права иностранных граждан и капиталистов и старались устроить дело так, чтобы иностранные промышленные предприятия могли продолжать и впредь в Финляндии свою работу.

Блюстители интересов иностранного капитала, консулы, относились к Совету народных уполномоченных с соблюдением внешней вежливости, но за этой дипломатической завесой они помогали всеми способами финляндским контр-революционерам. Представители финляндской буржуазии, которые имели титул «консула», занимались под защитой этого титула контр-революционной разведкой и агитацией, а собственно иностранцы посылали своих граждан и представителей финляндской буржуазии «курьерами» в Швецию, посылая через нее белогвардейскому правительству и его военному руководству важные сведения. Но поездки курьеров Финляндского Совета народных уполномоченных бесцеремонно задерживались, не считая даже всегда нужным маскировать это какими-либо поводами. И иностранные консулы считали своим правом защищать финляндских контр-революционеров своими личными выступлениями и протестами во имя «гуманности» и «международного права». Они являлись в южной Финляндии посредниками при сдаче в плен белогвардейских отрядов и защищали их во имя женевских и гаагских соглашений, но в северной Финляндии, а также после побед белогвардейцев эти рыцари «гуманности» и «международного права» не выступали для укрощения белого террора.

Предупредительная и умеренная политика Финляндского Совета народных уполномоченных не могла никаким образом помешать иностранным капиталистам помогать финляндским контр-революционерам, хотя,—пусть будет это признано,—разница между гуманностью красного правительства и зверством белого военного руководства оказала некоторое влияние, между прочим, на мелкобуржуазное общественное мнение Скандинавии против белого террора. Но скандинавская крупная буржуазия не видела никакой разницы между демократической программой финляндского рабочего класса и русским большевизмом. Тою же, проникающей с востока на запад «анархией» она заклеймила оба эти движения, отпустила кредиты в десятки миллионов рублей вазаскому правительству и изливала свою злобу против шведского либерально-социал-демократического правительства, которое не осмеливалось официально посылать помощь финляндским белогвардейцам, а играло в «нейтральность».

События все же разоблачили все коварство брантингианского социал-изменничества. В то время, когда его представители в Финляндии во имя этой нейтральности предлагали свое посредничество, т.-е. предлагали сдаться на милость, в то же самое время шведское правительство, особенно его социал-демократический морской министр барон Пальмстьерна, оказывало всевозможную помощь палачам финляндского рабочего класса. Оружие перевозилось, повидимому, также из запасов правительства в северную Финляндию. Идущие туда из Германии посылки оружия конвоировались на шведских пароходах. Во имя «защиты жителей» шведскими войсками были захвачены Аландские острова, изгнаны оттуда красногвардейцы, и во имя «равенства» были перевезены потерпевшие там поражение белогвардейцы в северную Финляндию. Также была послана в Финляндию на помощь белогвардейцам шведская бригада, которая во время взятия Таммерфорса исполнила очень важную задачу и потерпела большие потери. В состав ее входили, кроме добровольных интеллигентов, также «отпущенные в отпуск» офицеры шведской армии и, повидимому, особо командированные унтер-офицеры и прочая хулиганская публика, среди которой был большой процент криминалистов. В белогвардейских отрядах было также порядочно шведских офицеров, — между прочим известные руководители персидской жандармерии Глимштет, который пал во время сражения у Хейнола, и Хьялмарсон, который теперь, в январе 1919 года, собирает снова жандармские отряды на помощь эстляндской буржуазии.

Несмотря на коварную двусмысленность брантингианцев, шведский рабочий класс доказал, что он правильно понимает дело, и под руководством левой социал-демократической партии высказал свою точку зрения как относительно своего правительства, так и относительно социал-изменников. Так, напр., посредством агитации многие обманутые лица были отвлечены прочь из шведской бригады, члены которой были вообще посредством бойкота поставлены в такие условия, что их жизнь в Швеции стала особенно тяжелою и даже невозможною. И когда шведская буржуазия встретила с почетом возвращавшуюся из Финляндии белогвардейскую бригаду, то рабочий класс столицы устроил демонстрацию, и тов. Туре Нерман должен был перед судом отвечать за то, что публично воскликнул: «пфуй, убийцы!». Левая социал-демократическая газета «Folketsdagblad Politiken» исполнила смело свою международную обязанность по отношению к пролетарским революциям Финляндии и России. Шведский рабочий класс доказал, что он понимает это и выходит все больше и больше массами из брантингианской изменнической партии. Также норвежский пролетариат выказал большое чувство солидарности к страдающему финляндскому пролетариату. И в Дании отношение к финляндскому вопросу вызвало отстранение радикальных элементов рабочего класса от поддержки мелкобуржуазной социал-демократии. Будем надеяться, что солидарность скандинавских товарищей проявится в ближайшем будущем также в революционных делах.

Как известно, судьбу революции финляндского пролетариата решило выступление германского империализма. Белые гвардии получили из Германии оружие, прочее снаряжение и офицеров. Большая часть из обученных в Германии егерей была готова бороться против творцов самостоятельности Финляндии, против финских и русских рабочих и за порабощение страны; меньшая часть геройски отказалась поднять оружие против своего народа. И немецкие Шейдеманы сделали в финляндском вопросе опять длинный шаг вперед на пути своего изменничества. То слабое сопротивление, которое проявилось с их стороны против посылки

немецкой экспедиции, оказалось лицемерием рядом с тем фактом, что они и впредь поддерживали империалистическое правительство в то время, когда оно так нагло выступило против права самоопределения народов. Таким образом, они, кроме прочих титулов, заслужили еще название палачей Финляндии.

Но едва лишь финляндский пролетариат успел получить жестокий урок от германского империализма, как в воображении некоторых социал-демократов возникла мысль, что положение можно бы спасти при помощи английского империализма. В этом отношении, кажется, О. Токой вел переговоры с находящимися в России представителями Англии, хотя его мероприятия в этом отношении не удались отчасти из-за практической невозможности, но большей частью из-за сопротивления более сознательных революционеров. Токой не оставил все же своих планов, но добыл себе летом возможность попасть в Архангельск, будто бы, для «подыскания промышленных предприятий», но на самом деле для того, чтобы присоединиться к английским империалистам. С Мурмана он потом отправлял воззвания в Финляндию, в которых обещал помощь от англичан, поносил большевиков, приманивал финляндских рабочих в английскую армию и предлагал классовый мир финляндской буржуазии. Английское правительство отблагодарило за эти старания, сообщив официально финляндской буржуазии, что она может быть спокойна, ибо английское правительство не намерено оказывать помощи никаким красным авантюристам.

Самый жестокий урок финляндский пролетариат получил из того, что сделанная им самостоятельною страна, Финляндия, является теперь гнездом международных белогвардейцев. Финляндская буржуазия, которая так долго обманывала рабочий класс лозунгом «против царизма», теперь покровительствует в своей стране десяткам тысяч русских контр-революционеров, худших угнетателей Финляндии, которые теперь льстят финляндской буржуазии, но готовы, конечно, если к тому представилась бы возможность, подчинить снова финский народ под свой генеральский сапог. И свою готовность служить своей новой «ориентации», английскому империализму, Финляндия доказывает, об'являя борьбу против большевизма и посылая помощь контр-революционерам Эстляндии. В то же время финляндская белая социал-демократия об'являет также борьбу против революционного коммунизма.

Но широкие ряды финляндского пролетариата снова краснеют. И, пройдя школу дорогого опыта, он об'являют миру свое коммунистическое убеждение: самостоятельности народов нет нигде, кроме союза рабочих советов, где рабочий класс даже маленькой страны может исполнить свою боевую обязанность. Долой буржуазное отечество, да здравствуют гражданская война и международный коммунистический интернационал!

Ирье Сирола.

В Петрограде, в столице пролетарской революции, в первые дни второго года социализма.

Классовая война в Финляндии.

О ведении нами войны.

Скоро пройдет уже год с тех пор, как финляндский пролетариат присоединился к тому революционному фронту, который был создан славной октябрьской революцией русского пролетариата.

Русская пролетарская революция идет победоносно вперед. Она растет и расширяется внутренне, расширяется внешне. Она получает все новые вспомогательные силы.

Но доставшаяся на долю финляндского пролетариата часть фронта международной революции была разбита. Наша январская революция была подавлена. Получилось тяжелое поражение.

Это не было, наверное, поражением лишь для одного финляндского пролетариата, от этого пострадал также общий фронт международной революции.

В предисловии к финскому изданию „Программы коммунистов (большевиков)" тов. Бухарин говорит, между прочим: „В те дни и часы ужаса, когда финляндские рабочие, истекая кровью, отражали нападение об'единившейся финляндской и германской буржуазии, когда один за другим гибли самые храбрые, самые верные, самые благородные борцы финляндского пролетариата, мы здесь (в России) чувствовали эти потери страшными ранами на своем теле".

Вряд ли можно яснее доказать значение финляндского революционного фронта для общей великой борьбы, чем делает это тов. Бухарин в этих словах, как один из представителей великой русской революции.

Но и временное поражение поднимающегося пролетариата должно стать подготовкой его окончательной победы.

Этим оно станет лишь после того, как мы постараемся раз'яснить причину поражения, чтобы в будущей борьбе, которая неизбежно снова вспыхнет, и во всей нашей великой освободительной войне можно было избежать прежних возможных ошибок.

События революционной войны финляндского рабочего класса прошлою зимою и самое ведение войны могут дать тому и другому полезные указания. Во всяком случае, они могут во многих отношениях сказать: „не делай так!". Но в то же время они возбуждают вопрос: как потом действовать и поступать?

Все финляндские революционеры держатся теперь того мнения, что финляндская революция была в большей части неподготовленною.

Среди рабочего класса господствовал, правда, с самой русской мартовской революции бодрый дух революционной борьбы. Хотя финляндский рабочий класс и не страдал от всех самых страшных последствий империалистической разбойничьей войны, но все-таки та же самая война подготовила его настроение для революции. Большевистская октябрьская революция явилась потом светлой путеводной звездой.

Но финляндское официальное рабочее движение социал-демократии не было в состоянии подняться из того болота каутскианства в котором оно барахталось. И поэтому идейная подготовка финляндского пролетариата к революции не велась под руководством официального рабочего движения.

Несмотря на эти условия в стране, мировые события, международное положение производили беспрерывно в массах ту идейную подготовку, к которой социал-демократия, парализованная парламентаризмом и узким патриотизмом, не была способна.

И значительная часть рабочего класса шла все вперед по пути нравственной революции.

Но ему требовались также и практическая подготовка, и вооружение.

Но собственною идейною неподготовленностью официального рабочего движения обусловливалось логически другое обстоятельство в области практической деятельности, которое потом в предстоящей боевой подготовке оказалось большой помехой.

Нехватало также достаточной революционно военной подготовки.

Отчасти слишком поздно, слишком медленно и отчасти также без достаточного знания дела у нас принялись за чисто-военные подготовления.

Это произошло лишь тогда, когда стало ясным, что не было иного исхода.

На основании собственного непосредственного интереса рабочих масс и все же, наконец, при помощи официального рабочего движения создались отряды, основные части будущей революционной армии.

Красная гвардия создавалась по всей стране. Ее организовывали и обучали.

Но все же осталось более или менее в стороне одно самое важное обстоятельство: составление и подготовка порядочного в политическом и военном отношении, вполне годного командного состава, поскольку это было бы возможно в такой стране, в которой более десяти лет не было даже „своей национальной армии".

Сперва образовались отряды гвардии. Потом лишь для них были получены начальники.

Теперь, после всего происшедшего, даже не военный человек может заметить, что прежде всего нужно было развить или найти хороших товарищей-начальников и им потом доверить организацию, руководство и обучение собранных революционной жаждой борьбы отрядов.

В военной подготовке была и другая кардинальная слабость: недоставало оружия.

Ведь, оружие лишь делает в военном отношении организованный отряд способным к военным операциям. Даже самый пылкий революционный дух не может без помощи стали и свинца сделать костлявый кулак пролетария действительно дееспособным.

Без сомнения, в доставке оружия пришлось победить много серьезных затруднений.

Следует помнить, что вооружение, так же, как и вся прочая подготовка к революции, должно было быть осуществлено в рамках буржуазного государства и его классового порядка. Также следует помнить, что финляндскому пролетариату пришлось для всех проявлений революции создать совершенно новую вооруженную силу, ибо, как мы уже указывали, не было даже буржуазной армии, пролетарские элементы которой могли бы дать первый удар буржуазной власти, а

потом тем или другим способом поддерживать наступающий пролетариат, как, напр., в России.

Вооруженные русские пролетарии-солдаты были, правда, в Финляндии в начале нашей революции. Значительная часть из них относилась явно с сочувствием к нашей борьбе. Часть и на деле выказала революционную солидарность. Более этого вряд ли можно было и ожидать, ибо известно было, что старая царская армия, затем буржуазно-керенская армия, остатками которой являлись и эти отряды, находилась уже в состоянии глубокого разложения: уставшая от войны, изнуренная страданиями, морально истрепанная, она не желала деятельности, не обращала внимания на дисциплину, находилась во власти стремления домой. Она чувствовала, что исполнила свое самое большое дело, свергнув царизм и посодействовав в свержении власти Керенского. Как массу, ее не увлекала революционная война за пределами родины.

Когда огонь уже пылал в углях, мы добыли все же некоторое количество винтовок. Русские товарищи оказали в этом отношении незабываемые услуги. И в беспрерывном вооружении нашей гвардии братья Эйно и Иван Рахья исполнили задачу, которую невозможно достаточно оценить.

Когда вспыхнула классовая война, т. е. когда парламентарная болтовня и искание компромиссов закончились, и желающие борьбы силы в обоих лагерях стянулись на свои стороны, у нас уже было все-таки несколько сот винтовок в разных частях страны.

Буржуазия воображала уже тогда, да и позже утверждала, что у красных в конце января было вооружено 15.000 человек. Это, к сожалению, неверно. В Гельсингфорсе, в Котка и прочих местах Кюминлакса, в Выборге и Або было по нескольку сот винтовок. В Куопио и, пожалуй, еще в Улеаборге было тоже некоторое количество. Но многие прочие важные места,— как, напр., Таммерфорс, Бьернеборг, Лахтис, Ювяскюля и сотни сильных пролетарских центров провинции,— были или совершенно или почти безоружны.

Б у р ж у а з и я, без сомнения, подготовилась гораздо лучше к вооруженной борьбе

Она, ведь, вооружалась уже с середины империалистской грабительской войны вообще против России. После февральской революции, и особенно после октябрьской революции, она под защитой авторитета буржуазного государства и при его помощи продолжала это вооружение. Тогда буржуазия уже сознательно готовилась против революции.

Вооруженная сила буржуазии в конце января была, вероятно, гораздо больше, чем наша вооруженная сила, и, кроме того, она была равномернее распределена по всей стране, чем наши силы. У вооруженных сил буржуазии недоставало все же вначале той решительности и храбрости, которые в конце января господствовали, наконец, на стороне рабочих. Трусость буржуазии в начале борьбы об'яснялась единственно тем, что она боялась находящихся в Финляндии частей старой русской армии. Кроме того, буржуазия не знала отношения, напр., крестьянства северной Финляндии и возможностей иностранной помощи.

При вышеописанном вооружении мы все же двинулись. Поезда, везущие оружие, не успели еще тогда доставить рабочим своего важного содержания.

Итак, классовая война началась.

Но как она началась?

Специалисты военного дела говорят, что на войне тот, в руках которого находится инициатива, определяет действия и своего противника. И Суворов советует наступать и ударять быстро. (Совет Суворова: быстрота, натиск и удар).

Мы, к сожалению, не поняли в достаточной степени значения инициативы и наступления, особенно в первой стадии революции. Между тем, выступающая на войну буржуазия относилась к этому с самого начала сознательнее.

Кроме того, из за недостаточности вооружения и слабости прочей военной подготовки мы и не могли во всей стране сразу же, вначале, не стесняясь, наступать и ударять и взять, таким образом, инициативу в свои руки.

В южной Финляндии выгоды были на нашей стороне, в северной же — на стороне буржуазии. Это было уже так рассчитано буржуазией.

Таким образом, вместо того, чтобы по всей стране, во всех важнейших местах напасть всеми силами на органы буржуазной власти и на ее вооруженные отряды, мы принуждены были даже в южной Финляндии довольствоваться сравнительно слабыми наступательными ударами. Между тем, в северной, средней и восточной Финляндии буржуазия, конечно, об этом позаботилась.

С точки зрения предстоящей нашей борьбы результаты имели большое значение.

Остались незахваченными, таким образом, многие очень важные узловые пункты и линии движения.

Так, напр., на железной дороге в северной Финляндии белогвардейцы захватили очень важную узловую станцию Хапамяки. Именно из-за обладания этим пунктом и образовался потом, после того как мы получили оружие, фронт в Вилппула, и происходили в отдельных местах этой местности продолжавшиеся неделями сражения, которые, наконец, закончились большой катастрофой: прорывом фронта, за которым следовали осада Таммерфорса и его потеря, являвшаяся началом нашего поражения.

На Карельской железной дороге осталась также вне нашей сферы влияния важная тыловая станция Элизенвара. Обладание этой станцией имели в виду потом упорные сражения, происходившие все время войны в окрестностях железнодорожного моста в Антреа, ведущего через Вуоксу, при чем эти сражения были направлены к захвату реки Вуоксы без результата.

Элизенвара и Хапамяки являлись для белой армии необычайно важными пунктами: по железной дороге, проходящей между этими станциями, неприятель мог в своем тылу производить передвижения частей, размещать полученные из за границы вспомогательные силы и вообще пользоваться ими в своих выгодах.

Многих и прочих как в военном, так и в политическом отношении, важных мест мы не могли сразу, при первом наступлении, попытаться захватить в свои руки. Поскольку буржуазные войска в таких местах не могли произвести захвата, постольку они напрягали свои силы, чтобы, по крайней мере, помешать нашим планам. И это им во многих местах удавалось.

Так прошло некоторое время.

Особенных схваток еще не происходило. У нас не было необходимых боевых средств. Охота, конечно, уже была. У белых же не было еще охоты.

Им нужно было выиграть время.

И это выигранное ими время они использовали хорошо. Они собирали войска. Образовали белогвардейскую армию. Организовали начало обучения начальников. Обучили и подготовили состав армии. Заключали соглашения о немецко-шведской помощи: о деньгах, оружии и войсках. И в то же время посредством страшного оружия белого-террора они подавили рабочий класс в занятых ими областях.

Красная Финляндия старалась, конечно, сделать все возможное. Мы продолжали, поскольку успевали и умели, приведение красной гвардии в боевой порядок. Во время классовой войны в состав ее входило всего около 70.000 человек. Кроме винтовок, мы имели также пулеметы, пушки, бронированные поезда и даже несколько аэропланов.

За недостатком организации и твердой централизации, значительная часть из этой армии осталась все же на все время неиспользованною для настоящей боевой деятельности.

Но вопрос о начальниках не получил на нашей стороне удовлетворительного разрешения.

Большею частью начальники принуждены были сами учиться или оставаться без обучения. Даже прошедших буржуазную военную школу далеко нехватало на места начальников всех взводов и рот, не говоря уже о местах начальников батальонов и полков. Да и обучение не успевало удовлетворять потребности.

В состав верховного командования и в штабы попали также такие же непрофессионалы.

Большим недостатком с точки зрения военной целесообразности следует считать также то, что гвардия выбирала сама, на основании непосредственного демократизма своих начальников. И вряд ли всегда в таком случае выбирался самый лучший из возможных: самый храбрый, самый лучший специалист и вообще самый подходящий. Не потому, что такого не хотели выбрать, а потому, что не умели выбирать.

Находящееся в нашем распоряжении военное искусство было, без сомнения, во много раз слабее, чем военное искусство белых, у которых имелось достаточное количество опытных финляндских, русских, шведских и немецких офицеров.

У нас также было некоторое количество финляндских и русских унтер-офицеров и несколько офицеров в активной деятельности на фронте (напр., Медведевский, Киселев, Рознатовский, Александров, Голубцов). Кроме того, советчиками в штабах и в учебных делах были некоторые (Никулич, Судаков, Эйхе, Эбергард 1-й и 2-й, Свечников и Пересвет).

Неизвестно, чтобы эти русские, из которых большинство, принимаясь за исполнение дела, открыто заявили, что они не большевики, но что они обязуются, как солдаты, исполнять свои обязанности, старались нас обмануть своими советами. Напротив, имеется много примеров, из которых выясняется, что они старались добросовестно исполнять задачи. Иные из наших русских помощников пали героями рядом с красными героями Финляндии. Напр., Рознатовский, специалист по артиллерии, пошел в Таммерфорсе спокойно под расстрел белогвардейцев, Голубцов же пал во время сражения под Лахтис.

Буржуазия выиграла нужное ей время.

Тот фронт, очертание которого проявилось уже вначале, стал теперь ясным. Возник длинный, проходящий через всю страну, от Ботнического залива до Ладожского озера, зимний фронт, который извивался в главном своем направлении с северо-запада на юго-восток.

Образование такого фронта означало позиционную войну.

Позиционная война понижает пыл, в плохой одежде в зимнее время трудно переносима и в известных случаях, пожалуй, требует особого военного искусства. Революционную жажду наступления лежание в снегу и в окопах, наверное, больше убивает, чем возбуждает. Возбуждать же ее могли бы быстрое движение, твердый удар, свирепое нападение туда и сюда.

Еще даже после того, как у нас образовался постоянный фронт, военные действия могли бы стать для нас выгодными, если бы командование, начиная с высших и кончая низшими, теперь, наконец, не колеблясь, стремилось повсюду взять инициативу в свои руки.

Ведь, все же имелись войска. Вооружение также было довольно хорошее. Уменья пользоваться оружием было, правда,—напр. из за недостатка артиллерии, — еще недостаточно. Но все же после января мы сделали настолько большие успехи, что могли бы, во всяком случае, попытаться найти слабые места у неприятеля и ударить с них по направлению к северу.

Следовало, пожалуй, тогда смело прибегнуть к приемам партизанской войны.

Этого не было сделано,—во всяком случае, не было сделано попытки с достаточной энергией.

Это вытекало отчасти из непонимания дела товарищами, находящимися в высшем военном руководстве, так как они совершенно не получили военного воспитания. Отчасти на это повлияло также мнение русских офицеров, являющихся советчиками. Они, ведь, обучались в сухомлиновских военных школах и академиях, получили свое практическое обучение в империалистических войнах, и инстинктивно стремились применять и в классовой войне методы империалистической войны.

Финляндские белые войска были в этом отношении более гибки

Они уже раньше нас наступали здесь и там на самой линии фронта.

Кроме того, белые устраивали на территории красной Финляндии в разных местах (в Чурксцете, Борго, Сиббо, Нюстадте и т. д.) вооруженные контр-революционные гнезда, для уничтожения которых от нас требовались значительные силы.

Таким образом, буржуазия беспрерывно держала инициативу в своих руках, мешала нам захватить ее и готовила себе возможность для более крупных действий, отвлекая наше внимание на второстепенные обстоятельства.

Нашей красной армии пришлось теперь приспособиться к умерщвляющему однообразию позиционной войны.

Но в позиционной войне можно, конечно, перейти к более живой деятельности и даже перейти от нее к партизанской войне. Но при переходе на почве позиционной войны к оживленным действиям и к новым задачам, этот переход должен быть старательно подготовлен. За неприятелем следует, конечно, строго следить. Но и в позиционной войне наблюдение за неприятелем и забота о своих частях являются первой обязанностью разумного и ответственного ведения войны. Поэтому следует строго следить за сохранением связи, за заботливостью охранения, за точностью разведки.

Но в нашей гвардии не умели придавать им такого значения, какое им принадлежит.

Связь между военными частями и в частях на фронте была часто очень слаба. Часто не знали ничего о своем ближайшем соседе. Связь

между центром и фронтом была также весьма недостаточна и неаккуратна.

Но оживленнее было неоффициальное сообщение на фронте и между фронтом и тылом. Рассказывались истории о случившихся и не случившихся событиях. Они разносились вдоль и поперек по стране. От этого страдала наша деятельность, а деятельность неприятеля получала пользу.

Охранение и разведка находились также во многих местах в первобытном состоянии.

Имеется много случаев, когда об охранении совершенно не заботились.

Разведка же не была вообще за все время нашей классовой войны организована даже приблизительно так, как требуется в военной армии.

По делу разведки хлопотало, правда, целое учреждение, посыльные которого должны были производить разведку. Но эти посыльные не находились в действующей армии на фронте. Они раз‘езжали между своим учреждением и фронтом и „приносили сведения", но кем собранные и насколько ценные,—неизвестно.

Настоящей регулярной разведки действующих частей особенно не производилось,—во всяком случае, не производилось в достаточном размере.

В виде характерного примера упомянем, что со стороны штаба сообщалось, что на одной целой части фронта, на которой, как позже выяснилось, находилось 9 000 человек войска, имелось целых 70 разведчиков, взятых из отрядов. Я думаю, что даже пятикратного количества не было бы слишком много, а поэтому не стоит гордиться 70-ю разведчиками, разве только потому, что на некоторых других частях фронта не имелось и такого количества разведчиковъ.

Недостатки связи, разведки и охранения и привели к тому, что неприятель мог нападать неожиданно на тот или на другой отряд. Часто происходили действительные окружения. Еще чаще происходили мнимые.

Особенно это происходило ночью, ибо ночи и тьмы, темного леса и теней боялись, не потому, чтобы наши гвардейцы являлись особенно пугливыми людьми и трусами, а потому, что из-за недостатка связи, охранения и разведки мы были как бы с завязанными глазами и во тьме иногда среди бела-дня.

Естественно, что при таких условиях и у высшего военного руководства были очень недостаточные сведения о положении и его деталях.

Напр., такой значительный и новый фактор, как появление немцев в Ганге, явился полной неожиданностью. Сразу не знали, сколько пришельцев, были ли они немцы или переодетые немцами белогвардейцы, сколько у них артиллерии, и т. д. Необходимой тайны не применяли даже в важных обстоятельствах, и не могли применять. Когда, напр., части отправлялись на исполнение дел, то вообще знали, куда нужно итти. И так как отряды проживали в своих местностях, дома, и выступление было, уже из-за промедления отправляющихся, целыми часами и днями известно отправляющимся и их знакомым, то очень понятно, что оно было известно также и всем.

В мелких условиях жизни неприятелю было очень легко следить даже за нашими оперативными делами, ибо у него было хорошее сообщение из красной Финляндии в белую, между прочим, в течение

долгого времени посредством телеграфа и посредством прочих путей как позже выяснилось.

Что дело могло обстоять так,—вытекало большею частью из неуменья и непонимания. Но это неуменье и непонимание являлись, главным образом, и прежде всего слабостью командования и штабов, поскольку оно не вытекало из нецелесообразности всей организации.

Вдобавок в нашем ведении войны бросается в глаза недисциплинированность.

Гвардия была составлена из добровольцев.

Отряды сами непосредственно выбрали себе начальников.

Способ мышления непосредственного демократизма стремился пробиться непреклонно наружу и вне мирной деятельности, в военных действиях.

И на фронте было вполне обычным явлением, что по возникшим вопросам велись собрания.

Помню, как гельсингфорсская т.-н. „портовая рота", придя на фронт в Вилппула, решила по какой-то важной причине отправиться обратно в Гельсингфорс.

Иногда обсуждали и решали, следует ли самими выбранных начальников слушаться, или нет.

Для выборов начальников также собирались собрания, когда во время военных действий отряды их переменяли.

Обсуждения велись и по прямым оперативным вопросам в том смысле, что следует ли исполнять данные оперативные приказания, или нет, и какие оперативные задачи следует поставить на очередь.

Даже в очень больших делах военная дисциплина хромала.

Расположенным в западной Финляндии частям был дан в конце марта или в начале апреля, когда положение уже необычайно обострилось, приказ отступить на восток. Этим имелось в виду сохранить возможно большую часть нашей революционной живой силы для предстоящей борьбы.

Приказ исполнялся настолько медленно и против желания, что на самом деле отступление опоздало. С западного фронта прибыл человек в Выборг специально для того, чтобы выяснить, имеются ли у них основания отступать (когда их положение было довольно хорошее), и следует ли посылать на восток требуемые вспомогательные силы.

Штаб т.-н. среднего фронта, который являлся одним из наиболее хорошо устроенных, из наименее пострадавших, который был еще в апреле в довольно превосходной внешней боевой способности, и на котором давление неприятеля было в конце апреля более слабое,— этот штаб соблаговолил, когда главный начальник дал предписание выслать вспомогательные силы на выборгский фронт, приняться за обсуждение того, который фронт, средний или выборгский, нуждается больше всего в помощи, и на который из них следует в данный момент обратить главное внимание.

Также на фронте в Вилппула неисполнение данных предписаний, слабое исполнение оперативных приказаний ответственных начальников и уклонение от их исполнения вызвали серьезные потери.

Самовольные действия, как таковые, правда, храбрые и бесстрашные некоторых частей повлияли также отчасти на фронте в Вилппула на возникновение того тяжелого кризиса, о результатах которого мы уже упоминали.

Начальник восточной части фронта в Карелии не хотел опять подчиняться приказам своего ближайшего начальства, выборгского штаба.

Все-таки подведомственная ему часть фронта находилась в органической связи с западной частью фронта. Несмотря на это, он желал получать приказания от главного начальника непосредственно, а не от своего ближайшего начальника, как следовало бы.

Лишь благодаря упорству главного начальника, выборгский восточный фронт был принужден, наконец, когда война подходила уже к концу, примениться формально к правильному порядку. Под вопросом осталось все же, признавал ли он на деле эту перемену порядка.

Следует заметить, что подобное поведение, конечно, вообще не вытекало из худого намерения. Влиятельным фактором являлось, наверное, то, что все считали себя в общем деле одинаково правомочными и одинаково авторитетными. Но результатом этого было то, что безусловно нужным на войне авторитетом начальника не пользовался никто.

Это мешало необычайно ведению войны. Оно являлось истрепанным и неуверенным.

Если бы „самостоятельные" начальники и поддерживавшие методы непосредственного демократизма отряды находились на высокой ступени военного искусства, то помеха не чувствовалась бы в такой степени.

Но дело обстояло не так.

Иногда нехватало и революционной отваги.

И хотя и имеются военное искусство и отвага, но все-таки правильны следущие слова одного стратега: „Если на войне сила многих людей направляется к одной цели, и их деятельность находится в гармонии между собою, то результат будет больше, чем в том случае, когда преследуются отдельные цели или одна и та же цель без общей связи".

Нашему ведению войны было свойственно также то, что резерв вообще на всех стадиях войны был сравнительно слабым фактором.

На фронтах войсковой части не было времени находиться в резерве.

Так как война началась со слабыми силами, то приходилось посылать всегда все собранные и подготовленные отряды на фронт.

Так как связь, охранение и разведка на фронтах были слабы, то это вызывало чувство беззащитности. Естественным следствием этого было то, что постоянно просили все новых вспомогательных сил, даже под угрозой того, что просящие помощи уйдут с фронта.

И, таким образом, отряд, который раз попал в цепь, не мог уже легко выбраться оттуда на отдых.

Всем приходилось хлопотать на своих позициях почти день и ночь напролет. Отдохнувших частей, таким образом, не было, чтобы можно было заменить ими уставших.

Так обстояло дело почти на всех частях нашего снежного фронта.

Ясно также, что при таких условиях и у высшего командования не оставалось в распоряжении резервов, которые можно было бы в критическое время и в решительный момент бросить в огонь.

В каком затруднительном положении можно оказаться из-за недостатка резерва,— выяснилось, между прочим, тогда, когда мы принялись за первое большое наступление.

У высшего командования и не оказалось необходимого резерва, хотя план наступления был составлен именно с тем предположением, что в резерве находится 10.000 человек.

Результат: наступления не могли систематично продолжать.

В еще более трудном положении по той же причине мы оказались, когда немецкая экспедиция высадилась в Ганге.

Против нее мы могли собрать оттуда и отсюда лишь небольшие и отчасти трусливые и неподчиняющиеся отряды.

Даже самые большие усилия самых лучших начальников не в состоянии были более сотворить чудес.

Немцы могли произвести десант без сопротивления и продолжать свое движение по направлению к Гельсингфорсу и Рихимякам с известным результатом.

Всего беспомощнее казалось все же положение высшего командования без резерва и без достаточного авторитета и уменья тогда, когда в половине и в конце апреля железное кольцо международного империализма со всех сторон все больше и больше сжималось. Тогда требовалось бы, чтобы твердым приемом мы нападали на неприятеля.

Если когда-либо, то именно тогда имевшийся в распоряжении главного начальника значительный резерв имел бы громадное значение. Использованный с уменьем, он мог бы, несмотря на все, быть-может, спасти, во всяком случае, значительное количество живой революционной боевой силы.

Но этого резерва не было. Да и нашелся ли бы человек, который мог бы с уменьем пользоваться этим резервом.—не могу сказать.

На войне значит также много то, умеют ли как солдаты, так и начальники правильно учитывать значение имеющихся в их распоряжении сил и боевых средств и правильно пользоваться ими.

Если одному или другому в отдельности придается слишком большое значение, то это ведет легко к преуменьшению значения другого. Неумелое пользование даже хорошим боевым средством опять влияет на результат и этим путем ведет к преуменьшению значения годности средства.

У нас особенно заметным явлением было то, что надеялись слишком много на некоторые механические вспомогательные средства.

Пушки и бронированные поезда значили, особенно в глазах больших масс, гораздо больше, чем даже большой, вооруженный винтовками и пулеметами отряд гвардии.

И, таким образом результатом было то, что отряды не имели иногда охоты удаляться от бронированного поезда и полевых пушек за пределы их досягаемости.

И все-таки работой бронированных поездов и пушек следовало пользоватся тем единственным путем, каким действительно с пользой можно ее употреблять, а именно наступать вперед оттуда, где пушка раскрошила неприятеля.

Такая переоценка значения боевых средств вытекала, конечно, из незнания дела и недостатка настоящего военного знания. Приведем интересный пример из этой области:

Из прихода Лохья в Гельсингфорс пришли люди, чтобы получить что-нибудь, „длинные руки“, для уничтожения белогвардейского гнезда в Чурксмете. Они желали также пушек. Об'яснили, что если пушка идет впереди и чистит, а они с винтовками за нею, то от белогвардейцев не останется и следа. Наши товарищи думали серьезно, что современная пушка сделана для той же цели, как древний римский таран.

На неверное представление об артиллерии влияли также, пожалуй, среди невышколенных в военном отношении людей рассказы о „толстых Бертах“, о „завесах огня“ и прочие подобные же истории из империалистической войны.

В то время, как артиллерия в общем представлении стояла в высоком курсе, винтовка считалась менее важною. И все-таки факт, по-

жалуй, тот, что пехота с винтовками является главным фактором и в революционной войне.

Придавание малого значения ружейному огню вытекало опять из того, что не умели как следует пользоваться винтовкой.

Я получил то представление, что наши гвардейцы в значительной мере должны были сами на свой риск определять цель и расстояние стрельбы, т.-е. стреляли без руководства знающего дело. Неудивительно поэтому, что результат был невелик, и что доверие к значению винтовки было меньше, чем следовало бы.

Но у нас не было в достаточной мере ни сил, ни способностей, ни даже времени, чтобы рассеять неверные представления.

А неверные представления встречали нас почти на каждом шагу.

Также и о братской помощи русских товарищей были в некотором отношении ошибочные представления у части финских товарищей.

Полученная нами помощь являлась в действительности во многих отношениях незаменимою и необычайно ценною. Но, несмотря на это, те люди которые не понимали в достаточной мере тогдашнего внешнего и внутреннего политического состояния молодой пролетарской власти, считали себя обманутыми, особенно поскольку дело касается получения в помощь революционной и обладающей военным искусством живой силы. Они не понимали того, что Советская власть под угрозой страшной опасности должна была тогда выпутываться из самого ужасающего кризиса, вызванного империалистическою войной и продолженного властью буржуазии, должна была выпутываться под Дамокловым мечом гордого от своих побед германского империализма. Старая армия была в состоянии разложения. Новая еще только создавалась. Россия сама была в опасности. Возможности ее помощи были, таким образом, ограничены.

Если кто-либо бросит хотя бы лишь тень на русский революционный пролетариат с целью обвинения в вышеупомянутом отношении, то он сам заслужил обвинение.

Русский революционный пролетариат и его славные представители,— такие, как тов. Ленин, Зиновьев Смилга и многие другие, которые особенно много на деле нам помогали,—не имеют никакого отношения к тем контр-революционным офицерам и прочим белым хулиганам, которые, пользуясь своим положением и условиями, в некоторых случаях затрудняли нашу деятельность, и, быть-может, им удалось помешать поднятию нашей боевой способности на ту высоту, на которую она могла бы подняться.

Что среди таких русских контр-революционеров находились прямые пособники наших финляндских врагов,—это неудивительно, ибо и буржуазия имеет свою классовую солидарность, к тому же эта солидарность является еще и более живою, так как она успела развиться повсюду среди угнетенных классов.

Не мешает привести несколько примеров.

Под защитой вывески авторитета Российской Советской власти интриговали против нас находившиеся в телеграфном учреждении финны. Когда мы стремились контролировать это учреждение, то это не удалось. Темные силы занимались в этом деле и провокацией. Посредством провокации имелось в виду поднять против нас революционных матросов флота. Для контр-революционеров являлось очень важным, чтобы нашего контроля не было, чтобы они могли втайне пользоваться телеграфным учреждением на пользу нашим врагам, ибо так

действительно происходило. Русские же контролеры могли следить лишь за русскими телеграммами.

Еще пример: Стоявший в гельсингфорсской гавани и находившийся в наших руках ледокол „Сампо“ просили предоставить „русским для привоза воды“. Предоставили. Но он отправился с белогвардейцами, взяв с собою Свинхувуда, в море. Он вернулся, правда, в свое время обратно. Но уже с грузом палачей и свинца для убийства финляндских революционных рабочих.

Произошла измена. Легковерие сделало ее возможною.

Легковерие вызвало, кроме того, и третье господствовавшее во мнениях преувеличение: необычайную немцебоязнь.

В конце войны она развилась местами в страх, подобный панике.

Еще тогда, когда на наших фронтах не было ни одного немца, не считая обученных в Германии финских егерей, их все же, будто бы, видели и, будто бы, знали, что они находятся там.

Это явление имеет также свое об'яснение.

Угнетательская политика русского царизма в Финляндии давала повод буржуазно-патриотическому возбуждению против России и против русского народа.

Успех германского империализма в большой грабительской войне помог влиятельной части буржуазии присоединиться к Германии. Они уверяли, что германский империализм освободит, будто бы, Финляндию и ее рабочий класс из когтей русского империализма.

Таким образом, в стране, в буржуазных кругах возникло восхищение немцами, которое нашло себе почву и среди части рабочих, благодаря царизму,

Когда потом германский империализм склонил русский империализм перед собою на колени, когда он как-раз во время нашей классовой войны кичился, как петух на навозной куче, грабительской войны, то легко нашло почву такое представление, будто германский империализм и военное могущество вообще непобедимы, что перед немецкой угрозой, направленной против финляндской революции, превратилось в прямой страх.

На этой почве выросла немцебоязнь, с тем большим основанием, что многие знали слабости и недостатки нашей собственной военной силы.

Но когда дело приняло серьезный оборот, когда встретились с немцами, напавшими в тыл революции, то оказалось, что и эти немцы не страшнее прочих людей в честной борьбе.

В сражениях при Уусикюля в половине апреля и в сражениях у Лахтис в конце апреля и в начале мая можно было видеть, что храбрый и упорный финляндский красногвардеец, возбуждаемый жаждой революционной борьбы, может побеждать отряды пособников германского империализма с таким же успехом, как и банды финляндских белогвардейцев.

Но немцебоязнь все же произвела свою разрушительную работу.

Тем обстоятельством, что русский революционный пролетариат не мог помочь нам так, как он хотел бы, а также носящейся в воздухе немцебоязнью воспользовались возбудители контр-революции.

Кроме того находились тайные разжигатели недоверия, направленного против начальников, хотя изменников среди наших начальников было так мало, что об этом не стоит и говорить. Было констатировано, что даже из войск неприятеля пробирались в наши отряды такие исполнители темного дела, провокаторы.

Чем тяжелее становилась наша революционная борьба, тем лучшую почву находил провокаторский ядовитый посев.

В тр дностях и злоключениях, ведь, легче пробуждается разногласие, а спутником разногласия является подозрение и без причины, если верное знание не является компасом.

Лучшим противоядием против провокации и подозрения являются просвещение и верное знание,

Правда, наше рабочее движение развило в свое время в целях своей политической и профессиональной деятельности смотря по условиям жизни дееспособный просветительный и агитационный аппарат Но для целей нашей классовой войны он не был теперь способен дать особенно много.

Сильная раз'ясняющая революционная просветительная и агитационная работа на фронте и в тылу могла, наверное, поднять жажду борьбы. Она могла бы рассеять неправильные представления и неосновательные подозрения. Она могла бы дополнить то, чего, напр., в военном отношении нехватало. Кроме того, политически она привела бы поневоле к большой ясности.

Но мы были слабы и в этом отношении. И поэтому политическое взаимодействие между фронтом и тылом было слабее, чем следовало бы.

Но наш старый агитационный аппарат был создан в иных условиях и для иных целей: для жизни в буржуазно демократическом государстве и для прозябания в парламентарном болоте и в тарифных закоулках профессионального движения.

Кроме того, мы уделили слишком много забот и силы на чисто гражданские задачи управления. Годные в употребление агитационные силы были, таким образом, прикреплены к учреждениям. Когда мы поняли необходимость перемены, то много времени было уже потеряно.

Мы в то время не понимали еще достаточно ясно того главного правила стратегии, что во время борьбы всякая деятельность должна быть подчинена главной цели стратегии и цели борьбы и ее требованиям, иначе говоря, сперва нужно разбить неприятеля, подавить силу его сопротивления, уничтожить его укрепления, потом лишь, успокоившись, можно строить, пахать и сеять.

Читатель, наверное, вместе с пишущим эти строки держится того мнения, что в нашей борьбе было, повидимому, много недостатков.

Но,—пусть будет признано,—велика и тяжела была и наша работа в течение трех месяцев, с теми предпосылками, каковые у нас были. В течение этого времени мы создали армию, правда, добровольную, добыли для нее снаряжение, превратили в один миг работников партии и профессионального движения в военных начальников, вели войну с неприятелем, обладающим лучшими военными предпосылками, отражали возбужденный империалистской грабительской войной голод, поддерживали в движении экономическую жизнь, управляли делами государства и общин. Что все это мы пытались сделать,—доказывают большое все же упорство и даже воодушевление. Но в то же время выясняется, что недоставало в значительной степени более глубокого сознания и требуемого условиями уменья.

Повлияли ли потом наши слабости решающим образом на наше поражение?

Самою большою ошибкою в деятельности во время нашей революционной войны, как мы уже указывали, было то, что мы не принялись сразу наступать, чтобы взять в свои руки действительную силу инициативы.

С теми добровольными отрядами, которые составляли нашу красную гвардию, можно было бы, наверное, невзирая на недостатки, сделать больше, чем было сделано.

В ней находились также храбрые, любящие дисциплину, хорошо организованные и проникнутые революционным воодушевлением отряды. Были и превосходные начальники. Не могу не упомянуть особенно о гельсингфорсской А—роте, о ротах гимнастического общества „Фрю" гельсингфорсского рабочего общества, гельсингфорсской милиции и каменщиков, из которых некоторые роты, как сообщают, отличились особенно в сражениях у Лахтис. Выборгская лыжная рота действовала также хорошо на восточном фронте. И о многих других частях можно упомянуть с благодарностью

Если бы нашей красной гвардией, в которой находились и такие элементы, могло бы с самого начала руководить оживляемое и возбуждаемое наступательной деятельностью и приносимыми ею успехами воодушевление, то, наверное, революционно-военный порядок и дисциплина, а также и прочие увеличивающие боевую способность свойства могли бы стать среди нее господствующими. А это означало бы большое увеличение оперативной способности нашей красной гвардии.

Но могла ли бы и в таком случае наша революционная война закончиться победой?

Об этом можно высказать лишь предположения.

Пишущий эти строки держится того мнения, что выступление германского империализма на полях сражения финляндской классовой войны имело бы в условиях прошлой весны очень большое, если не сказать решающее, значение, хотя бы в наших отрядах не было ни капли немцебоязни. Кажется, что цели германского империализма весною 1918 года требовали после разрыва брест-литовских мирных переговоров появления его военной силы на Финляндском полуострове, чтобы что-то сделать. Некий финляндский буржуазный политик, проф. Хьельт, который являлся представителем финляндских белогвардейцев в Германии, в одном интервью прошлым летом заявил, что те представления, которые со стороны финляндской буржуазии делались немцам, были встречены, правда, в Германии с большим сочувствием; но о посылке немецких войск в Финляндию,—об'ясняет он,—не могло бы быть и речи, если бы брест литовские мирные переговоры не прервались известным образом; продолжавшееся наступление немцев,—добавляет Хьельт,—принесло бы с собою тогда вспомогательную немецкую экспедицию для финляндских белогвардейцев, о чем в германской ставке было также вынесено решение.

Содержание этого заявления небесценно.

Если, следовательно, германскому империализму для наступления против Российской Советской власти и против союзных держав нужна была Финляндия, то он, наверно, и в том случае, если бы наше боевое состояние было лучше, решился бы на это дело с тем большим основанием, когда финляндская буржуазия его приглашала и предлагала ему больше, чем какое бы то ни было революционное пролетарское государство могло бы предложить за мир. Если же ему опять необходимо было подавить силу и власть финляндского рабочего класса, то, наверное, он употребил бы для этого, во всяком случае, все свои усилия.

Но невзирая и на то, что мы были бы и во всех прочих возможных случаях побеждены, нашей борьбе имевшимися в распоряжении силами все таки не пришлось бы закончиться так, как она закончилась.

Если бы наш большой план отступления удался хотя бы прибли-

зительно, то нашей живой силы спаслось бы гораздо больше, чем теперь. Если бы еще после неудачи организованного отступления наши идущие с запада части могли во время сражений у Лахтис прорваться сквозь немецко-финляндское белогвардейское кольцо, которое, по сделанным теперь, позже, со стороны неприятеля заявлениям, угрожало уже, благодаря выказанному некоторыми нашими частями геройству и упорству, прорваться, то победа белых на выборгском фронте могла бы превратиться в их поражение. Неприятель, без сомнения, снова собрался бы. Борьба, значит, опять продолжалась бы. Наш фронт тогда, вероятно, мог бы, во всяком случае, с юго-восточной Финляндии продолжать свои действия, хотя и в ослабленном состоянии. Но живой силы и в этом случае сохранилось бы для продолжающейся революции больше, чем теперь.

Рассуждение и на почве предположений интересно, когда думаешь, что имеешь основания. И на этот раз достаточно.

Вместо этого не мешает ответить на вопрос, который, быть-может, возник в уме читателя; научились ли мы, финляндские красногвардейцы чему-нибудь от полученного нами урока.

Многие обстоятельства указывают на то, что положительный ответ—самый правильный.

Об'ясним это несколькими словами.

Большевизм, коммунизм поставил нас на твердую принципиальную почву. У нас имеется, следовательно, хороший компас. В России и из России мы научились этому при помощи своего опыта.

Революционный порядок и дисциплина стали для нас теперь ясными. Мы знаем теперь, что к ним относится, чего они требуют, и что они собой представляют.

В финляндских частях русской красной армии мы обучаемся этому порядку и этой дисциплине на практике. Мы делаем это с охотой, ибо мы понимаем, что так и должно быть.

Из Финляндии же мы слышим,, что наши товарищи красногвардейцы не потеряли своего революционного духа ни на полях смерти, ни среди тюремных ужасов, ни в когтях буржуазной диктатуры,—напротив, он прояснился и укрепился. Даже такие, которые во время нашей классовой войны прошлою весною старались по той или иной причине уйти из цепи, говорят: теперь уж я удержусь в цепи.

При помощи русских товарищей и по их указаниям мы готовим теперь красных начальников для будущей финляндской революционной армии.

Мы на практике обучаемся, таким образом, здесь, в России, военному искусству, революционному военному искусству.

И в Финляндии наши товарищи получают теперь в недавно созданной буржуазной армии военное обучение, которое не будет им излишним, когда час настанет.

На этом основании я осмелюсь предположить, что мы научились.

Когда потом настанет последний период финляндской классовой войны, то мы получим возможность показать на практике, сколько и чему мы научились от нашей войны и поражения.

Финляндский пролетариат выказал в своей борьбе прошлою весною много храбрости и упорства. Когда к этому присоединятся ясное сознание, уменье и дисциплина, то из этого получится и, наверно, лучше прежнего результат и в военном отношении.

Куллерво Маннер.

Организация правления и судопроизводства.

В воззвании, которое было издано за подписями членов Совета Народных Уполномоченных в начале революции, намечалась для обновления государственного строя страны следующая программа: „По нашему мнению, в Финляндии теперь необходимо стремиться смелыми, обдуманными шагами к изменению всего государственного строя Бюрократизм должен быть настолько сломлен, чтобы он и позже не мог стать более господином народа. С самодержавием судебных учреждений должно быть раз навсегда покончено. Вся конституция должна быть основана на почве демократизма, гарантирующего соблюдение интересов рабочего класса“.

Работе Совета Народных Уполномоченных для осуществления этой программы, поскольку эта работа касалась организации правления и судопроизводства во время революции, помогало в значительной степени то обстоятельство, что почти все учреждения уже в начале революции, а потом и остальные, не считая очень редких отдельных чиновников, уже к половине февраля прекратили в старом составе свою деятельность. Поэтому не было даже возможности сделать безнадежной попытки для использования в целях революции старого, значительной частью сохранившегося еще со времени царизма, бюрократического аппарата, — напротив, необходимость принуждала приняться за создание нового. Недостаток же имеющихся в распоряжении рабочих сил принуждал, в свою очередь, ограничиваться при создании нового аппарата лишь тем, что являлось прямо необходимым. В этих условиях были организованы во время революции правление и судопроизводство.

На основании предложения, сделанного в изданном 28 января воззвании Рабочего Исполнительного Комитета, революционным правительством страны стал Совет Народных Уполномоченных Финляндии. Рабочий Главный Совет, поставленный совместно центральными рабочими организациями и Красной гвардией, контролировал деятельность Совета Народных Уполномоченных и вместе с ним управлял делами правления. Когда Главный Совет 14 февраля начал свою деятельность, то образовалось такое разделение труда, что решающей властью в законодательных делах пользовались совместно Главный Совет и под его контролем Совет Народных Уполномоченных, но приведение в исполнение постановлений и вообще дело правления являлись задачами Совета Народных Уполномоченных. Таким образом, высшим правительственным органом во время революции стал Совет Народных Уполномоченных. Относительно своих административных задач и разделения труда он соответствовал в главных чертах прежнему сенату. Совет Народных Уполномоченных разделился на следующие отделы: Канцелярия, руководителем которой являлся председатель Совета Народных Уполномоченных, Отдел Иностранных Дел, Отдел Внутренних Дел, Отдел Юстиции, Отдел Народного Просвещения, Отдел Фи-

нансов, Отдел Труда, Отдел Сельского хозяйства, Продовольственный Отдел, Отдел Путей сообщения, Отдел Почты и Осведомления и Отдел прокурора, при чем председателем каждого отдела являлся народный уполномоченный, не считая отделов Внутренних Дел и Юстиции, в каждом из которых было по два народных уполномоченных.

Уже 4-го февраля Совет Социал-Демократической Партии высказал мнение, что управление внутренними делами и гражданское управление страны вообще должны быть отделены от управления делами, имеющими военный характер. Это мнение вытекало, без сомнения, главным образом из внутренне-политических соображений. Но со временем с точки зрения разделения труда и целесообразности деятельности оказалось, что является ошибкою то, что, соединяя и управление делами революционной войны и заботу вообще о военных делах с управлением внутренними делами, уже и без того широким, было уделено слишком мало внимания на руководство революционной борьбой и на заботу о потребностях этой борьбы. Также оказалось, что слишком много областей охватывала та работа, которую Отдел Труда должен был исполнять. Главным образом, эти обстоятельства вызвали то, что Главный Совет своим постановлением 8-го марта снова реорганизовал разделение труда в Совете Народных Уполномоченных и значительно увеличил его рабочие силы. Упомянутым постановлением из Отдела Внутренних Дел были образованы два отдела: Внутренних Дел и Военных Дел. Почтовые и осведомительные дела были отнесены в ведение Отдела Путей Сообщения, а из дел этого отдела подходящие дела были переведены в Отдел Труда. На ряду с Отделом Труда был основан особый Отдел Социальных Дел.

В Совете Народных Уполномоченных образовалось, таким образом, не считая Канцелярии, действующей под руководством председателя, двенадцать отделов. Разделение труда для различных отделов в тех частях, которых касались вышеприведенные изменения, наметил Главный Совет, при чем различным отделам были отнесены в главных чертах следующие дела:

Отделу Труда: промышленность, торговля, казенное строительное дело, водяные силы государства и устройство находящихся в связи с ними предприятий.

Отделу Путей Сообщения: сухопутное и морское движение, почта, телеграф и телефоны.

Отделу Социальных Дел: охрана труда, биржи труда, улажение рабочих конфликтов, страховое дело, рабочие жилищные вопросы, статистика.

Отделу Внутренних Дел: управление губерний и коммун, организация порядка, поскольку военныя действия не требуют особых мероприятий (в таком случае о них заботится Отдел Военных Дел), пресса и типографии и дела общего здравоохранения.

Отделу Военных Дел: ведение военных дел, военная администрация и дела, находящиеся в непосредственной связи с ними.

Область компетенции прочих отделов выясняется отчасти уже из их названий, отчасти же она осталась тою же, как и область компетенции соответствующих департаментов прежнего Сената.

Число народных уполномоченных было увеличено таким образом, что, не считая народных уполномоченных, состоящих председателями прочих отделов Совета Народных Уполномоченных, в отделах военных дел, юстиции, финансов, путей сообщения, социальных дел и внутренних дел оказалось по два народных уполномоченных.

В конце марта управление военными делами и верховное руководство военными действиями, которые до тех пор находились в одних руках, были отделены друг от друга таким образом, что управление делами вошло в задачи Военного Отдела Совета Народных Уполномоченных, а верховное руководство военными действиями—в задачи верховного командования Красной гвардии, которое в этих целях было организовано в трехчленный штаб главных начальников.

Чтобы получить некоторое представление о деятельности отделов Совета Народных Уполномоченных, не мешает, пожалуй, ознакомиться с Отделом Труда, являющимся относительно одним из обширнейших из них; в обязанности этого отдела вошло также, кроме прочих дел, наблюдение за тем, чтобы работы на заводах и в мастерских, в которых эти работы из-за саботажа предпринимателей грозили в начале революции совершенно приостановиться, велись в необходимых размерах.

По сообщению, помещенному в „Известиях Совета Народных Уполномоченных" в начале февраля, работа Отдела Труда была организована таким образом, что отделом управлял уполномоченный по делам труда, а под его руководством работали два секретаря и заведующий канцелярией. Дела отдела были разделены на пять главных групп, а именно: для управления торговлей, промышленностью, морскими делами, общественными работами, охраной труда и страховым делом. В каждой группе был свой руководитель, который заботился об единстве деятельности подведомственных ему подотделов, вырабатывал новые проекты, вносил предложения об основании новых отделов и реорганизации прежних и докладывал представления подведомственных ему подотделов Отделу Труда. В половине февраля в Отделе упоминаются следующие подотделы: руководитель по делам торговли, руководитель по общественным работам, руководитель по морским делам, руководитель по металлической промышленности, подотдел бумажной промышленности, подотдел одежной и обувной промышленности, подотдел разных работ, подотдел социальных дел. В половине марта отдел общественных работ был преобразован в совет казенных работ, к компетенции которого относились все казенные общественные работы, как, напр., постройка новых железных дорог, постройка и ремонт гаваней, канав и общественных зданий. Кроме того, совет должен был рассматривать все присылаемые общинами прошения, которые касались выдачи казною вспомоществования или займа для организации работ. Отделу Труда было подведомственно также центральное бюро по делам бирж труда, которое функционировало как соединительное звено между всеми коммунальными биржами труда. Для ведения работ на фабриках и прочих промышленных предприятиях были на помощь Отделу Труда предположены действующие в одной и той же отрасли труда какой-либо местности и, наконец, в каждой местности совместно-действующие фабричные комитеты, промышленные советы и местные советы.

Особые области правления были раньше сосредоточены в центральных учреждениях, находившихся под ведомством экспедиций Сената. Из них Совет Народных Уполномоченных постановлением от 6 февраля закрыл главное управление печати, которое десятки лет не стесняясь, действовало, как учреждение угнетения, и благополучно выпутывалось во время всех политических перемен. Руководить приведенными в действие учреждениями были поставлены

советы, которые были или временно назначены Советом Народных Уполномоченных, или, как имелось в виду позже установить и относительно всех советов, избраны рабочими подлежащих отраслей труда. Таким образом, были основаны следующие советы: железнодорожный, таможенный, почтовый, школьный, лесной и сельскохозяйственный. Для контролирования деятельности менее значительных учреждений Совет Народных Уполномоченных назначил в каждое учреждение особого наблюдателя-комиссара.

Во многих областях правление стремилось создать такой порядок, который в противовес старому бюрократическому порядку отвечал бы тем требованиям, которые рабочий класс имеет право выставлять.

Самой основательной реорганизации подверглось крупнейшее центральное учреждение страны, железнодорожное правление, которое нестесняющимся и изнуряющим бюрократизмом давило в течение десятков лет многотысячную массу железнодорожных рабочих. На место его был поставлен уже 2-го февраля Железнодорожный Совет и на помощь ему в организации дел и в контроле деятельности были поставлены местные и раз'езжающие комиссары. Железнодорожное управление было организовано более полно декретом Совета Народных Уполномоченных от 16-го февраля. Этот декрет предоставил железнодорожное управление советам, избираемым рабочими,—главным образом, собственным персоналом железных дорог. Старые ненавистные карательные правила, применявшиеся на железных дорогах, были отменены, и вообще был намечен и в этой области управления новый путь.

Одним из важных центральных учреждений было также Продовольственное управление, основанное во второй половине марта, для достижения единства в продовольственной области, которое нарушалось тем, что продовольственное дело Красной гвардии, а также доставка продовольствия и вообще предметов потребления велись отдельно от прочего продовольственного дела через посредство особого органа, Интендантского управления Совета Народных Уполномоченных. Продовольственное управление находилось под ведомством Продовольственного Отдела Совета Народных Уполномоченных, при чем в руках этого управления были сосредоточены все дела, касающиеся приобретения продовольствия и раздела его. Та же централизация была распространена и на общины. В них было предоставлено лишь продовольственным комиссиям право приобретать и конфисковать хлеб и прочие продовольственные продукты; Красная гвардия должна была лишь оказывать нужную помощь. Для наблюдения за положением продовольственного дела и за исполнением изданных в целях урегулирования продовольственного вопроса постановлений в каждую общину должен был быть назначен особый комиссар, который должен был быть в тесном общении с продовольственной комиссией своей губернии.

Ознакомившись, таким образом, с важнейшими областями государственного правления в таком виде, в каком оно было во время революции, рассмотрим теперь вкратце организацию местного самоуправления в рамках губерний и общин. Это дело было подготовительно организовано уже 2-го февраля изданным постановлением уполномоченного по внутренним делам, имеющим, собственно, характер директив. По этому постановлению рабочая соц.-дем. коммунальная организация в каждой общине и соответствующая соц.-дем. окружная организация в каждой губернии получала в свои руки власть, перешедшую от буржуазии. Подробнее и отчасти на новых основаниях было организовано де-

ло о временной организации внутреннего правления законом, изданным Советом Народных Уполномоченных 14-го февраля, и в тот же день изданным Отделом Внутренних дел постановлением о приведении в исполнение этого закона. На основании этих постановлений были отменены должности губернатора, коронного фогта, полицеймейстера, ленсмана и городского фогта. Для управления губернией должен был быть поставлен губернский совет уполномоченных, который составлялся таким образом, что коммунальная организация губернского города выбирала в него двух членов, губернский соц.-дем. окружной комитет, или если их было несколько, все комитеты вместе выбирали также двух членов. Пятым членом губернского совета уполномоченных должен был быть назначаемый Советом Народных Уполномоченных предводитель губернии. Обязанностью губернского совета уполномоченных должны были быть принятие на службу и увольнение служащих губернских учреждений. Для исполнения этих задач, которые раньше принадлежали коронным фогтам и ленсманам, должны были быть в каждую сельскую общину назначены блюститель порядка и достаточное количество лиц для охраны порядка. Избрание блюстителя порядка должно было быть делом соц. дем. коммунальной организации, или если таковой в общине не было, его должен был избирать губернский совет уполномоченных, после того как рабочая организация общины или, если таковой в общине нет, общинное собрание представит своего кандидата. Выбор лиц для охраны порядка должен был быть делом коммунальной организации или, где таковой нет, делом блюстителя порядка. В города должна была быть таким же образом назначена комиссия порядка для заведывания делами порядка. В конце марта изданный закон об охране порядка изменял эти постановления постольку, что охрана порядка также и в сельских местностях должна была стать ближайшим делом особой комиссии порядка, которую должна была избирать управа. Назначение начальника по охране порядка должно было входить в обязанности комиссии порядка.

Что касается местного самоуправления в его целом, то его организация в разных местностях была очень пестрою. Органом общинного самоуправления являлась в каждой общине или соц.-дем. рабочая организация в том составе, в каком она решала и о партийных делах, или выбранная им коммунальная управа и поставленные ими и подведомственные им общинные комиссии и должностные лица, но во многих общинах терпели и прежнюю общинную власть.

Особенно важным условием для сохранения завоеваний революции была организация судопроизводства. Одним из первых законов, изданных Советом Народных Уполномоченных, был закон об организации революционных судов.

Для рассмотрения дел, которые содержали преступление против революционного движения и нового порядка или какое-либо иное преступление, по закону о революционных судах должно было быть в каждую общину поставлено „до тех пор, пока судебный институт не будет демократическим путем реорганизован“, особое судебное учреждение, революционный суд. Членов революционного суда должны были назначать организованные рабочие общины или непосредственно на общем собрании, или через коммунальное представительное учреждение там, где таковое имелось. По мере надобности можно в революционном суде устраивать несколько отделов. В состав революционного суда входили председатель и по меньшей мере четыре члена, которыми

избираются лица, пользующиеся доверием рабочих и признанные честными и добросовестными Кроме того, в каждом суде должен был быть публичный обвинитель. Апеллировать на постановление революционного суда можно было в Верховный революционный суд, если наказание было выше меры, определенной подробно в законе, но и о всех своих приговорах революционные суды должны были посылать отчет Верховному суду, который мог кассировать или изменить приговор, хотя бы и не было подано кассационной жалобы. В Верховный революционный суд, который должен был находиться в Гельсингфорсе, Рабочий главный совет назначал председателя и десять членов Революционный суд должен был основывать свой приговор на признанных им надежными доказательствах и фактах и принимать во внимание характер преступника и те условия, в которых преступление совершено, и вообще все влияющие на дело обстоятельства; в то же время должно быть обращено внимание также на то, в какой мере преступление нарушает интересы трудящегося народа и мешает успешности революции. Приговор можно было об'явить условным, как и вообще суды должны были своими приговорами стараться задержать развитие преступности и уменьшить ее. Изданным 13-го марта законом компетенция революционных судов была расширена так, что они могли после этого рассматривать, кроме уголовных дел и прочие судебные дела. По мере надобности в революционном суде можно было основать особое отделение для гражданских дел, каковое отделение должно было быть основано и в верховном революционном суде. Находящиеся на службе Красной гвардии лица за преступления против дисциплины и служебные преступления были подсудны по правилам дисциплинарному, товарищескому или военному суду на основании особых об этом изданных установлений. В начале апреля Совет Народных Уполномоченных постановил, что в районах военных действий военные и полевые суды Красной гвардии имеют право производить следствие и выносить приговоры по делам, касающимся преступлений чиновников и контр-революционеров против революционного движения.

Относительно судейской практики Отдел Юстиции Совета Народных Уполномоченных дал инструкции, в которых говорилось: „Судья должен быть гуманным, но не сантиментальным, поэтому каждый должен стараться вынести соответствующий делу и правильный приговор. Революционный суд должен своею справедливостью добыть себе доверие и поддержку народа. Всегда необходимо стараться выяснить действительное положение дела, прежде чем вынести приговор. На основании совести народного деятеля и на основании правосознания народа пусть будет взвешено, кто виновен, и кто невиновен, и по здравому разуму народного деятеля пусть будет решено, какое наказание в каждый данный момент является подходящим. Пусть ни в каком случае не будет допущено, чтобы судопроизводство споткнулось о стремление к старым педантическим формам и к формальности, но пусть будет правосудие, как уже и его имя указывает, революционным правосудием, энергичным судом совести и неподдельного правосознания народа“.

Такова была в кратких чертах организация правления и судопроизводства во время финляндской революции в конце зимы и весною 1918 года. В последние недели революции условия принудили значительно ограничить деятельность лишь тем, что требовало исполнение военных действий. Но уже и в то короткое время, когда революция

с мечом в другой руке должна была исполнять работу для реорганизации общественных условий, она была в состоянии доказать, какою драгоценною является для рабочего класса собственная деятельность рабочих при организации общественной жизни уже и в таком, идущем ощупью и ищущем ясных целей, виде, в каком проявлялась во время этой первой революции. Как много новаго будет в состоянии дать революция, когда финляндский рабочий класс к ней снова приступит под руководством ясных, возбуждающих энергию принципов коммунизма и рабочей диктатуры!

Вяйне Иокинен

Законодательство Финляндского Рабочего Правительства.

Декреты, регулирующие общественную жизнь.

Финляндская рабочая революция, потерпевшая прошлою весною поражение, оставила в наследство, кроме богатого опыта, пригодного для будущей революции, также массу законодательного материала, представляющего большой исторический интерес. Этот материал является ярким показателем того, что финляндский рабочий класс старался в своей революции держаться в рамках демократизма, но в то же время проявлял некоторые тенденции к ограничению власти капитала.

Законодательная деятельность финляндского рабочего правительства выражалась в изданных им декретах и охватывала много отраслей общественной жизни. Хотя излишнее увлечение этой деятельностью в ущерб организации самой революционной борьбы и послужило отчасти причиной поражения финляндской революции, но все-таки необходимо обратить на эту деятельность серьезное внимание.

Эта деятельность Финляндского Совета Народных Уполномоченных охватывала, главным образом, следующие области: рабочий вопрос, аграрный вопрос, банковое дело, юстицию, систему налогового обложения, продовольственный вопрос. Кроме этих областей, рабочему правительству приходилось регулировать декретами много и мелких вопросов.

Завоеванием происходившей в Финляндии всеобщей забастовки явилось, между прочим, опубликование уже прежде принятого сеймом закона о 8-часовом рабочем дне. Но, конечно, как и следовало ожидать, промышленники старались всеми силами обходить этот закон. Во многих предприятиях применялся все еще 9—10-часовой рабочий день. Это побудило рабочее правительство издать 11-го марта декрет, по которому предприниматели принуждались беспрекословно исполнять закон о 8-часовом рабочем дне.

Декрет от 2-го февраля обязывал предпринимателей уплачивать рабочим, участвовавшим в революционной забастовке, вознаграждение, соответствующее заработной плате. Если рабочий из-за локаута или по другой подобной же причине, не зависящей от самого рабочего, в революционное время остается безработным, то предприниматель должен выплачивать ему полный заработок. Исключение из этого правила по особым причинам может допустить лишь революционный суд.

Одним из самых старых пережитков средневековья в области рабочего вопроса в Финляндии являлась система найма прислуги. Прислуга нанималась в сельских местностях на год, при чем хозяин получал право распоряжаться нанятым лицом по своему усмотрению. Если нанятый на службу убегал с места, хозяин имел право приводить его обратно при помощи полиции. По желанию хозяина прислугу можно

было за побег присудить к денежному штрафу и тюремному заключению. Этот отвратительный порядок, напоминающий древнее рабство был отменен рабочей властью декретом от 31-го января.

В области рабочего вопроса законодательная деятельность рабочего правительства, собственно, этим и ограничилась. Даже 8-часовой рабочий день не был введен для прислуги и сельскохозяйственных рабочих. Но, конечно, следует принять во внимание, что сложность этих вопросов требовала для их разработки более долгого времени, чем имелось в распоряжении рабочего правительства.

В области наболевшего аграрного вопроса Совет Народных Уполномоченных принялся немедленно за устранение создавшихся веками полукрепостнических отношений. Арендаторская система, которая приняла в Финляндии формы полной зависимости арендаторов-торпарей от крупных крестьян и помещиков с исполнением «барщины» натурою и т. д., являлась лучшим орудием эксплоатации бедного земледельческого населения. Эта система была уничтожена декретом рабочего правительства от 31-го января. Торпари были об'явлены независимыми от своих хозяев. Им предоставлялось, по декрету, право «беспрепятственно возделывать без арендной платы те земли, на которых они до сих пор проживали, со всеми выгодами».

Финляндские частные банки принялись, как известно, после революции саботировать новую рабочую власть и не открывали своих контор. Это побудило Совет Народных Уполномоченных передать декретом от 8-го февраля функции частных банков Финляндскому Государственному банку. Клиентам частных банков выплачивались из Государственного банка их вклады, причем взимался особый налог как с клиентов, так и с подлежащего банка. Частные банки могли продолжать свои операции, лишь дав согласие о подчинении контролю государства. В некоторых городах банки согласились открыть свои конторы. Помимо этого, декретом от 19-го февраля была расширена деятельность Государственного банка.

Буржуазное судопроизводство подверглось посредством законодательной деятельности рабочего правительства полной переделке. Из классового орудия буржуазии оно стремилось теперь стать действительным правосудием трудящихся классов. Для исполнения революционного правосудия в общинах были организованы декретом от 1-го февраля революционные суды, члены которых избирались организованными рабочими. В противовес устарелым буржуазным судебным учреждениям эти революционные суды «принимают во внимание характер преступника и те условия, в которых преступление совершено, и вообще прочие влияющие на дело обстоятельства, а также и то, поскольку преступление нарушает интересы трудящегося народа и мешает успешности революции».

Смертная казнь, которая в Финляндии применялась в некоторых случаях, была совершенно отменена декретом 2-го февраля.

Следует отметить, что революционные суды не действовали по отношению к контр-революционной буржуазии со всей той строгостью, которая вызывалась условиями революционной борьбы. Они ограничивались денежными штрафами и тюремным заключением там, где следовало карать железною рукою революционного пролетариата. Это обусловливалось вообще недостатком революционной энергии и революционного опыта у руководящих органов. Без сомнения, эта слабость принесла свою долю вреда революции финляндского рабочего класса. Впрочем, в конце революции, когда уже результаты слабости оказались

налицо, строгость революционных судов была увеличена декретом 6-го апреля.

Налоговое обложение в финляндских общинах было построено всецело в интересах имущих классов и во вред трудящимся классам общества. Обдирая трудящийся народ, финляндская буржуазия не обращала даже внимания на все растущую во время войны дороговизну. Несмотря на эту дороговизну коммунальные налоги взимались с доходов, достигающих 200—600 марок в сельских местностях и 400—800 марок в городах. Такой низкий прожиточный минимум был, без сомнения, разорителен для неимущих. Принимаясь за улучшение налоговой системы, рабочая власть направила прежде всего внимание на понижение прожиточного минимума или той части доходов, которая освобождается от налога. Декретом 1-го февраля этот прожиточный минимум был увеличен до 2.400 марок в городах и до 1.400 марок в сельских местностях. Помимо этого, из доходов, не достигающих 4.400 марок в городах и 2.600 марок в сельских местностях, освобождалась известная часть от налога.

Декретом от 9-го февраля предписывалось коммунальным управлениям произвести новое обложение там, где обложение произведено неправильно. Это мероприятие вызывалось стремлением покончить со всеми несправедливостями в области налогового обложения. Постановлением от того же числа дано раз'яснение, касающееся обложения крупных доходов. Это раз'яснение имело в виду исполнение закона 7 января 1918 года—обложить особым налогом доходы, составляющие не менее 2000 марок.

Налоги, взимаемые на потребности церкви, отменены декретом 12 февраля. Этим декретом было проведено, собственно, отделение церкви от государства, ибо церковь лишилась средств, собираемых принудительным путем.

Для более строгого обложения имущих классов декретом 6 марта было предписано всем плательщикам коммунальных налогов сообщать о своих доходах налоговой комиссии. Предприятия должны были, помимо этого, представлять и свои годовые отчеты, и прочие документы.

Декретом от 7-го марта был установлен налог на квартиры в городах. Этот налог ложился, главным образом, на имущих, так как налог прогрессировал по декрету в зависимости от количества комнат. Квартиры в одну комнату с кухней были освобождены совершенно от налога. Декретом 21-го марта обложены налогом владельцы недвижимостей в городах за доходы, получаемые от сдачи внаем помещений.

Совету Народных Уполномоченных Финляндии, помимо борьбы против буржуазии, приходилось бороться и против пережитков царизма, которые финляндская буржуазия не считала нужным уничтожать. Несмотря на происшедшую русскую революцию и освобождение Финляндии из-под власти царских жандармов, в Финляндии продолжало все еще существовать особое управление по делам печати, которое все же за последнее время перед революцией не проявляло особых признаков деятельности но, во всяком случае, существовало. Это учреждение и законы по делам печати были отменены декретом 6-го февраля.

Самой тяжелой областью деятельности, в которой финляндскому рабочему правительству пришлось развить сильную энергию являлось продовольственное дело, доведенное буржуазией до полной разрухи. За время своей деятельности Совет Народных Уполномоченных издал несколько декретов, посредством которых имелось в виду спасти народ от угрожающего голода. Декретом 31-го января расширялись права

продовольственных комиссий, ограниченные буржуазией. Продовольственным комиссиям предоставлялось право «производить посредством уполномоченных ими лиц общий подсчет и осмотр продовольственных запасов». Постановлением от того же числа об'являлось о реквизиции хлеба. Декретом от 3-го февраля продовольственным комиссиям предписывалось произвести новую опись продовольственных запасов с целью отыскать скрытые товары. Декретом от 8-го марта реквизировался картофель. Постановление от 20-го марта прекращало все такие хозяйства, которым не выдавались хлебные карточки, но оставлялось при описи известное количество хлеба для личного потребления. Такие хозяйства находились вообще в более выгодных условиях, чем хозяйства, получавшие хлеб по карточкам. Упомянутым постановлением все хозяйства приводились относительно потребления хлеба в равное положение.

Но декретами не ограничивалась деятельность рабочего правительства в области продовольственного дела, являющегося особенно важным для успешности революции. Совет Народных Уполномоченных отправил в Россию много агентов для организации закупки продуктов и после больших затруднений наладил при помощи русских товарищей доставку хлеба из России. Между прочим, рабочим правительством были отправлены из Финляндии в Сибирь специальные поезда, из которых один вернулся в Гельсингфорс нагруженным хлебом.

Кроме законоположений, касающихся упомянутых областей общественной жизни, финляндским рабочим правительством было издано много прочих декретов, имеющих также важное значение. Несколько декретов касалось организации Красной гвардии, обеспечения красногвардейцев и их семейств и т. д. 27-го марта был издан декрет об охране порядка, при чем это дело предоставлялось демократическим общинам. Декретом от 9-го февраля предоставлялось женщинам, находящимся в Финляндии в бесправном положении, право занимать общественные должности наравне с мужчинами.

В целях борьбы с контр-революционными происками буржуазии декретом 2-го февраля были закрыты все буржуазные газеты. Декретом 21-го февраля запрещались перевод движимого и недвижимого имущества за границу без разрешения Финансового отдела Совета Народных Уполномоченных, а также вывоз денег и ценных бумаг, при чем была определена максимальная сумма (1.500 марок), разрешенная каждому к вывозу. Уже перед самым концом революции рабочее правительство принялось энергично за буржуазию и ввело декретом 3-го апреля трудовую повинность для мужчин 18—55 летнего возраста и для женщин, живущих без дела. Но этот декрет не удалось осуществить в более широком масштабе. Его следовало издать гораздо раньше.

Совет Народных Уполномоченных старался также ввести контроль рабочих в предприятиях как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Но самая логика событий вела дело дальше обычного контроля, вела к социализации промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Промышленные заведения приходилось брать в руки рабочих. В этом сказывались тенденция самой революции к социализму и стремление руководящих кругов революции держаться в рамках демократизма.

Такова была вкратце деятельность рабочего правительства Финляндии в законодательной области. Рассматривая ее, как таковую, следует признать, что эта деятельность была весьма обширна, но для развития пролетарской революции она не имела почти никакого значения. Эта деятельность, которой Совет Народных Уполномоченных

Финляндии, как мы уже указывали, слишком увлекался в ущерб организации самой революционной борьбы, была направлена большею частью на починку капиталистического общества демократическими мерами. Она являлась отражением настроения руководителей революции, колебавшихся между демократизмом и стремлением к социализму, проявлявшимся уже в массах.

Проект конституции Финляндии.

Самая логика событий привела к тому, что революция финляндского рабочего класса стала революцией против буржуазии и против представительного органа буржуазного общества. Между тем, революция велась под знаменем защиты демократизма, во имя стремления к «наилучшему демократизму». Это стремление к наилучшему демократизму и проявилось в проекте конституции, выработанном Советом Народных Уполномоченных. Проект был опубликован в конце февраля, и уже весною предполагалось поставить его на народное голосование. На этот проект, являющийся также продуктом законодательной деятельности финляндского рабочего правительства, следует обратить особое внимание, как на симптоматическое явление в революции финляндского рабочего класса. По проекту, основы нового государственного устройства Финляндии были вкратце следующие:

Финляндия об'является республикой, вся власть принадлежит народу. Высшей властью в стране пользуется Народное представительство Финляндии. Всем гражданам страны гарантируются полная неприкосновенность и все демократические свободы: свобода передвижения и местожительства, свобода совести, слова, собраний и союзов. Рабочим предоставляется свобода стачек и право «следить во время приостановки работ за приходящими на работы и призывать их отказываться от работ». Этим постановлением дается в руки рабочих оружие для борьбы со штрейхбрехерами. Рабочие имеют также право призывать народ бойкотировать предприятие, в котором работы приостановлены. Вся вооруженная сила власти подчиняется гражданскому управлению, причем эта вооруженная сила не должна вмешиваться в рабочие конфликты.

Никого нельзя невинно арестовывать или держать под арестом без возможно скорого производства судебного следствия. Никого нельзя присуждать к смертной казни и к телесным наказаниям.

Народное представительство страны избирается каждый третий год на основании всеобщих, прямых, равных, тайных и пропорциональных выборов. Каждый гражданин, достигший 20 летнего возраста, имеет право принимать участие в выборах и народном голосовании. Понижение возрастного ценза до 20 лет является на севере, где люди развиваются вообще гораздо медленнее, чем на юге, весьма демократическим мероприятием. Область законодательного права Народного представительства не ограничена. Изменение, раз'яснение или отмена конституции могут произойти лишь на основании изданного Народным представительством основного закона, который утверждается народом на всеобщем голосовании. Основной закон не становится еще постановлением Народного представительства после принятия его большинством голосов в представительном учреждении. Чтобы стать таким постановлением, он должен быть в виде окончательного проекта оставлен до следующего, после новых выборов собирающегося, Народного

представительства, на котором он принимается по меньшей мере двумя третями поданных голосов. Основной закон принимается без откладывания до следующей сессии в том случае, если предложение о нем было внесено по народной инициативе, или если вопрос был в Народном представительстве об'явлен спешным большинством по меньшей мере пяти шестых поданных голосов.

Проект конституции предоставляет меньшинству Народного представительства право задержать исполнение принятого парламентом закона. Это право осуществляется одною третью членов Народного представительства посредством требования отложить принятый законопроект до следующего парламента, на котором он уже должен быть принят. Откладывать нельзя тех постановлений, которые касаются введения пошлин и налогов или заключения государственного займа.

Особое внимание уделяется введению новых косвенных налогов. Предложение о новом таможенном сборе или прочем косвенном налоге считается отклоненным, если его в Народном представительстве не поддерживает по меньшей мере две трети голосов. «При установлении таможенных пошлин или при заключении о них соглашений с другими государствами должно, по проекту конституции, придерживаться того принципа, что вообще нужные народу потребительные товары были бы или совершенно освобождены, поскольку возможно, от таможенного сбора, или их должно коснуться понижение пошлин».

Народное представительство имеет широкие бюджетные права. Все добавления к бюджету должны быть проведены через Народное представительство. Народное представительство решает и о соглашениях с другими государствами. Соглашение с каким-либо государством считается отклоненным, если его не поддерживает в Народном представительстве две трети поданных голосов.

Большое значение и влияние Народного представительства во внешней политике страны становятся ясными из следующего определения проекта конституции. Народное представительство «должно охранять и утверждать свободу Финляндии, ее независимость и нейтральность, а также добиваться для этого международных гарантий на условиях, способствующих успехам финского народа». Народное представительство имеет право при угрозе войны или вообще вторжения войск чужого государства на территорию Финляндии издавать для предотвращения опасности временные постановления, которыми права граждан, даже предусмотренные в конституции, могут быть ограничены. Но временное постановление может быть проведено лишь при согласии по меньшей мере трех четвертей всех членов Народного представительства и отменяется немедленно по миновании опасности. Народное представительство имеет такое же право издавать временные постановления и в том случае, если стремящиеся к захвату власти лица «осмеливаются начать подгототку восстания для уничтожения этой конституции».

Последнее постановление направлено против возможных антидемократических выступлений реакционных кругов. Но проект конституции дает и народу право на восстание в том случае, если большинство Народного представительства выступило бы против народа. «Если бы произошло невероятное, что само большинство Народного представительства осмелилось бы отстранить всю эту конституцию или явно заведомо нарушить данные в этом законе установления, чтобы получить возможность установить власть немногих в стране, то народ пусть восстанет и разгонит такое представительство и позаботится о

том, чтобы в течение трех месяцев были произведены новые, сообразные с конституцией, выборы народных представителей». Новые представители, собравшись после выборов на заседание Народного представительства, дают клятвенное обещание являться верными представителями народной власти, сообразной с конституцией.

Помимо участия в законодательстве и управлении страной через своих представителей, проект конституции предоставляет народу право непосредственного участия в делах страны. Народ имеет широкое право инициативы в представлении законодательных предложений и право общего голосования в решении важных дел. Предложение об издании желаемого народу закона может представить Народному Представительству не менее десяти тысяч граждан. Это сделанное в порядке народной инициативы предложение обсуждается на заседании Народного представительства в спешном порядке.

Всеобщее народное голосование производится в том случае, если постановление Народного представительства не соответствует народному предложению, и не менее третьей части членов Народного представительства требует народного голосования. Народное голосование производится также в том случае, если его требует письменно такое количество граждан, которое соответствует по меньшей мере 5 процентам из числа граждан, участвовавших в последних выборах народных представителей. Если закон, одобренный народным голосованием, касается изменения конституции, то он после принятия его Народным представительством должен быть представлен еще на утверждение народа. Но и такой закон, если он был поддержан на народном голосовании большинством имеющих право голоса граждан, может вступить в силу в том случае, если не менее пяти шестых членов Народного представительства поддержат немедленное введение в силу такого основного закона. Народным голосованием может быть также отменено какое угодно постановление парламента, решение правительственных органов или приговор судебного учреждения. Для этого требуется такое же количество граждан, как и вообще при предъявлении требования о производстве народного голосования.

Все государственное управление страны организовано, по проекту конституции, строго-демократическим образом. Все должности по управлению и в судебных учреждениях заполняются лишь на пять лет каждый раз. Впрочем, и прежнее должностное лицо может быть снова назначено на должность, если оно безукоризненно исполняло свое дело. Плохое должностное лицо может быть исключаемо со службы и ранее истечения пятилетнего срока. Если исполняющий общественную должность является выбранным лицом, то его избиратели (не менее одной пятой части из числа участвовавших на выборах) могут требовать назначения новых выборов и ранее истечения срока службы должностного лица. На должность, которая заполняется посредством выборов, или на которую Народное представительство назначает человека, годен каждый гражданин, имеющий политическое право голоса и не присужденный судом к лишению права на должность. Все должностныя лица ответственны за свои мероприятия.

Высшим исполнительным государственным органом страны является Совет Народных Уполномоченных Финляндии, действующий под контролем Народного представительства. Члены Совета Народных Уполномоченных избираются Народным представительством в каждый третий год. Народное представительство назначает из среды Совета Народных Уполномоченных президента Финляндской республики и вице-пре-

зидента, но не более, как на три года. Один и тот же человек не может назначаться президентом республики два раза под ряд.

О власти президента не говорится ничего в проекте конституции. Президент, избираемый всего лишь на три года, лишен, таким образом, какой бы то ни было самостоятельной власти. Деятельность самого Совета Народных Уполномоченных находится в строгой зависимости от Народного представительства. Эта деятельность протекает под контролем контрольной комиссии Народного представительства. Означенная комиссия делится на два отдела: комиссия для контроля правления и комиссия для контроля применения законов, и Совет Народных Уполномоченных не должен выносить постановлений, если на его заседании не присутствует по меньшей мере два члена предыдущей и один член последующей комиссии. Введение в силу постановления Совета Народных Уполномоченных откладывается в том случае, если два члена контрольной комиссии заявят желание сделать контрольной комиссии заявление о том, что постановление незаконосообразно. Комиссии для контроля правления можно делать заявление о том, что постановление противоречит возможным постановлениям Народного представительства по данному вопросу.

Представительство Финляндии за границей находится также под строгим контролем Народного представительства, которое назначает политических представителей страны за границей.

Судебные учреждения страны организованы на строго-выборных началах. Члены Верховного Суда и Верховного административного суда, которые являются высшими судебными инстанциями, избираются на пять лет по представлению Совета Народных Уполномоченных. Народное представительство назначает в эти судебные учреждения председателей из состава их членов. Народное представительство выбирает также прокурора, который «должен следить за тем, чтобы все занимающие общественные должности лица исполняли закон и вообще исполняли свои обязанности так, чтобы никто не потерпел нарушения своих прав». Вышеупомянутые судебные учреждения не могут выносить постановлений без присутствия прокурора или, по крайней мере, одного из членов комиссии по контролю законов. Прокурор дает ежегодно отчет о своей деятельности Народному представительству. Народное представительство выбирает также и председателей окружных судов, по представлению Совета Народных Уполномоченных, на пять лет.

Проект конституции не дает подробных указаний относительно местного самоуправления, но определяет все же, что если будут созданы органы самоуправления более крупных административных округов, чем общины, то на правительственные должности этих округов нельзя назначать на постоянное служение никого против воли органов самоуправления. Никого нельзя лишать коммунального избирательного права, у кого лишь имеется политическое избирательное право.

Рабочим предоставляется право широкого участия в различных отраслях управления. Это право осуществляется через выбранных рабочими организациями представителей. В тех отраслях управления, в которых дело близко касается значительной части рабочего класса всей страны, центральные рабочие органы должны также иметь авторитетное представительство.

Конституция является постоянным и единственным основным законом. Ее нельзя изменять, разъяснять или отменять иначе, как в установленном самой конституцией порядке.

Как видим из вышеизложенного, центральным местом государственного устройства Финляндии является, по проекту конституции, Народное представительство, которое не только законодательствует, но и в большой мере распоряжается исполнительной и судебной властью. Назначение президента, контроль за деятельностью правительства, назначение председателей высших судебных учреждений и выбор парламентом прокурора страны,—все это указывает, что Народное представительство является не только законодательным органом.

Таково в общих чертах содержание проекта той конституции, которою Совет Народных Уполномоченных Финляндии рассчитывал увенчать революцию финляндского рабочего класса. Мы задержали внимание читателя так долго на этом проекте, считая его очень характерным для пережитого финляндским пролетариатом периода. Этот проект явился кульминационным пунктом, высшей ступенью буржуазного демократического развития в теории, дальше которой ступени даже теоретически (на практике вообще эта ступень демократизма в буржуазном обществе неосуществима) буржуазный демократизм изживает себя, сам собою переходит в диктатуру пролетариата, а там, где рабочий класс оказывается побежденным, в диктатуру буржуазии. Но именно как показатель этой высшей точки теоретического развития демократизма, как последняя грань между демократическим и социалистическим движением, этот проект конституции, выработанный финляндским рабочим правительством, имеет важное историческое значение.

Эд. Торниайнен.

О действиях средней армии Финляндской Красной гвардии в 1918 г.

Главным начальником средней армии состоял тов. Виктор Хасу из [illegible], помощником Карл Райне из Котка, а позже со средины февраля, — Оскар Зундман [illegible].

Собственно мобилизация была начата 13-го января, когда были [illegible] железной дороги Котка—Коувола, Коувола—Усикюля и Коувола — [illegible]. В Коувола были командированы отряды полков Котка и заводов Кюммене, которые мы могли вооружить имевшимся на руках оружием и оружием из идущего с востока поезда. Части были расположены в Коувола в рабочем доме и в [illegible] училище. В районы заводов общества Кюммене и в прочие промышленные и торговые центры Кюмиилакса были поставлены охранительные отряды из местных частей Красной гвардии. Были посланы также отряды в один взвод в окрестности для разоружения белогвардейцев и вообще буржуазии. Продовольственные комиссии, коммунальные правления и вообще общественные учреждения, а также правления промышленных заведений были поставлены под контроль, поскольку этого требовала мобилизация. Для населения в районе армии было опубликовано воззвание, в котором определялись районы, объявленные на военном положении, а также те мероприятия, которые вытекают из нарушения постановлений штаба и подлежащего начальства. В то же время соц.-демократические коммунальные организации в Валкеала и Иитти объявили всеобщую забастовку, чтобы получить возможность легче мобилизовать промышленных рабочих и вообще облегчить мобилизацию Красной гвардии. Коммунальные организации города Котка и Кюммене поступили уже раньше таким же образом. Подготовительные мероприятия велись под руководством штаба полка заводов Кюммене до тех пор, пока не были организованы учреждения армии.

Собственно военные действия были начаты 18-го января, когда наш разведчик сообщил штабу, что из С. Михеля вышел бронированный поезд неприятеля, с которым следует четыре-пять рот вооруженных винтовками белогвардейцев, с пулеметными командами, и что целью их является захват города Коувола и Саволакской железной дороги. Вследствие этого из полков города Котка и заводов Кюммене было отправлено 4 батальона на саволакский фронт, причем начальниками были назначены Х. Крогер и О. Зундман. Наш отряд был отправлен со станции Коувола. Он ступил впервые в борьбу с неприятелем у пролива Хиллонен, где мы встретили идущий нам навстречу неприятельский бронированный поезд. Мы построили свои цепи на холмах, находящихся по обе стороны железной дороги, откуда открыли огонь по неприятельскому бронированному поезду, и после сражения, продолжавшегося полтора часа, наш отряд заставил неприятеля отступить. Во время схватки мы потеряли двух человек. Потери неприятеля неизвестны, но во всяком случае они были больше наших потерь, так как наш огонь, направленный против их поезда, был особенно гибелен для них, благодаря выгодности нашей позиции.

На следующий день 19-го января мы захватили станцию Войкоски без борьбы. У неприятеля, очевидно, после первого поражения не было охоты вступать в борьбу. Сюда был помещен главный штаб саволакского фронта, а передовые отряды

[illegible] на станцию Моуху, где мы поставили охранительные отряды. Наши передовые охранительные части и разведочные отряды принуждены были на следующий день вступать часто в борьбу с такими же передовыми отрядами белых, причем в этих стычках мы потеряли несколько человек, но более серьезного сражения не произошло. Главные силы неприятеля находились тогда в Мянтюхарью, а передовая охрана—у полустанка Варпайзи.

Мы получили на саволакский фронт вспомогательные силы и начали 6-го февраля наступление на Мянтюхарью с отрядом в составе около четырех рот. С полустанка Варпайзи мы прогнали передовую охрану неприятеля, которая отступила к главным силам белых в Мянтюхарью. Около 5 часов вечера началось жестокое сражение у станции Мянтюхарью, где неприятель засел в оборонительные позиции по обоим сторонам железной дороги. В этом сражении принимал также участие на нашей стороне только-что из Выборга прибывший бронированный поезд, в котором находились русские товарищи. После трехчасового сражения наш отряд заставил неприятеля бежать и завладел станцией Мянтюхарью. Во время сражения мы потеряли пять человек убитыми и двоих ранеными. Неприятель оставил на поле сражения 46 убитых; о количестве раненых нет сведений, неприятель унес их с собою, а также и часть павших.

Штаб фронта был теперь переведен нами в Мянтюхарью, а передовое охранение было поставлено на расстоянии двух километров от станции, по направлению к С. Михелю. В то же время мы принялись за починку моста в Мянтюхарью, который был взорван врагом при отступлении. С этих позиций мы предпринимали разведочные экспедиции и делали фланговые нападения на расположившиеся в ближайших деревнях неприятельские отряды, но никакого более значительного сражения не произошло. Наконец, 19-го февраля, когда мост был исправлен, наши части получили приказ начать наступление. Но в то же время неприятель подготовлял контр-атаку на Мянтюхарью и для этого перевел большие части с севера в Тойвола и Хиетайзи, откуда потом были им отправлены отряды в обход, чтобы пробиться в наш тыл. Этим неприятельским отрядам удалось со стороны деревень Варпайзи и Кипии, несмотря на сопротивление наших слишком слабых арьергардных отрядов, проникнуть на железнодорожный путь между полустанком Варпайзи и станцией Мянтюхарью и отрезать таким образом у наших отрядов путь к отступлению. В то же время неприятель предпринял обход нашего левого фланга через село Мянтюхарью и главную атаку на закрытом фронте из-за мянтюхарьюского моста прямо против наших главных сил.

Таким образом мы были совершенно окружены, а в нашем тылу отряды правого фланга неприятеля успели перерезать путь в четырнадцати местах.

Началось страшное сражение. Две наши роты с пулеметной командой отражали главное наступление неприятеля. Полторы роты боролись против левого фланга белых, а одна рота принялась прогонять проникшие в наш тыл неприятельские отряды и охранять рабочую команду, которая исправляла путь. (Наш бронированный поезд уже за два дня до этого уехал).

После сражения, продолжавшагося около пяти часов, нашему действовавшему в тылу отряду удалось прогнать неприятеля с пути и установить сообщение с находившимся в Моуху нашим арьергардом. Путь отступления был приведен в порядок и наше снаряжение было перевезено на полустанок Моуху. Мы отступили в хорошем порядке в Войкоски и снова поставили на полустанке Моуху охранение. Во время сражения мы потеряли 16 человек убитыми, 9 ранеными и 3 без вести пропавшими. Потери неприятеля были гораздо больше наших, что обусловливалось тем, что неприятель являлся наступающей стороной и производил свою атаку закрытыми рядами, и поэтому направленный с наших оборонительных позиций частый пулеметный огонь оказался для наступающих частей неприятеля прямо-таки гибельным.

Главный штаб фронта был снова помещен в Войкоски. Так как неприятель начал расширять свои действия, концентрируя все более и более крупные части

на саволакском фронте, и так как фланговые наступления начали становиться для нас все более опасными, то мы расположили наши отряды на правой стороне деревень Варпайзи, Валтола и Турки и на левую сторону деревень Нума и Янискюля. Чтобы добиться больших результатов наших действий, мы перевели на саволакский фронт еще около тысячи человек.

Кроме этого прибыло еще из резервных частей из Рахимяки три роты. В то время общее количество войска на саволакском фронте доходило приблизительно до трех тысяч. В это число входили фланговые отряды и охрана железнодорожного пути в тылу. Штаб армии назначил Оскара Зундмана исполнять обязанности помощника главного начальника, а вместо него, на место второго помощника главного начальника, был назначен товарищ Алексей Осипов.

26-го февраля было командировано пять рот в Таветти, причем этой экспедиции была дана задача захватить село Савитайпале. Сделав удачную атаку, этот небольшой отряд захватил упомянутое село и поместил там свой главный штаб, который с честью управлял фронтом в Савитайпале до нижеупомянутого времени. Этот отряд имел три орудийные батареи и пять пулеметных команд.

На этом фронте пришлось часто вести сражения, из которых иные были очень кровавы, но о потерях во время этих сражений нет точных сведений ни с той, ни с другой стороны. Во всяком случае наши части боролись и здесь против гораздо более многочисленного неприятеля, но несмотря на это сохраняли всегда свои позиции хорошо и прочно. Эти части управляли в военном отношении наиболее важной линией от Коувола на восток.

В тот же день была отправлена в деревни Хухдасярви, Херрансаари, Уйкила и Тайпале экспедиция в составе трех рот, с целью прогнать оттуда засевшие там неприятельские части и защитить левый фланг саволакского фронта, а также правый фланг фронта в Хейнола.

Также была помещена в деревню Пальека одна рота для охраны конца залива озера Вуоксы, которым неприятель мог бы воспользоваться в отношении своих партизанских выступлений.

Таким образом образовался фронт Савитайпале—Туркинкюля—Варпайзен—Валтола—Моуху—Нурма — Хухдасярви — Хейнола и отсюда далее в Калккизи и Лахти. Так как расположенные в различных местах охраняющие отряды объединяли деятельность действовавших на этом передовом фронте частей и защищали их с тылу и флангов, то здесь образовался настолько прочный фронт, что неприятелю было трудно пробить его, чтобы посылать свои партизанские отряды (как, напр., во время сражения под Мянтюхарью) с целью мешать действиям наших отрядов в тылу.

В ночь на 10-е марта неприятель предпринял сильную атаку против Моуху и пролива Хиллози. Атака была начата в 6 часов утра, против этих обоих наших позиций, и уже в 9 часов утра удалось подавляющим силам неприятеля захватить позицию пролива Хиллонен и западный береговой холм. Первая рота из фридрихсгамских частей, которая одна охраняла пролив Хиллози, была принуждена отступить в Кирьекиви.

Из находящихся в Войкоски главных сил были отправлены тогда две роты к проливу Хиллонен, и этому отряду удалось сразу же в начале наступления достигнуть господствующего положения и поставить орудийные батареи на выгодное место. Когда этот наш отряд начал бешеную контр-атаку против находящихся в руках неприятеля холма и моста, то в то же время находящаяся в Кирьякиви первая рота полка заводов Кюммене предприняла наступление на позицию, а отступившая фридрихсгамская рота начала контр-атаку против неприятеля с правого фланга. Таким образом неприятель был окружен с разных сторон. В 4 часа вечера он начал отступать по льду озера Вуохиярви по направлению к концу залива Леппяниеми. Туда мы отправили во время сражения два взвода, из которых один был с пулеметной командой, и этот отряд открыл из засады по бегущему неприятелю пулеметный и ружейный огонь, вызвав в его рядах полное замешательство.

При этом белогвардейцев пало около сотни человек, 13 человек было взято нами в плен и 10 раненых белогвардейцев было взято в больницу. В виде военной добычи мы получили 12 лошадей, одну походную кухню, содержавшую только что изготовленный мясной суп на двести человек, четыре воза картофеля и хлеба, около сотни винтовок, немецкий полевой компас, пистолет Маузера, саблю для командования (принадлежавшую немецкому офицеру, который командовал и пал в этом бою) и воз санитарных принадлежностей.

Испытав столь неожиданную встречу, отступившие неприятельские части начали бежать снова к проливу Хиллонен. В то время наши встали уже здесь на позиции и принудили бегущие неприятельские части направить свой путь к заливу Пальяка, где стояла вышеупомянутая первая рота фридрихсгамнского полка. К этой роте мы послали во время сражения на всякий случай кавалерийский отряд, чтобы отнести приказания и поддержать действия означенной роты. В 8 часов вечера бегущий неприятель прибыл на залив Пальяка, и здесь, так же как и в Леппяниеми, был открыт против неприятеля неожиданно для него пулеметный и ружейный огонь с таким результатом, что обоз с боевыми припасами и бомбами неприятеля взорвался, образовав во льду трещину в 70—80 метров. В темноте и при сильном смятении большая масса лошадей неприятеля с возами свалилась в эту трещину. При этом оставшаяся часть неприятеля разбежалась, оставив на месте весь свой обоз и прочее снаряжение. Сражение кончилось в 9 часов вечера. В виде военной добычи мы получили четыре пулемета, 70 винтовок, около 17 тысяч патронов, массу железнодорожных мин, 38 лошадей, два воза лыж, некоторое количество походных сумок и т. д.

На проливе Хиллонен мы потеряли 3 человека убитыми и 4 ранеными. На заливе Пальяка наших пало четыре человека, на заливе Леппяниеми был ранен один. Неприятель потерял во время этих сражений более ста человек убитыми. Точной цифры об их потерях не имеется.

В направлении Моуху, где сражение началось так же в 6 часов утра, у неприятеля было несколько больше удачи, ибо он наступал на наши части с подавляющими силами. В 3 часа дня нашим частям пришлось отступить около полутора километров к Войкоски, чтобы получить более лучшую оборонительную позицию. После этого отступления оборона наших отрядов против бешеных наступлений белых стала непоколебимой. Ожесточенное сражение продолжалось до 9 часов, тогда неприятель прекратил огонь, и его передовая охрана разместилась в полутора километрах от Моуху по направлению к Нарпойзи. Местечко Моуху осталось таким образом промежуточной зоной.

В Моуху мы потеряли 24 человека убитыми и 14 ранеными, 7 человек пропало без вести. Белые потеряли гораздо больше, что обусловливалось тем, что они производили свое наступление через совершенно незащищенные поля и, как у них принято, закрытым фронтом с необычайным шумом. Это предоставляло нам ту выгоду, что наш огонь из-за прикрытых позиций производил в их рядах большое опустошение. В этом сражении огонь нашей артиллерии производил большое опустошение в рядах неприятеля.

Происходившие в этот день сражения являлись, пожалуй, самыми крупными, самыми решающими из сражений на саволакском фронте.

Нашими частями командовал Алексей Осипов в направлении Моуху и Оск. Зундман на проливе Хиллози и на заливе Леппяниеми. Оркестр полка заводов Кюммене играл во все время сражения у пролива Хиллози вблизи своих частей.

8-го апреля из Котка сообщили в канцелярию армии, что из Ловиза и Пюттис двигаются немецкие части на Котка и что эти части уже начали наступление на крепость Кюммене, которая защищается лишь небольшим охранительным отрядом из местных красных. В городе Котка находился тогда лишь отряд, необходимый для местной охранительной службы, и одна женская рота. Из них женская рота была отправлена в крепость Кюммене на помощь местному охранительному отряду, до тех пор пока не будет организован достаточно сильный отряд

для этого фронта. Ночью на 9-е число были отправлены [illegible] Хамина две роты с четырьмя пулеметными командами и [illegible] нушек в крепость Кюммене, где немецкая экспедиция [illegible] Маннергейма успела уже проникнуть на железную дор[illegible]. После [illegible] наш отряд принудил неприятеля бежать, причинив ем[illegible] ков человек. Тогда были отправлены в Пюттис и [illegible] Штокфо[illegible] водов Кюммене для отражения ожидаемых наступлений со сто[illegible].

Отправившаяся из Ловиза немецкая экспедиция попы[illegible] напасть на железную дорогу между станциями Кариа и Каусала [illegible] Каусала. В начале против этих неприятельских сил сражались охрани[illegible] станций Кариа и Каусала, до тех пор пока не были присланы [illegible] две роты полка заводов Кюммене и с саволакского фронта бро[illegible] № 2. Эти отряды опять обратили неприятеля в бегство, причем [illegible] пил в том же направлении, в каком и пришел. На следующий [illegible] спедиция напала также на станцию Усикюля, и этому непри[illegible] удалось захватить станцию. Но на помощь местным охраните[illegible] присланы из Хейнола вспомогательные силы и бронированный [illegible] № [illegible] жестокого, продолжавшагося несколько часов, сражения эти отр[illegible] приятеля оставить позиции, причем неприятель отступил по [illegible] матила. Во время сражения наш отряд потерял несколько че[illegible] Неприятель оставил на поле сражения 24 убитых, раненых он ув[illegible] ди павших находились три немецких офицера, из которых один [illegible] похоронил этих своих офицеров в находившемся перед зданием в[illegible] могилах были поставлены кресты с надписями, причем на могиле [illegible] нись на немецком языке: „Пал в чужой стране за государя".

19-го апреля в канцелярии главного начальника в Коувола бы[illegible] из Лахтис, что большие немецкие части движутся из Ловизы и [illegible] ны захватить Лахтис. Из местного штаба в Лахтис просили теперь [illegible] ных сил и руководителей. Начальник отправил своего [illegible] Зундмана и В. Эloранта для организации и управления делами в [illegible] ченные товарищи отправились на поезде из Коувола, но уже на [illegible] те наши расположились на боевые позиции, так как немецкие ча[illegible] до Пеннала, откуда готовили наступление на Вилляхти, причем их [illegible] ходились уже вблизи железной дороги. На бронированном поезде № [illegible] Элоранта продолжали свой путь и в 10 часов вечера прибыли в [illegible] ник частей в Лахтис сообщил, что в его распоряжении имеется [illegible] ряд в составе около 400 человек, находящийся в данный момент в [illegible] в этом отряде большая часть отступивших из Коллкизи людей. Кроме этого, [illegible] направлении деревень Пеннла и Симола находилось около трех рот. [illegible] яснилось, что в Лахтис не было пулеметной прислуги, все [illegible] Лахтис шесть орудий были без прислуги. К тому же было получено [illegible] чальное сообщение, что местный штаб потерял совершенно [illegible] отрядов.

В таких плохих условиях приходилось приниматься за организ[illegible] ны Лахтис. Если принять во внимание то обстоятельство, что [illegible] фронта в Калккизи) маршировали по направлению к Лахтис и Виерумяки [illegible] части Маннергейма, то можно легко понять, что положение в Лахтис н[illegible] завидным. Сознание того, что отступление западных и северных ча[illegible] восток, эвакуированное снаряжение и то количество продовольствия, которо[illegible] части везли с собою, обязывало нас сделать все возможное, чтобы удержать пут[illegible] свободным. В 12 часов ночи было созвано собрание всех командующих [illegible] ников, которых, к сожалению, было всего три ротных начальника.

Был составлен спешный проект о расположении частей на оборонительные позиции и были даны им предписания. Также было издано воззвание о все обострющемся положении и предложено всем держаться верными революции и бо-

...ться до конца для спасения товарищей. В то же время войскам было об'явлено, что штаб армии назначил Евг. Зурмана и В. Элоранта с неограниченными полномочиями командовать всеми частями на этом фронте. Таким образом мы побудили изнемогавшиеся отряды снова к деятельности. К 7 часам утра 20-го апреля мы успели расположить наши небольшие отряды в оборонительные позиции, в народный институт, на холмы кладбища и на холмы озера Везиярви. Кроме того, на гору Кивисто мы поместили также шесть пулеметных команд и три орудийных батареи. Эти, впрочем, не были первокласные, но хорошо и так. Мы сообщили начальнику армии о нашем угрожающем положении и теперь сообщили нам по телефону из Коувола, что упомянутые отряды полка заводов Кюммене отправятся в 9 часов утра из Коувола к нам на помощь, но они пришли слишком поздно, так как неприятель начал наступление уже в половине восьмого утром из деревень Симола и Пеннала. В половине девятого находившиеся там наши передовые отряды отступили в Лахтис, причем часть из них из-за отсутствия руководства разбрелась по лесам. В 9 часов утра неприятель предпринял атаку на находящуюся за железнодорожной станцией часть города, разсчитывая этим путем проникнуть в город. Но огонь наших частей из народного института и с холмов кладбища, а также артиллерийский огонь наших батарей в Кивимяки принудил неприятеля пока остановиться. Наш бронированный поезд № 2 был также нам полезен в направлении Вилляхте. Наступающая энергия неприятеля становилась все сильнее во время сражения и уже в 11 часов один из неприятельских отрядов, несмотря на наш частый огонь, предпринял атаку на железнодорожную станцию. Борьба за обладание станцией была в полном смысле слова кровавою, ибо неприятельские отряды ни минуты не колебались, наступая вперед, несмотря на пулеметный и шрапнельный огонь, который в их частых рядах производил страшное опустошение. Наш передовой отряд на станции не оставлял также ни на миг своей отчаянной обороны, но держался на месте до последняго человека, до самой рукопашной схватки. В этом сражении мы потеряли своего единственного хорошого унтер-офицера тов. Дальстрема из Рихимяки, что являлось чувствительным уроном для нас.

Пробившись на станцию, неприятель не хотел более продолжать наступление на город через нее, ибо мы, не имея более на станции своих отрядов, направили огонь наших трех батарей «с прямым прицелом» с холмов кладбища, с горы Кивисто и с холма народнаго института на станцию и на находящуюся за нею часть города. Таким образом наступающие здесь части неприятеля оказались под перекрестным огнем нашей артиллерии и продолжение их наступления стало невозможным.

Теперь неприятель начал развивать свое главное наступление против нашего леваго фланга, рассчитывая, повидимому, отрезать нас от тех отрядов, которые отправились к нам на помощь из Коувола и которые по нашим предположениям должны были находиться уже в Вилляхте. В час дня неприятелю удалось захватить часть железной дороги между Лахтис и Вилляхти и напасть через ведущую в Вилляхте шоссейную дорогу и с восточной стороны озера Мяйзя в тыл нашего праваго фланга. В то же время наступающий с севера отряд финляндских белогвардейцев захватил на ведущей в Хейнола дороге деревни Виерумяки и Хяркяля и получил возможность соединяться с немцами, окружавшими наш правый фланг. Теперь мы оказались в Лахтис более или менее вполне окруженными. Свободным был лишь западный берег озера Везиярви, по которому можно было отступить лишь по направлению Океройзи и Херрала. Но и это была лишь ненадежная возможность отступления, которая зависела вполне от действий наших частей, выступивших из Рихимяки и, кроме того, отступление в эту сторону являлось для нас прямо-таки невыгодным, так как мы не могли там надеяться на установление быстрых совместных действий с отрядами Коувола.

Телефонное сообщение было также у нас по всем направлениям перерезано и неприятель, казалось, быстро с'уживал кольцо вокруг нас. Единственная надеж-

да на быструю и действительную помощь была у нас сосредоточена на западных отрядах, прихода которых мы ждали с нетерпением со дня на день. Но помощи ни откуда не приходило, а нас, защитников города, было всего лишь не более 400. Да и из них многие пали и пропали без вести. Но следует отметить, что этот небольшой и в начале борьбы отряд, увидев обострившееся положение, решил по общему соглашению сдать город за возможно дорогую цену.

Наступление неприятеля против нашего праваго фланга становилось все сильнее и ясно можно было заметить, что его целью является проникнуть этим путем в город, так как со стороны станции это оказалось невозможным. На нашем западном фронте неприятель, казалось, продолжал огонь лишь для виду, хорошо понимая, что возможность проникнуть в город через него гораздо меньше вследствие естественных преград, и, кроме того, здесь угрожало ему с тылу прибытие наших частей из Рихимяки.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, мы перевели на наш правый фланг все свободные силы и старались удержать свою позицию, надеясь все еще на помощь с запада. Кроме того, мы надеялись также на то, что наши части в Виллахте будут возможно больше мешать неприятелю с востока.

После полудня сражение становилось все ожесточеннее, неприятель наступал все бешенее и кольцо вокруг нас все больше и больше суживалось. Сражение на нашем правом фланге дошло около 4 часов дня до своей решительной точки. Было ясно, что если не получим быстрой помощи, то наша цепь будет вскоре прорвана во много раз превосходящими силами неприятеля. Наш отряд действовал теперь превосходно, в хорошем порядке, хотя и знал уже о своей верной гибели. Но это сознание, пожалуй, и было единственной побудительной причиной к последней борьбе.

Около 11 часов вечера наш отряд не мог более выдержать наступления неприятеля между дорогами Виллахте и Хейнола и неприятель овладел тогда холмом на стороне озера Мяузя. Отсюда он начал развивать наступление на холм народнаго института, который оказался теперь под перекрестным огнем неприятеля, ибо, как мы уже указывали, он поддерживал против него сильный огонь из-за железной дороги, ведущей в Виллахте. В то же время неприятель предпринял сильную атаку на гору Кивисто, и теперь, когда немцы ворвались в город со стороны Мяузя, они получили возможность поставить и эту гору под перекрестный огонь. Этим, конечно, немцы не преминули воспользоваться. В 12 часов ночи мы принуждены были сдать гору Кивисто неприятелю.

Восточная и северная стороны были теперь в руках неприятеля и наш отряд защищал упорно холм кладбища и холм, находящийся между железной дорогой Везиярви и берегом озера. Наше «отечество» становилось уже слишком малым. Но эти естественные укрепления как бы соблазняли нас держаться на холмах. И хотя неприятель, упоенный победой, продолжал непрерывно свое бешеное наступление на эти наши последние позиции, и хотя из нашего отряда осталось едва полторы роты, все же, несмотря на все это, наш отряд геройски защищал свои позиции. Лишь в 11 часов утра 20-го апреля все наши позиции были окончательно потеряны. Тогда нас было всего лишь 60—70 человек и наступление неприятеля было нестерпимо. Мы отступили в Океройзи, но никаких вспомогательных сил и здесь еще не было.

20-го апреля, в час дня, Зундман и Элоранта отправились из Океройзя в Рихимяки. Здесь были собраны на спех три роты резервных сил и одна женская рота и отправлены на поезде в Океройзи. В тот же день, около 9 часов вечера, мы привели означенную часть настолько в порядок, что могли поставить ее в цепь на расстоянии около полутора километров от станции Океройзи по направлению к Лахтис.

Кроме того, мы привели в порядок три орудийные батареи, которыми начали бомбардировку. В то же время наши отряды не давали неприятелю возможности перенести свой фронт из Лахтис на запад, так как мы получили теперь по-

телефону известие, что из Тавастгуса выступила отдельными отрядами армия в составе около десяти тысяч человек. Вскоре прибыл из окрестностей Коски и Ламми наш вестовой, который сообщил, что первые отряды будут в Херрала уже в эту ночь.

Теперь начали прибывать в Херрала также эвакуированные из Або, Бьернеборга, Раумо и прочих мест снаряжение, продовольствие, вагоны и т. д. Таким образом наше положение в Херрала принуждало нас пробить путь на восток. В Херрала был помещен главный штаб прибывших уже и прибывающих туда отрядов. Штабы Бьернеборга, Або, Раумо и прочих мест а, также прибывшие в Херрала местные штабы были созваны на собрание 23-го апреля. О. Зундман и В. Элоранта представили собранию отчет о сражениях в Лахтис и создавшемся положении. В то же время они представили проект об эвакуации снаряжения и отрядов на восток. Упомянутые штабы назначали Зундмана и Элоранта снова исполнять обязанности главного начальника и утвердили данные средней армией полномочия.

24-го апреля у нас была организована армия в составе около 8.000 человек, с которой мы предприняли наступление на Лахтис. У нас находилось в действии десять пушек, которые причиняли сильные пожары в части города, находящейся за станцией Лахтис, и деревне Симола, а также в центре города и в районе казарм Хеннала.

Таким образом мы рассчитывали пробить путь. Нам необходимо было также захватить часть железной дороги между Лахтис и Вилляхте, чтобы спасти эвакуированные товары. Кроме того, эта дорога была единственным путем для наших больших частей.

С самого начала осады Лахтис мы посылали ежедневно курьеров в Коувола, и нами было послано за это время всего 9 человек, но ни один из них не вернулся еще обратно. Так как сообщение через Коувола становилось для нас все более необходимым, то следовало во что бы то ни стало установить связь с частями, находящимися в Коувола. Поэтому в штабе начальников было решено, что О. Зундман и начальник полка из Тусула В. Хурри отправятся курьерами главного штаба в Коувола. Взяв с собою проекты и соглашения о совместной деятельности с отрядами Коувола, они и отправились через леса и дебри 26-го числа в путь. От станции Куусала они продолжали путь на поезде и прибыли 28-го вечером в Коувола.

Главный начальник в Коувола сообщил, что саволакский фронт проведен в Харю, оттуда налево в Оравала до берега реки Кюммене и направо в Иокела до церкви Валкеала и до Варпайзы, а что фронт в Хейнола проведен до Вуолен-коски до церкви в Иити и до Куусала. Отряды местности Савитайпале находятся в Кайпиайзи.

Теперь стало вполне ясным, что совместная деятельность с северными и западными отрядами совершенно невозможна. О. Зундман послал немедленно курьера к отрядам, находящимся в Херрала, чтобы предложить им отступить через Ориматтила и уничтожить в Херрала все снаряжение, которое невозможно перевозить проезжими дорогами; не известно, удалось ли этому курьеру добраться до места назначения или нет. Этим кончилась совместная работа с отрядами, находящимися в Херрала.

К 28-му апреля штаб средней армии потерял всякую связь как с западными, восточными, так и с северными частями. С севера и востока теснили наш средний фронт об'единившиеся части Маннергейма, а с запада наступала немецкая армия. Положение отрядов в Коувола было таким образом более или менее таким же, как и в начале осады Лахтис. Оно было даже хуже, если принять во внимание, что наш восточный фронт был совершенно разбит, а также совсем безнадежным делом было думать о том, чтобы наши отряды на западном и северном фронтах могли бы прорваться сквозь немецкий фронт в Кюминлаке. Если принять во внимание еще то обстоятельство, что немцы уже развивали сильные

движения со стороны Пюттис против железной [illegible] Доставая [illegible] ти Маннергейма на восточной стороне имели [illegible] фронта настолько подавляющие силы, что [illegible] на восток, -то станет ясным, почему линия сред[illegible] не следующим образом: Фридрихсгамн — Кайппайнен — [illegible] Пяти — Каусала — Пюттис.

Посредством этого фронта мы рассчитывали сохранить [illegible] можный путь отступления в Котка и оттуда через [illegible] уже к 1-му маю давление неприятельских сил развивалось [illegible] мы были принуждены приняться переводить спешно снаряж[illegible] вольствия и боевых припасов в Котка. В то же время мы [illegible] вать связь с Петроградом и послали для этого тов. Артура [illegible] что не принесло никаких результатов.

2-го мая, в час дня, всем частям был дан приказ об [illegible] ом порядке. Частям следовало отступить в Пикеройзи и [illegible] на линиях Пикеройзи — Пюттис и Пикеройзи — Фридрихсгамн [illegible] было начаться в 10 часов вечера на всех прочих флангах, [illegible] ивайзи, Покела и Харью, которые должны были отступить в [illegible] ни должны были охранять эвакуацию Коувола и отступлени[illegible] Каусала и Оравала. В 12 часов ночи определенные отряды были [illegible] Коувола, а вместе с ними также необходимое снаряжение. [illegible] линии переехал в Котка вместе с отрядами Кайппайнен и [illegible] го мая было созвано собрание всех главных начальников. [illegible] выработан окончательный проект для этого последнего фронта [illegible] рассчитывали продержаться до тех пор, пока не получим из [illegible] редств сообщения.

На этом собрании была выбрана также делегация из [illegible] ду «Эльвя» было дано предписание для этой поездки. Но [illegible] гнано в море начальниками отрядов Рихимяки, находившимися в [illegible] Мы не могли найти нигде другого судна, и вопрос о делегации [illegible] образом оставить.

Утром в наши руки попалось воззвание нашим вой[illegible] «Комиссией мирных переговоров», в котором об'яснялось [illegible] ная потеря человеческих жизней и уничтожение общественных [illegible] полезны, и предлагалось нашим войскам, чтобы они не производили [illegible] ного выстрела, не обращая внимания на приказания начальников. [illegible] довало и другое, составленное тою-же «комиссией», воззвание, в [illegible] валось, что перемирие заключено до 4-го мая, до 12 часов дня, и что ни [illegible] солдат не должен до этого времени стрелять. Но и этого было [illegible] Через некоторое время главному начальнику Хазу и его помощ[illegible] была принесена для подписи бумага или, вернее, — приказание, в котором [illegible] казывалось выбрать комиссию для разоружения наших отрядов при [illegible] ставителей белой гвардии. Потом лишь можно было начать «мирные [illegible]» С этой бумагой было, конечно, быстро покончено.

Таким образом «Комиссия мирных переговоров», в состав которой [illegible] как руководитель, сенатор И. К. Кари, вступила без согласия какой [illegible] было организации, и без ведома штаба армии в «мирные переговоры» с белогвар[illegible] дейцами. Штабом главного начальника было составлено тогда контр-воззвание, в котором об'яснилось, что означенная «комиссия мира» оказывает своим воззва[illegible] нием медвежью услугу нашим войскам. Войска призывались быть верными рево[illegible] люционным принципам и исполнять лишь приказания своих начальников. Указы[illegible] валось, что мы опустим свое оружие лишь тогда, когда неприятелем будут га[illegible] рантированы нам такие мирные условия, которые мы можем признать. Ибо мир будет заключен лишь на почетных условиях, а не на таких, как предлагает «комиссия мира». Это воззвание было подписано главным начальником, председа-

телем штаба и секретарем. Воззвание было роздано отрядам, но оно не имело уже особенно большого влияния, так как изнервничавшиеся и вообще уставшие красные войска были готовы принять нелепое предложение «комиссии мира». Не взирая на все «соглашения» с «комиссией мира», белогвардейский поезд прибыл на станцию Котка уже 4-го мая, в 10 часов утра, разоружив сперва наши отряды в Ипкеройза и крепости Кюммене. Эта мирная политика была настолько хорошо построена, что штаб армии не получил оффициальных сообщений даже из этих мест. По слухам, там присутствовал при разоружении представитель «комиссии мира».

Те же мероприятия, как и в крепости Кюммене, были возобновлены и в Котке. Сразу же на станции началось разоружение без всякого сопротивления. Рабочий дом был окружен, но штаба там уже не было, он удалился за десять минут до прихода белых, ибо мы не считали себя обязанными становиться жертвами постыдной изменнической политики «комиссии мира» и оставаться, подобно баранам, добычей бело-гвардейцев. Мы распрощались товарищески друг с другом, объединившись под следующим лозунгом: «Ни один из членов штаба средней армии не должен быть пленным белогвардейцев. Если он не может спастись для пользы будущей могучей революции пролетариата, то пусть падет в борьбе или от своей руки».

Этим закончилась оффициальная деятельность средней армии, и неизвестно, сколько из членов его последнего штаба спаслось. Членам этого штаба К. Вуорио, Е. Хальстрему, И. Муури и О. Зундману вместе с товарищами И. Мальм и З. Раутио удалось найти на берегу гребную лодку, на которой они доплыли до одного острова. Здесь они купили более крупную, около 16 футов, старую парусную лодку, на которой переплыли финский залив и пристали к берегу Ингерманландии. Русские красноармейцы арестовали их и привезли в Петроград, где они были, при посредстве тов. Эйно Рахья, освобождены. Из отрядов средней армии удалось лишь некоторым товарищам спастись.

Оскар Зундман.

Воспоминания о сражениях в Хейнола.

Когда южная Финляндия была очищена от белых, то среди полков в Лахтис встал в порядок дня вопрос о подготовке завоевания города Хейнола. Эта подготовка и не могла долго продолжаться, так как отряды и командный состав стремились с воодушевлением на борьбу за наше правое дело. Кроме того, продовольственный вопрос побуждал, если не сказать принуждал, к захвату Хейнола. Было известно, что эта местность богата продовольственными припасами, тогда как окрестности Лахтис, которые являлись уже около месяца лагерем больших отрядов, начали становиться пустыми. Приходили и такие вести, что белые уже принимают меры к переводу общинных хлебных-запасов на север и в свое лагерное место в Сюсмя.

Для взятия Хейнола из Лахтис были отправлены четыре роты. Одна рота была отправлена в деревню Калккизи, прихода Асиккала, чтобы задержать возможное обходное движение белых. Три роты отправились по шоссе в Хайнола.

Рота, отправленная в Калккизи, не осталась на месте своего назначения, но, встретив белогвардейские сторожевые отряды, принялась их преследовать. Таким образом эта рота продвинулась более двадцати километров от места своего назначения к району белых и оказалась в деревне Нуормейзи. Здесь ей пришлось вступить в сражение с белыми. У последних имелось здесь нечто в роде военной школы в поместьи Норденлунда. После короткого сражения белогвардейцы отступили, поспешив в село Сюсмя, где находились их главные силы.

В тот день красные прибыли в деревню Нуорамойзи, и, когда произошло сражение, был сильный мороз и поэтому почти половина легко одетых красногвардейцев отморозила себе руки и ноги. Замерзших пришлось отправить обратно в Лахти. Здоровые оставались ожидать белых, которые, по предположению, должны были бежать из Хейнола. В этом они и не ошиблись. Из Хейнола выехало несколько возов белогвардейцев, но нашим удалось поймать из них лишь некоторых, так как белые достаточно во-время поняли угрожающую им опасность и отправились другим путем в село Сюсмя. Оставаться с такими небольшими силами в этом гнезде белых наши считали опасным и отступили поэтому на свою позицию в деревню Колккизи.

Позже выяснилось из найденных у павших белых бумаг, что если бы наши отправились тогда, не останавливаясь, к церкви села Сюсмя, то эта позиция оказалась бы в наших руках. Там не было у белых тогда оружия. У них имелись лишь охотничьи ружья. Лишь через два дня оружие было получено из Ювяскюля.

Три роты, отправившиеся по шоссе в Хейнола, захватили город. Собственно это сделали два разведчика из Ловиза, которые пришли перед отрядами в город, захватили телеграфную станцию и перерезали провода между городом и селом Сюсмя. Предварительно они все же сообщили белым в Сюсмя, что тревога на счет прихода красных напрасна.

По прибытии наших отрядов в город, владелец гостиницы в Хейнола угостил нас всех кофе. В то же время местные красные устроили нам обед и разыскали квартиры.

Во время осмотра запасов буржуазии, было найтено много крепких напитков. Так, напр. в городскую гостинницу было привезено после обысков столько спиртных напитков, что ими было заполнено целых две комнаты. Эти комнаты были опечатаны и к ним была приставлена стража. Также были опечатаны склады винокуренного завода. В этих складах находилос несколько тысяч литров спирта и прочих напитков.

* * *

На следующий день принялись за устройство и исследование города. В окрестностях города был произведен осмотр продовольственных запасов, причем излишние запасы были реквизированы.

На четвертый день после взятия города, когда отряд, посланный для реквизиций, находился в деревне Лузи на разстоянии 12 километров от города, по шоссе, ведущему в с. Михель, ему пришлось вступить в борьбу с передовыми отрядами белогвардейцев. Своим коварным нападением белым удалось убить троих красногвардейцев.

Белые надвигались уже из Сюсмя большими силами для захвата Хейнола. Наш немногочисленный реквизиционный отряд не мог бы задержать их движения и поэтому он счел более выгодным отступить.

Вскоре мы получили помощь из города. Белые успели пройти лишь небольшое расстояние от Лузи и Хейнола, как наши встретили уже их, расположившиеся цепью вдоль шоссейной дороги. После сражения, продолжавшагося несколько часов, наш отряд должен был перед подавляющей силой неприятеля отступить до самого города. В результате сражения в наших рядах оказалось лишь несколько раненых.

Теперь необходимо было готовиться к обороне в самом городе, так как при таком большом отступлении мы потеряли все находящиеся вне города оборонительные позиции. Мы просили прислать из Лахти вспомогательные силы и боевые припасы, которые и прибыли на следующий день. Людей прислали нам все-же только одну роту, ибо считали силы белых слишком незначительными. Таким образом оборонительные силы города составили четыре роты.

Мы готовились со страшной поспешностью всесторонне к борьбе. В тот день не слышно было ничего. Вечером мы отправились в напряженном состоянии на отдых.

Лишь на заре положение выяснилось. Со стороны врага начался сильный ружейный и пулеметный огонь. И — что всего удивительнее — он был начат одновременно со всех сторон. Было ясно, что мы осаждены. Мы попытались снестись по телефону с Лахтис, и до перерыва проводов это нам удалось настолько, что мы могли сообщить какому-то сонному дежурному штаба, что город Хейнола осажден. Мы послали еще вестовых, чтобы они попытались проникнуть через фронт белых в деревню Хяркеля, расположенную в 13 километрах от Хейнола по направлению к Лахти; там находилась одна из наших рот.

Наши сражались против втрое превосходящих сил врага, как требовало святое дело революционных бойцов. Да особенной опасности и не было бы, так как город представлял хорошую оборонительную позицию, но запас боевых припасов к полудню очень сильно сократился. Поэтому пришлось отдать на цепь приказание, что патроны следует беречь и стрелять лишь на расстоянии вернаго попадания. Это приказание привело к тому, что стрельба стала реже и белогвардейцы получили возможность придвинуться так близко к нашей цепи, что могли кричать нашим, что на том-то и том-то фланге наши отряды отступили. По счастью, на этот случай в цепи были организованы постоянные вестовые, и наши гвардейцы держались поэтому твердо на своих позициях.

Главные силы белых были сосредоточены в деревне Юранго, около дороги ведущей в Лахти, и самые сильные атаки велись отсюда. Они были уверены в своей победе и поэтому старались всеми селами закрыть путь отступления в Лахти. Это выбранное ими направление было невыгодно для наступления, так как незамерзший водопад Юранго являлся им помехой. Наступать можно было лишь через мосты. Тут у наших была очень удобная оборонительная позиция. Но все-таки отчаяние начало овладевать нашими отрядами, так как ниоткуда не [illegible] дило помощи.

В сумерках в нашу цепь около города пробрался откуда-то провокатор, который предложил нашим пробиться сквозь цепь белогвардейцев и бежать, [illegible] нив, что белые будто бы уже в городе. Этому провокатору удалось вполне достигнуть своей цели. Наши пробились сквозь фронт белых и бежали. [illegible] около 75 человек.

[illegible] стоятельство и расстроило их ряды.

Прежде чем белые успели очнуться, из города раздались крики [illegible]. [illegible] вой проник в город через фронт белых и сообщил, что пришедшие из Лахти вспомогательные отряды окружили отряд белых, находящийся около деревни Юрянко. Но все же с наступлением темноты нашим не удалось получить [illegible] результатов из этого обходного движения. Причиной плохого результата было также и то, что находящиеся в городе войска не знали раньше об этом обходе и не догадались поэтому напасть с флангов. Вследствие этой ошибки белые могли более или менее удобно стянуть свою окруженную цепь на дорогу, ведущую в [illegible] хель, откуда они и пришли.

Всю ночь продолжалась погоня за белогвардейцами. Утром мы принялись подсчитывать результаты. В наших рядах было раненых 13 человек и убитых около 40.

Мы принялись также рассматривать оставшиеся в окрестностях города трупы белых. Этих трупов осталось здесь некоторое количество, хотя белые и вывозили их целый день десятками возов за фронт. В одном месте, напр., нашло в [illegible] двадцати трупов. Они остались на нашей стороне, на льду озера Руотсалайнен. В деревне Юрянго был найден, между прочим, труп руководившего атакой начальника шведской бригады Глимштета, смерть которого шведские белогвардейские газеты так горько оплакивали, об'ясняя, что они потеряли человека, от которого очень многого ожидали для отечества и который уже много дал. Под защитой шведского флага труп был потом унесен в богатом гробе. У Глимштета были найдены проекты, составленные для фронта в Хейнола.

* * *

Белогвардейцы были принуждены стянуть свои отряды до самого села [illegible]. Красные были опять господами положения в местности.

При отступлении из деревни Лузи белые не успели впопыхах увезти с собою хлебного запаса общины Хейнола. Это обстоятельство и побудило их немедленно попытаться захватить обратно Лузи. Но это им на этот раз не удалось. Наши собрали в виде военной добычи около 200—300 возов хлеба, который был вскоре послан в нуждающиеся местности.

Получив вспомогательные силы из Ювяскюля, белые начали снова наступление на Лузи. Наших находилось там в то время две роты. Пространство между селом Хейнола и Лузи около 6 километров было открытым. Из-за недостаточной разведки наши были во время наступления белых не подготовлены.

Белые воспользовались этим открытым местом и сделали опять обход так же, как и прежде, в городе. Так как оборонительные позиции в Лузи были плохие — деревня находилась на высоком холме, — то нашим пришлось опять перед превосходящими силами врага отступить. Теперь все же они не окружали нас вполне

не оставили шоссе открытым, расположив свои цепи по сторонам дороги. Лишь, когда наши отряды отступили на дорогу, они нас окружили. Все же они не могли удержаться. Их цепь прорвалась. Неожиданно они все-таки смогли собрать на место прорыва вспомогательные отряды, и наш более слабый арьергард с санитарами остался таким образом в руках белых.

В этой схватке пало наших 8 человек. В руках белых оставалось около 30 человек, которые все, даже санитары и раненые, были поставлены в ряд и расстреляны пулеметами. Лишь одна девушка-санитарка, которая состояла должностным лицом в местной рабочей организации, была оставлена в живых, для вымогательства от нея сведений.

При отступлении нами была сделана опять та ошибка, что мы стянули свои силы до самого города, взяв с собою еще и находившиеся в селе Хейнола отряды. Теперь нам пришлось стянуть в город также и те отряды, которые находились в деревнях Риху и Тейпале, для соединения нашего фронта с районом Красной гвардии Коувола. Этим отрядам угрожала та же опасность, как и отрядам деревни Лузи и поэтому они были стянуты в город. Кроме того теперь следовало собрать все силы для обороны города и для возможного наступления.

Мы снова ожидали с большим напряжением атаки белогвардейцев против города. Теперь при подготовке обороны у нас имелся опыт да и вообще имелась возможность готовиться, так что оборона против превосходящих сил врага не казалась теперь столь невозможною, как в первый раз.

Белогвардейцы, казалось, не торопились особенно наступать на город, хотя у них уже тогда было как раз то количество войска, а именно около 3.500 человек, с каким они позже предприняли наступление. Это промедление было вызвано, очевидно, тем, что они ожидали наступления с нашей стороны, чтобы потом, во время сражения, получить лучше возможность проникнуть каким-либо обходным движением в город. На третий день после захвата деревни Лузи они стояли еще спокойно в селе Хейнола. Арьергард белых стоял попрежнему в деревне Лузи, причем на горе у них торчала торжественно деревянная пушка.

Наступил четвертый день после сражения в Лузи, и все казалось попрежнему спокойным. Мартовское солнце светило ясно и выманивало красногвардейцев из своих квартир на улицы наслаждаться первой весенней улыбкой природы. Каждый, казалось, наслаждался своею жизнью. Разговоры казались оживленнее обычного.

Вот проходят по улице двое статных юношей-красногвардейцев, которые, повидимому, возмужали в школе жизни. Один из них говорит: „Эх, если бы победа была уже достигнута, чтобы можно было вместе с весною природы начать наслаждаться весною рабочей жизни, весною, которая кажется уже такою близкою, особенно тогда, когда держишь твердо в руках винтовку“...

Среди этого наслаждения жизнью в весенней природе мы пробудились к жестокой действительности. Белогвардейцы приближались. В 11 часов утра раздался призыв к бою. Этот призыв не был неожиданным и поэтому все пошли с охотой. Когда дежурный сообщил об этом находившимся на улицах красногвардейцам, то все бросились наперебой к своим квартирам, откуда через несколько минут отправились в полном вооружении ротами в цепь.

Наша дежурная рота открыла уже полный ружейный огонь. Пули белогвардейских пулеметов и винтовок летали уже по улицам, обрывая телефонные и телеграфные провода и разбивая иногда окна. Разрывные пули трескались повсюду. Вскоре начал и наш пулемет работать и усилился ружейный огонь. Улицы опустели вскоре, после того, как открылся огонь. Кое-где во дворе можно было увидеть какого-либо трусливого горожанина, который торопился в подвал, захватив с собой постельное белье или посуду.

Перед естественными батареями, находящимися в крайних частях города, были построены на каждой стороне стрелковые линии, длиною в 100—150 метров, и поэтому наступление даже большими превосходящими силами было не

возможно. Так как, благодаря этой причине, наступление белых не удалось, то они попытались нас окружить. Этому нужно было помешать. С нашей стороны был открыт сильный артиллерийский огонь из находившихся в деревне Франгс батарей по направлению к верхнему течению реки Кюммене, или по левому флангу белых, которым они пытались нас окружить. По тому же флангу был открыт артиллерийский огонь из других батарей, находящихся приблизительно в 6 километрах по направлению к Лахтис. Таким образом обходное движение белых было сделано невозможным.

У нас было 9 орудий, у белых лишь два. Одна из их пушек пришла вскоре в негодность, и они не могли привести ее в действие. Вскоре замолкла и другая их пушка. Повидимому, в нее попал наш снаряд.

Потерпев неудачу в артиллерийский борьбе, они начали в сумерках снова обходное движение. Но так как мы получили вспомогательные силы и имели возможность сделать прежде их обход, то их планы расстроились. Тогда они предприняли в начале ночи из центра бешенную атаку, но также с плохим результатом. Им пришлось снова отступить с потерями.

Мы думали, что они с наступлением темноты стянутся в село на ночевку, но не тут-то было. Они все наступали с усиливающимся пылом. Некоторые ползали в снегу перед батареями. Но это ползание было их последним делом.

Всю ночь продолжался сильный пулеметный и ружейный огонь. С нашей стороны необходимо было держать возможно более сильный огонь, так как белые, пользуясь тьмою, наступали в течение всей ночи. Ночью одно время наша победа казалась даже безнадежною, ибо силы наступающих казались слишком большими.

На заре белые предприняли последнюю атаку, но были отброшены назад. После того они начали увозить свой обоз и отступать, лишь арьергард продолжал редкий ружейный огонь. Тогда с нашей стороны была предпринята контр-атака, и последние белогвардейцы бежали. Началась погоня. Но наши не могли все же долго преследовать врага, ибо после сражения, продолжавшагося подряд 23 часа, наших охватила усталость и чувствовался сильный голод. Настроение было все же бодрое. Шли разговоры о приключениях в цепи.

Наши расстреляли во время сражения 84.000 ружейных патронов и 750 орудийных снарядов. Такая расточительность была отчасти напрасною, ибо часто стреляли в неприятеля, не видя его.

Сражение было для нас вообще благоприятное. Убитых у нас было всего 4 и раненых около десяти. Белые оставили за собою около тридцати павших и все они находились перед батареями. Таким образом те трупы, которых они не могли никак вывезти, остались на поле сражения.

* *

Белогвардейцы отступили теперь в деревню Лузи, где остановились на оборонительныя позиции. Они, повидимому, отказались теперь от намерения завоевать Хайнола, так как послали прибывшие из Ювяскюля вспомогательные силы обратно вместе с Маннергеймом, который руководил вторым наступлением на Хейнола.

Фронт образовался теперь между селом Хейнола и Лузи. Там происходило беспрерывно в течение более двух недель сражение с переменным успехом. Наши захватили снова из деревни Лузи переднюю часть Ууси Лузи. Но ее пришлось все же оставить опять белым без борьбы и отступить на оборонительные позиции в село Хейнола, так как наибольшая часть наших отрядов была назначена для отправки в Лахтис и оттуда в Ловиза.

Белые также все время уменьшали свои части, так что к концу на обоих сторонах было лишь приблизительно по четыре роты.

Между тем трата зарядов увеличивалась, хотя количество людей уменьшилось; с обоих сторон стреляли сильно, не видя неприятеля. Слушая в городе, можно было получить такое впечатление, что там происходит жестокое сражение.

белогвардейцы начали посылать все чаще и чаще партизанские отряды, которые производили зверские убийства. Убивали коварным и зверским образом даже безоружных людей. О всех этих случаях мы не успели достать проверенных сведений. Но поскольку во время происходивших сражений можно было убедиться, белогвардейцы являлись на этом фронте самыми жестокими зверями, более жестокими, пожалуй, чем где бы то ни было. Это доказывается следующими случаями. Во время первого сражения у Хайнола белогвардейцы расстреляли в деревне Юранго двоих стариков, ночных сторожей, из которых одному было более шестидесяти лет, а другому более восьмидесяти. Белогвардейцы приставили их к стене и пустили в них несколько десятков пуль. Позже найдены на льду озера Коннавези три трупа красногвардейцев. Эти люди были убиты самым зверским образом. Одному была прибита ко лбу четырехдюймовыми гвоздями членская книжка рабочего общества. У другого была пробита голова, причем мозги вытекли из головы и лежали возле трупа на снегу. Третьему белые звери выкололи штыком глаза. Пишущий эти строки видел сам эти трупы.

Эти партизанские отряды появлялись также иногда и свиньями в волчьей шкуре. В последнее времена они принимались на почтительном расстоянии провоцировать красноречивым образом, и вызывали этим до некоторой степени на нашей стороне разногласия. Принудительно мобилизованные повторяли и дополняли их речи.

При таком положении дел не могло быть и речи о наступлении и приходилось довольствоваться лишь защитой прежних позиций.

Вот пришло уже известие о потере Лахтис и о переводе фронта из Ассикала. Таким образом части, находящиеся в Хейнола, необходимо было, чтобы они не оказались окруженными, стянуть в Усикюля, Куусала или в Вуоленкоски.

Этого перевода отрядов не было произведено немедленно. Напрасно мешкали. Обдумывая отступление, мы узнали, что белые захватили уже деревню Хяркяля и что находившиеся там наши части отступили в Вуоленкоски. Теперь мы были окружены. Свободным оставался лишь водяной путь к Вуоленкоски.

Отступление можно было бы произвести водяным путем, но тогда находившиеся в деревне Хяркяля белые могли бы соединиться со своими отрядами в деревне Тайпале, и наша высадка в Вуоленкоски встретила бы затруднения, если бы не стала прямо-таки невозможною. Поэтому мы отправили в Вуоленкоски на пароходах лишь больных, бегущих из города жителей и продовольствие. Отряды, обоз и артиллерия отправились сквозь цепь белогвардейцев через деревню Хяркяля.

Отправившиеся водным путем достигли места назначения, не встретившись с белыми. Но отправившимся через деревню Хяркяля отрядам пришлось вступить с неприятелем в жестокую борьбу.

Мы сошлись с белыми в темноте так близко, что не было возможности стрелять из винтовок. Били прикладами и стреляли из револьверов. Белые уже раз было завладели нашей артиллерией. Но наши осталить все же победителями. Белые отступили. На обоих сторонах были павшие, в общем около шестидесяти человек.

Соединившись с частями, находившимися в Коувола, мы образовали фронт в Коскениска, где сдерживали наступление белых. Через несколько дней мы оставили Коскенниска и перешли к церкви в Иити, где опять образовали фронт.

Теперь мы получили приказ о переводе отрядов спешно на восток. В то же время было получено известие о потере Усикюля. Вскоре мы получили приказание перейти в Коувола, куда мы отправились через заводы общества Кюммене.

По прибытии в Коувола отряды, пришедшие из Хейнола, были отправлены тем же путем обратно к церкви в Иити задерживать наступление белых.

Мы все же отдохнули немного на заводах в Кюммене. Рабочие расходились там как раз после празднования первого мая. Среди них нельзя было встретить

ни одного здорового мужчины. Были лишь старые изнуренные пролетарии, женщины, дети и молодые работницы. Все способные носить оружие мужчины находились на фронте.

Вскоре после того, как наши отряды дошли до церкви в Иити, было получено сообщение, что белые завладели заводами Кюммене. Мы продолжали в Иити огонь в течение суток, после чего нас вызвали в Коувола.

Немедленно по прибытии в Коувола оставшиеся там отряды собрались с фронта на поезд, на который мы отправились в Котка.

В Котка произошла сдача красногвардейцами оружия белым.

Там сложили в кучу свои винтовки — свою единственную защиту — и отряды с фронта в Хейноле.

А. Т- - -н.

О действиях Финляндской Красной гвардии в районе среднего фронта в 1917—1918 г.

Мировая война бушевала уже четвертый год, ухудшая до крайности условия жизни наемных рабочих. Кроме того, находящаяся у власти буржуазия издавала в условиях военного времени исключительные законы, посредством которых у рабочих отнималась свобода собраний и слова. Таким образом на рабочий класс был прямо надет намордник. Он не мог теперь даже посредством своих организаций требовать улучшения своего положения. Таким образом даже самые индифферентные рабочие увидели, что произойдет тогда, когда рабочий класс окажется в полной зависимости от воли буржуазного правительства и работодателей, и откуда можно ждать помощи.

Когда потом Русская февральская революция 1917 года устранила и у нас наиболее угнетающие законы и вернула нам свободу собраний и слова, то нельзя удивляться той лихорадочной деятельности, которая после этого пробудилась в рабочих массах. Долгая бездеятельность, как бы пробуждение от дурного сна, вступление в организации новых масс, —все это вместе с усиливающейся продовольственной нуждою привело к тому, что организационная деятельность стала гораздо более обостренною и резкою, чем прежде.

Во время этих лет угнетения отношения между буржуазией и рабочим классом стали резко противоположными. Это доказывалось, между прочим, тем, что когда у нас в Валкеала устраивались по инициативе рабочих и кого угодно общие гражданские собрания, то на них произносились самые резкие речи. Когда, напр., представители буржуазии на собраниях делали компромиссные предложения, то говорилось прямо: «нас теперь не обманешь, как во время всеобщей забастовки в 1905 году». С другой стороны, когда нижеподписавшийся состоял представителем организованных рабочих во многих комиссиях, которые основывались для сохранения обще-коммунального равновесия под всевозможными названиями, и когда нам на собраниях обществ давались наказы для этого, то эти наказы и сообразно с ними и наша деятельность являлись такими, что представители буржуазии получали повод говорить, что «с вами больше никто не может сойтись». Несмотря на все это, хотя наша деятельность была уже так резка, как она может лишь быть в парламентарном обществе, мы, доверенные лица, должны были слышать самые резкие обвинения и угрозы по поводу того, что мы будто бы ведем соглашательскую политику с буржуями.

Когда положение обострилось до такой степени, что мы основали «Гвардию порядка» для защиты требований и прежних завоеваний рабочего класса и в противовес буржуазным белым гвардиям, то нам не нужно было совершенно агитировать за вступление в гвардию. Достаточно было лишь об'явить, что там-то и там-то будет сделано измерение роста и произведена регистрация, как уже роты образовывались как бы сами собой. И уж доставалось же тому товарищу, который осмеливался сказать, что вооруженная борьба противоречит тактике социал-демократии. В достаточно сильных выражениях ему об'ясняли, кто меньшевик и кто большевик.

Я рассказал вышеизложенное потому, что у нас и теперь еще находятся «социалисты», которые утверждают, что революция была вызвана искусственно и что ее можно было бы еще избежать. Напротив, у нас дело обстояло так, что массы говорили: «теперь мы пойдем, идите вы, руководители, с нами, если хотите».

У нас война началась таким образом, что белогвардейцы принялись по ночам взрывать железнодорожные мосты и вообще разрушать железную дорогу, а потом во время войны разстреливать санитаров, когда они убирали раненых. Вообще временами происходили сражения, временами было спокойно. Белогвардейцы имели привычку на нашем фронте жаловаться, когда они терпели поражение, как, напр., 20-го марта в Хиллозенсалми, что мы порядочные подлецы, так как стреляем в мирных людей.

Уже во время действий я вынес впечатление—и теперь, позже, после бесед с товарищами, работавшими на других фронтах, я в этом вполне убежден,— что деятельность у нас была лучше организована и сконцентрирована, чем на других фронтах, и поэтому, чтобы собранный опыт можно было в будущем употребить на общую пользу, я расскажу здесь, как у нас было организовано дело и каким путем мы пришли к этой организации.

У нас имелись два устава: один—для «Гвардии порядка» и другой—для «Красной гвардии», на основании которых наша Красная гвардия и была основана. То обстоятельство, что имелись два устава, так же как и гвардий было две, я считаю одной из причин того, что наша Красная гвардия была в начале внутренне разрознена. Ведь под задачей «Гвардии порядка» подразумевалась поддержка наших требований в парламентарной борьбе и считалось также, что она основана в противовес буржуазным белым гвардиям. Ни в каком случае не об'яснялось так, чтобы мы посредством нея принялись бы осуществлять общественную революцию в Финляндии.

Лишь теперь, после всего случившагося, когда события со всеми последствиями остались позади, яснее видно, как было дело и как оно должно было бы быть. Чувствовалось так, что деятельность «Красной гвардии» была с самого начала более правильною, более отвечающею настроениям масс и более обобщающею, чем деятельность «Гвардии порядка». Но жаль, что руководители нашей партии, слишком склонные к соглашениям и к парламентарной деятельности, не давали массам вполне ясных раз'яснений о положении,—в этом и была причина того, что наша «Гвардия порядка» распалась надвое. Об этом расколе давались публично слишком недостаточные и, на мой взгляд, вводящие в заблуждение сведения. В провинции знали лишь о том, что в Гельсингфорсе группа недовольных руководителями Гвардии порядка откололась от нее и основала свою т.-н. «Красную гвардию». На основании публичных сообщений эти красногвардейцы казались скорее устроителями раскола, преследующими свои собственные интересы, чем защитниками нашего общаго дела. На мой взгляд, это было причиной того, что наши работавшие в провинции товарищи страдали в большой степени неуверенностью.

Когда потом в конце 1917 года о деятельности Красной гвардии были получены через ея собственных агитаторов более подробные сведения и она начала получать поддержку и в провинции, а к тому же политическое положение между общественными классами в нашей стране обострилось до крайности, то быстрые мероприятия для организации Красной гвардии стали необходимыми. Две гвардии были тогда об'единены и было издано постановление о реорганизации отделений Красной гвардии по всей стране на основании новаго устава.

Этого нового устава мы все же не получили. И мы придерживались постановления штаба бригады, которое оказалось позже практически верным, а именно: мы стали на собственную позицию, пока не будет организовано общее руководство гвардией.

По уставу Кюминлакс (область долины реки Кюми) образовал отряды в составе одной бригады, которая делилась на два полка, а именно: полк города Котки и полк фабрик общества Кюммене. В состав первого полка входили отряды городов Котки и Фридрихсгамна с окрестностями, граничащими на севере с Ингеройзи, на западе с Пюттис и на востоке с Виропоки. В состав же второго входил район фабрик общества Кюмено и отряды Коувола с окрестностями, граничащими на севере с Мянтюхарью, на юге с Ингеройзи, на западе с Коувола и на востоке с Таавети. Полк города Котка находился в Котка и полк фабрик общества Кюммене в Коувола. Штабы этих полков выбрали потом из своей среды штаб бригады Кюминлакса, местопребыванием которого был город Котка.

Когда потом,—не помню точно числа,—так в конце января или в начале февраля, была об'явлена мобилизация отрядов и начались собственно военные действия, то город Коувола оказался центром действий. Там поместился образованный в Котка т.-н. штаб фронта, который действовал наряду со штабом полка фабрик общества Кюммене.

В самом начале у нас все же было замечено, что с таким руководством дела не идут на лад. Ибо отряды города Котка действовали внутренне особо, и так же особо действовал штаб полка заводов Кюммене, между прочим, приобретая через своих каптенармусов боевые припасы, через свою продовольственную комиссию—продовольствие, через свой санитарный отдел—медицинские материалы.

Поэтому для концентрации деятельности был, по предложению штаба полка заводов Кюммене, принят следующий порядок организации дела:

1) Военный отдел делился на четыре части: а) правление составляло планы наступления и обороны и вместе с главным начальником руководило военными действиями и передвижениями отрядов; б) каптенармус заботился о доставке военных припасов и об отправке их на фронт; все заказы должны были делаться через военный отдел; в) чертежник заботился о составлении планов местностей, так, напр., когда мы посылали отряды в наступление, то командиру давался план, в котором в крупном масштабе представлялась местность с окрестностями и т. д; г) заведующий рапортами принимал присылаемые с различных фронтов рапорты и составлял из них общий отчет, а также составлял и доставлял на место назначения все письма и распоряжения военного отдела.

Вместе с этим следует упомянуть, что мы принуждены были организовать особых курьеров, которые развозили наши рапорты на восток и на запад и привозили, возвращаясь, нам рапорты с других фронтов. От нас отправлялся регулярно два раза в сутки курьер, напр., в Саволакс, и привозил оттуда рапорт. Также отправлялся курьер на запад и привозил рапорты из Лахти, Рихимяки и Таммерфорса, а также на восток и привозил рапорты из Вильманстранда и Выборга. Заведующий рапортами соединял потом в одно рапорты, пришедшие с запада и Саволакса, и отправлял их на восток, с востока и из Саволакса пришедшие он отправлял на запад, с запада же и с востока пришедшие — в Саволакс.

Эта деятельность, собственно, должна была относиться к главному штабу, да в начале, пожалуй, и было что-то в этом роде. Главный штаб сообщил нам, что между Гельсингфорсом и Петроградом будет ездить регулярно два раза в сутки курьер, который будет заезжать и к нам. Но лишь несколько раз эти курьеры заезжали к нам и когда они более не появлялись, то мы были принуждены, как уже упомянуто, организовать своих курьеров. Эти курьеры действовали у нас все время, до тех пор пока это было возможно, регулярно, как маятники.

В состав курьеров входило 15 человек и начальник, и действовали они группами по пяти человек. Курьеры имели особые мандаты, образцы которых отправлялись в каждый штаб. Конверты, в которых рапорты посылались, курьер должен был доставлять с распиской обратно, для доказательства того, что их содержание было доставлено на место назначения.

2) Хозяйственный отдел делился на пять частей: а) продовольственный отдел заведывал доставкой необходимого провианта и его распределением; право производства реквизиций давало правление хозяйственного отдела; б) одежный отдел заведывал доставкой и распределением всей необходимой одежды; право на производство реквизиций давало также правление хозяйственнаго отдела; в) квартирный отдел заботился о расквартировании отрядов в тылу фронта, необходимые помещения реквизировало правление хозяйственного отдела; г) отдел почты управлял всем открытым почтовым делом, необходимым в действиях гвардии, и выдавал гражданам и гвардейцам разрешения на проезд и передвижения; д) отдел канцелярии заведывал всей бухгалтерией гвардии и производством уплаты жалованья; жалованье выплачивалось на местах расквартирования отрядов.

3) Санитарный отдел заботился всесторонне о подаче медицинской помощи гвардии и о больных, а также ведал делами, касающимися павших.

Вся эта деятельность происходила в Коувола в непосредственном общении с фронтовым штабом бригады Кюминлакса, причем этот аппарат требовал всего около 130 человек мужчин, женщин и подростков.

Кроме этого, на самом фронте находились следующие свои учреждения: фронтовый штаб бригады Кюминлакса в Коувола назначал главного начальника на этой части фронта, помощника начальника, организатора, писаря, начальников продовольственного, одежного и санитарного дела. Эти вместе с действовавшими на фронте начальниками баталионов образовывали т.-н. «Фронтовой штаб» для каждой части фронта. Главный начальник потом совместно со штабом приводил в исполнение данные фронтовым штабом бригады Кюминлакса распоряжения. Они управляли таким образом самостоятельно всеми делами на фронте.

Подлежащий начальник выписывал необходимые товары из Коувола. Напр., главный начальник выписывал военные припасы из военного отдела, начальник продовольственного дела и начальник одежного дела выписывали продовольствие и одежду из хозяйственного отдела и т. д. Организатор заботился о проведении порядок отрядов на фронте и об их расквартировании.

Вдобавок на главной части нашего фронта, а именно—на саволакском фронте, находился особый «разведочный отряд», составленный из лиц, находящихся на фронте баталионов. В него можно было входить добровольно. Эта разведочная рота, состоявшая в среднем из 70 человек, исполняла по указаниям находящегося на фронте главного начальника все необходимые на фронте разведочные дела.

На отдых у нас отпускалось по два человека из взвода по очереди и отпуск продолжался двое суток, считая и время, употребленное на проезд.

У нас в Каувола и на фронте действовали еще так-называемые «следственные комиссии». В такую комиссию в Коувола входило пять членов. Она рассматривала и выносила приговоры по всем касающимся политических преступлений делам, возбужденным в тылу фронта против гвардейцев и частных лиц. На фронте в состав «следственных комиссий» входило 3—5 членов в зависимости от величины районов фронта. Они рассматривали и выносили приговоры по всем делам, касающимся политических преступлений в районе фронта.

Члены и эти комиссии назначались фронтовым штабом бригады Кюминлакса, который также следил за их деятельностью.

Позже, когда постановлением главного штаба действующие красногвардейцы были разделены на три армии, это вызвало у нас лишь то изменение, что название фронтового штаба бригады Кюминлакса было изменено в штаб среднего фронта Финляндской Красной Гвардии и в то же время нам был назначен главный начальник среднего фронта Финляндской Красной гвардии, который вошел седьмым членом и председателем в состав нашего фронта.

Наконец, несколько слов о том, как у нас произошла окончательная катастрофа.

Это было в первой половине апреля, когда Совет Народных Уполномоченных и Главный штаб своим уходом из Гельсингфорса вызвали нервное настроение и в наших отрядах. Хотя этот переезд в военном отношении и был необходим, но все-таки, на мой взгляд, следовало дать массам публичное объяснение, также и на фронте. Было бы без сомнения лучше, если бы мы все знали положение. Когда наши гвардейцы спрашивали у нас, членов штаба, зачем они переехали из Гельсингфорса, то мы знали об этом деле не больше, чем они. Это производило на нас очень тяжелое впечатление. После этого уверенность в наших войсках пропала и пропадала все больше и больше по мере того, как приходили плохие вести с восточнаго фронта. События на северном и западном фронте в то время уже устарели. Они не производили больше никакого впечатления.

Во второй половине апреля прибыл к нам из штаба верховнаго начальника из Выборга в одну ночь—числа точно не помню—курьер, требуя вспомогательных сил в Выборг, так как в то время железнодорожный путь между Петроградом и Выборгом был захвачен в двух местах белогвардейцами, и так как намерение было восстановить снова это важное железнодорожное сообщение.

В то время наше военное положение было еще в прежнем состоянии, но сохранить дело в этом состоянии требовало безусловно всех имевшихся в нашем распоряжении сил. Лишь отступив на саволакском фронте на 8 километров по всему фронту, мы получили возможность отправить в Выборг подкрепление. Это отступление можно было исполнить так быстро потому, что мы заранее составили план этого отступления на тот случай, если состояние войны продолжалось бы все лето. Эти позиции было бы летом гораздо легче защищать при гораздо меньшем количестве людей, и несмотря на это, они могли бы обеспечить стратегические пункты нашего фронта столь же хорошо, как и прежде. На следующий день мы отправили на восток еще 700 человек, освободившихся из Саволакса и только что мобилизованных отрядов. Но они не пошли дальше Симола, так так начальник отряда сообщил оттуда по телефону, что в Симола нет никого из наших и что из Вильманстранда наши также ушли. Вследствие этого мы задержали эти 700 человек в Симола, для защиты путей сообщения с Выборгом. На следующий день, под давлением бешенных атак белогвардейцев, наш отряд отступил к Вироиоки и к Пулзе. Таким образом сообщение между нами и Выборгом было прервано. От западной части страны мы были уже оторваны раньше из-за сдачи Лахти.

На западной стороне Лахти направлялось к нам большее количество наших отрядов, мы же находились на восточной стороне, почти у самых стен города, и это нас беспокоило. Наш восточный фронт превратился в арену ожесточенных сражений, а именно: мы пытались всеми силами восстановить сообщение с Выборгом, или по крайней мере продержаться в Пулзе до тех пор, пока так называемые бьернеборгские отряды не прорвутся из-за Лахти к нам и потом мы направимся вместе на восток. Но события развивались все-таки слишком быстро.

Я никогда не забуду этих последних дней, ибо они были так мучительны. Мы не могли, конечно, и не хотели скрывать от войск серьезности положения. Напротив, в пятницу, 25-го апреля, у нас происходило общее собрание штаба и начальников фронта, на котором положение было со стороны штаба разъяснено самым основательным образом. Собрание пришло к тому заключению, что всем отрядам необходимо немедленно направиться скорее на восток и, к сожалению, оставить наших западных товарищей, которых мы и так слишком долго ждали.

Итак, мы приняли немедленно меры к организации отхода, который решили окончательно исполнить в ночь на понедельник. Сообразно этому решению, мы стянули свои войска с Веллахте в Коувола уже в ночь на субботу. Потом в субботу мы приняли пришедшие из-за Лахти через Ориматтила бьернеборгские отряды; всего около 700 человек. У нас уже все было готово к отходу, как в воскресенье из Выборга прибыл курьер, который пробрался к нам верхом через

Сяккиярви, и сообщал, что Выборг в тот день или во всяком случае завтра принужден сдаться, и что железная дорога от Выборга до самого Б... в руках белогвардейцев. Кроме этого, мы узнали, что большая часть наших отрядов (в Кюминлаксе) не идет с нами. Эти события привели к тому, что штаб не желал при таком изменении положения привести в использование прежде принятое решение. Вместо этого он созвал начальников фронта и часть начальников батальонов на собрание, которое произошло 28-го апреля. На собрании было разъяснено военное положение, которое являлось следующим: западный фронт состоял из отрядов красной гвардии Ахвенкоски, Элимяки, Перхениеми, Каусола и Иити: северный фронт состовляли отряды Ялы, Селянпя, Туохиконтти и наискосок от него — на восток от Луумяки расположенные отряды. От Луумяки до берега моря еще не образовалось настоящаго фронта. Теперь мы знали из известий, полученных от отрядов, пришедших из-за Лахти, что с той стороны нельзя вскоре ожидать прибытия отрядов, да и у нас не было сил пробиться туда, чтобы открыть путь. На востоке положение образовалось столь же неопределенное, ибо наверное можно было предположить, что Выборг находится в руках белогвардейцев; как выяснилось потом, он в предыдущий день сдался. Таким образом придется пробиваться от Пулзе до Петрограда, если отправимся в путь. К этому прибавлялось еще, что можно предположить с уверенностью, что с нами отправится из теперешней армии приблизительно в 9. 000 человек половина; остальная же часть останется спокойно дома. Кроме этого, войска страшно изнурены после безпрерывных долгих сражений и настроение их очень угнетенное. Среди войск говорят лишь об отпуске, и гвардейцы часто уходят небольшими отрядами без разрешения начальства.

На основании вышеизложенного краткого сообщения и принимая во внимание, что боевых припасов и продовольствия у нас хватало лишь на месяц, докладчик предложил, что отход на восток следует отложить на некоторое время и образовать фронт вокруг Кюминлакса. Этот фронт и был уже готов, его следовало лишь закрыть с востока. Мы принимаем немедленно меры к организации отрядов таким образом, чтобы те отряды, которые пойдут с нами, если мы пойдем на восток, были бы хоть приблизительно известны, и чтобы остальных можно было отпустить домой. Чтобы выиграть время, мы можем вести какие-нибудь переговоры с белогвардейцами, но отступить мы должны в порядке. К тому же отдых в несколько дней не помешает войскам. В это время мы можем также более подробно разъяснить отрядам положение. Все же было решено: во 1) что мы двинемся после завтра утром, кто бы ни пошел с нами; во 2) что немедленно напечатаем воззвание, в котором войскам будет объяснено положение и предложение исполнять безпрекословно приказания начальства: для этого была избрана трехчленная комиссия; в 3) была выбрана трех-членная комиссия для составления плана наступления.

Уже в тот же вечер воззвания были в печати и план готов. Были назначены начальники наступающим отрядам и разосланы соотвествующие предписания начальствам отдельных частей фронта.

Но уже в тот же день было видно, что из этого проекта не выйдет ничего. Ибо войска уходили целыми ротами со своих позиций и не исполняли предписаний, за исключением лишь небольшой части отрядов. Таким образом события развивались очень быстро.

В четверг около полудня штаб выехал из Коувола. В то время там не было ни наших, ни белогвардейцев. Там находился лишь бронированный поезд, на котором большая часть штаба приехала в Котка. В субботу утром белые завладели городом Котка и каждый старался теперь, как мог, выпутаться из положения. Вообще в конце недели не было особенно сражений, разве лишь в некоторых местах.

В эти последние дни старались некоторые, стоявшие в стороне от военных действий, социал-демократы вступить в переговоры с буржуазией. Ими да-

же были выпущены какие-то воззвания к массам. Между прочим, массы были окончательно спровоцированы этими воззваниями, которые были совершенно противоположны воззваниям штаба. В них обещался мир, если оружие будет сдано добровольно. Не удивительно поэтому, если наши, много испытавшие, отряды скорее послушались этих воззваний. Ведь под ними были имена, которые раньше пользовались доверием. Эти воззвания распространялись в пятницу, 2-го мая. Таким образом при вступлении в город Котка белым не пришлось сделать ни одного выстрела. Войска сдали добровольно свое оружие, и город сдался. Это случилось 3-го мая 1918 года.

Можно надеяться, что и это краткое и разрозненное изложение научит нас в будущем избегать ошибок, которые отчасти были причиной нынешних страданий столь многих товарищей-рабочих. Пусть они закалят нас теперь на заре всемирной пролетарской революции и призовут нас к более сильной и энергичной деятельности для быстрой помощи находящимся в Финляндии нашим товарищам.

Артур Валдэн.

Буй. 25-го октября 1918 года.

Последние сражения красных отрядов на северном и западном фронтах.

Воспоминания.

Происходившая в Финляндии революционная борьба пролетариата может дать по многим причинам повод для широких исследований. Нижеподписавшийся, принимавший активное участие в последних событиях нашей борьбы в Сатакунта и во все время эвакуации в окрестностях Бьернеборга до самого Лахти, часто думал и вспоминал во время тюремнаго заключения именно об этих последних плачевных событиях нашей революционной борьбы. Постараюсь здесь, поскольку это в моей власти, внести немного света в эти события.

Положение на фронте в Сатакунта.

В начале революции положение рабочих и Красной гвардии было здесь ненадежно. Владельцы крупных поместий в Сатакунта и вообще сильные крестьянские элементы вооружались уже с лета с ног до головы. В Бьернеборге в т. н. доме Гелленса содержался постоянный белогвардейский отряд в 100 человек. Этот отряд получал постоянное жалованье. Такие же «постоянные правительственные войска» находились и в других более крупных фабричных местностях побережья Сатакунта. Неудивительно поэтому, что в в начале революции, когда у рабочих гвардий не было еще совсем оружия, положение казалось слабым. Несмотря на это наша гвардия выступило открыто и решительно. Белогвардейцы не считали поэтому удобным располагаться вблизи железных дорог и фабричных местностей, но направились на север, установив свои главные квартиры в Канкаания, Лавиа и в лежащих на север от этих мест приходах. Наш фронт и передвинулся немедленно, как только мы получили оружие, именно в эти местности и продержался, не считая по временам происходивших изменений, в главных чертах в таком виде до конца. Что белогвардейцы считали Бьенеборг и Мянтюлуото очень важными позициями, в этом нет никакого сомнения. Вблизи этих мест и происходили ожесточенные сражения, так же, как и вблизи железнодорожной линии Бьернеборг—Таммерфорс. Красная армия держалась так отважно, что, чем дальше продолжались сражения, тем тверже наше положение становилось на этом фронте,

Немного ранее осады Таммерфорса главный начальник фронта в Сатакунта Салминен попал в Таммерфорс и остался там на все время осады. После этого наш фронт оставался с неделю без настоящего руководства, и положение заметно изменилось. Белые предпринимали, сжимая в то же время день за днем все больше и больше свою цепь вокруг Таммерфорса, сильные атаки в окрестностях Хямеенкюро, Икалисэ и Лавиа. Наши отряды были принуждены отступить, удерживая все же твердо за собою позиции отступления. Это парализ ре-

дактор газеты „Социал-демократ“ принял на себя, с согласия окружного штаба и гвардии, главное командование на фронте. С этих пор положение на фронте опять начало изменяться к лучшему. Многие захваченные пункты были взяты опять обратно и настроение отрядов становилось заметно бодрее.

Положение на Таммерфорсском фронте обострялось все же с каждым днем, становилось все более и более серьезным. Между 21 и 26 числами марта белогвардейцы окружили совершенно цепью Таммерфорс, так что 26-го и ст. Сиуро оказалась в руках белых, пробыв два-три дня „беспартийным местом“, когда в этой местности, несмотря на то, что оно являлось столь важным пунктом, не было ни красных, ни белых. Это обусловливалось трусостью местной Красной гвардии.

Приказ об эвакуации.

Вообще расположенным в Сатакунта войскам давалось — пусть будет это сказано здесь прямо — очень мало сведений об общем положении в стране. После того, как Таммерфорс оказался осажденным, сведения прекратились почти совершенно, так как телефонные провода были перерваны и сообщение вообще затруднено. Носились слухи о приходе немцев в Финляндию, но в то же время приходили известия, что это не немцы, а переодетые в немецкую форму белогвардейцы. Никаких достоверных и официальных известий не давалось на этом фронте даже начальству Красной гвардии. Понятно поэтому, что приказ об эвакуации и отступлении вызвал большое замешательство как в войсках, так и среди начальства, когда этот приказ принялись осуществлять. Положение на фронте было хорошее, и у войск не было никаких сведений о том, как и с каким успехом сражались товарищи в других местах Финляндии. Когда таким образом начали осуществлять отступление, то среди войск возникло вскоре подозрение, что „руководители изменяют“... Поневоле, неохотно, со слезами на глазах было начато отступление, с постоянным подозрением в душе, что за отступлением скрывается какая-нибудь „сделка“. Отступление на войне является вообще одной из самых трудных задач, но из-за такого настроения войск оно становилось и того труднее.

Когда соответствующая подготовка к отступлению была сделана, то Уксила дал, выслушав до этого в Бьернеборге мнения членов штаба и более видных начальников, приказ об отступлении. Собрание постановило, насколько я помню, 13-ю голосами против 9, что приказа об отступлении необходимо слушаться. Прочие 9 членов собрания считали удачу отступления невозможною и думали, что окажут лучшую услугу отрядам Тойяла и прочих мест южной Финляндии, зарывшись в Бьернеборг и стянув к себе значительные силы белых. Приказ главного начальника Уксила все же не зависел от той позиции, на которую встанет или не встанет собрание, как он и сообщил на собрании. Отступление было начато в Бьернеборге 11-го числа, так что 13-го город был совершенно оставлен красными. До этого уже отряды Або и Раумо оставили свои места. Теперь после случившагося причиною печального конца отступления стараются выставить то обстоятельство, что Бьернеборгские войска не исполнили достаточно быстро приказ об отступлении. Но это дело имеет и другую сторону. В приказе об отступлении требовалось уничтожение всего такого имущества, от которого белые могли получить пользу. В то же время было приказано, чтобы с собой были взяты все необходимые технические и проч. приспособления, а также хлебные запасы. Из них накопилась все же такая масса товаров, что отступление оказалось в полной зависимости от движения обоза. Технические и прочие подобные материалы были отставлены все же в пути позади, но зато хлеба и прочего продовольствия накоплялось тем больше. (Тогда и нижеподписавшийся заметил, что если бы все то безграничное множество хлеба, которое было найдено в Сатакунта, было известно продовольственным комиссиям, то положение в Финляндии было бы в значительной сте-

пени другое, чем то, к которому мы привыкли. В одном лишь Гуйттизи было найдено хлеба на много миллионов). Обоз должен был двигаться по шоссе во время распутицы. В этом была одна из причин, задерживавших движение. Кроме того враг следовал все время за нашими отрядами по пятам. Приходилось задерживать его действия и защищать отступающие отряды. Приходилось считаться и с чисто военно-техническими, имеющими местный характер, обстоятельствами. Не удивительно поэтому, что при таком стечении обстоятельств, и так как о положении, о действительном положении наших войск в других частях страны, мы имели в пути лишь недостаточные и в большей части недостоверные и неправильные сведения, — что отступление произошло поэтому слишком поздно. Когда отряды провинции Сатакунта прибыли через Кокемяки и Гуйттизи в Пункалайтуи и в Урьяла, то мы получили возможность вступить в более близкую связь с находившимся в Тойяла штабом северного фронта. Но тогда дела уже были в плохом состоянии. Для доказательства того, как плохо приходили известия, упомянем здесь, что наш штаб, лишь прибыв в Пункалайтуи 15-го апреля, узнал, что Гельсингфорс взят окончательно уже 13-го числа, т. е. в тот же день, когда наши отряды выступили из Бьернеборга.

Недостаток хлебных припасов у отрядов Красной гвардии вообще принудил нас везти все множество хлеба, взятого нами в Сатакунта, на юг, а это отняло много времени. Части бьернеборгских отрядов были посланы, правда, на помощь нашим отрядам в южной Финляндии уже из Лауттакюля под руководством редактора Ф. Коскимена. Так же поступали и во все время пути по мере того, как широкий фронт сокращался.

Прорыв фронта в Тюрвиси вызвал замешательство, хотя отступление вообще происходило твердо и успешно. Мост, ведущий через реку Кокемяки, являлся единственным проходом, по которому могли переходить крупные отряды и можно было перевозить технические принадлежности на юг. По этому пути и отступали наши отряды, но под таким сильным огнем белых, что мост нельзя было уничтожить. Благодаря этому белые получили возможность идти за нами и преследовать нас во все время отступления. Упомянутая река Кокемяки была во все время пути твердой защитой нашего отступления, после того как мы от железной дороги свернули вглубь страны.

Когда бьернеборгские отряды прибыли 19-го апреля в Урьяла и оттуда переправились на поездах в Тавастгус, то этим закончилось самостоятельное отступление войск Бьернеборга и Сатакунта.

Отряды еще в порядке.

До Урьяла и Тавастгуса войска Сатакунта находились еще в полной боевой способности. Эта поддержка боевой способности и имелась в виду во все время отступления, и отчасти по этой причине наше отступление не произошло так быстро, как отступление отрядов Або и Раумо. Но зато у войск, выступивших из этих мест, и не было по прибытии на восточные пункты более боевой способности, в то время как бьернеборгские отряды составляли еще в Тавастгусе целые роты, в которых насчитывалось около 4.000 человек. Как я уже заметил, отступление является, на мой взгляд, одним из самых трудных военных маневров. У нас во всяком случае оказалось это. Трудно было удержать целость отрядов во время такого неопределенного отступления, особенно, когда отряды не были хорошо организованы и кроме того не привыкли к дисциплине и порядку. Это было замечено уже в Тавастгусе. Все отступление превратилось здесь в какое-то хаотическое состояние. Лишь некоторые лучшие гельсингфорсские отряды, как, напр., А—рота, милиция, каменщики, члены гимнастического общества Юрю, и лучшие бьернеборгские провинциальные роты держались вместе и сохранили *вполне* свою боевую способность.

Немцы начинают появляться.

Высадившиеся в Финляндии немцы завладели станцией Карис 8-го апреля. Туда были отправлены против них абоские отряды, насколько я помню, абоские милиционеры. Силы немцев были все же так велики, что нашим пришлось отступить и оставить местность в руках немцев. Отсюда немцы продолжали движение на Гельсингфорс, завладев Чурколотом и Лохья 11—13 апреля. На укреплениях около Гельсингфорса не было оказано особенного сопротивления.

Завладев Гельсингфорсом, немцы направились на север вдоль железной дороги. Наши местные отряды оказывали, правда, по всему пути посильное сопротивление, но это не помешало немцам овладеть важной станцией Рихимяки, насколько я помню, в ночь на 21 апреля.

Это падение Рихимяки носило прямо катастрофический характер. Большие отряды наших красных войск были отправлены туда с севера, а именно из Тавастгуса и Тойала. Но руководящий в то время делами в Рихимяки не был способен создать организованной обороны. Деятельность была разрозненная, да и вряд ли даже пытались на самом деле оборонять этот важный узловой пункт, через который северные отряды должны были отступать на восток и который таким образом должен был быт в наших руках во что бы то ни стало. Нашими отрядами овладела уже тогда „немцебоязнь", которая особенно у более плохих элементов отнимала совершенно охоту бороться.

От Рихимяки отряды бежали в полном беспорядке по направлению к северу и востоку вдоль железных дорог. Скопившиеся на станциях огромные количества хлеба и прочих товаров достались в руки белогвардейцев и немцев. Немцы и белогвардейские банды преследовали с неимоверной быстротой отступающих красных. Рюттюля была оставлена совсем без обороны. Лишь в Леппякоски была образована оборонительная линия, но и эта позиция не была достаточно сильно укреплена, как ни важно было теперь, после того как станция Рихимяки была взята, удержать для отрядов, идущих с севера из Лемпяла, Тавастгус, так как оттуда шла единственная шоссейная дорога в Лахти, куда отряды имели намерение стянутся. Из штаба северного фронта посылались отряды целыми поездами через Тавастгус в Леппякоски и Туренки. Но так как эти поезда были совершенно не разобраны (в них имелись обозы с хлебом, пушки, боевые припасы, пишущие машины, лошади, телеги и вообще всевозможный товар вперемежку), то опять не вышло ничего особенного. Двор станции в Тавастгусе был переполнен такими вагонами, гвардейцам пришлось идти пешком, так как поездов не хватало и так как вообще все уже в Тавастгусе было в беспорядке. Беспорядок усиливали еще собравшиеся туда в огромном количестве беженцы, которых пришло особенно много из Або и Раумо, хотя из последняго места, которое находилось в темной связи с бьернеборгским штабом, было ясно запрещено брать с собою женщин и детей.

Захват Тавастгуса.

Уже немедленно после взятия Рихимяки военные действия передвигались день за днем все ближе и ближе к Тавастгусу; Леппякоски и Туренки были сданы 24-го и 25-го. Едва-едва успели перевести отряды с Лемпяловскаго фронта в Тавастгус, как уже белые появились перед городом с южной стороны. Для того, чтобы задержать движение северных белогвардейских отрядов, была образована цепь в Парола. Эта цепь должна была охранять эвакуацию Тавастгуса от наступающих белогвардейских отрядов, освободившихся с Лемпяловского фронта, и потом отступить быстро, в то время когда Туренки удерживалось в наших руках, к Тавастгусу, а оттуда на дорогу, ведущую в Лахти, которую охраняли находящиеся в Сюрвентака, отряды из белых, наступающих со стороны Хаухе.

Но так как мы не были в силах удержать Туренки достаточно долго в своих руках, то этот расположенный в Парола отряд оказался отрезанным, ибо я собравшимся в Таваступсе отрядам пришлось спешно и в самом большом беспорядке отступить на дорогу, ведущую в Лахти. Наши последние отряды выступили из Таваступса 26-го и тогда им пришлось уже сражаться против белогвардейцев, которые старались пулеметным огнем задержать их отступление. При этом были убиты и многие беженцы, так как белые не щадили и беженских масс. Причиной столь быстрой сдачи Туренки и Таваступса, если не принимать во внимание тогдашнего плохого состояния войск, было то, что в Янаккала не было послано достаточно сильного передового отряда. К этому пути, на который со стороны таваступсского штаба не было обращено достаточно большого внимания, приближались с юга немцы, которые пробрались в тыл наших отрядов, находящихся в Туренки, и застали их врасплох.

Расположение в наших отрядов.

Во время падения Таваступса наши отряды были расположены приблизительно следующим образом: около тысячи человек находились в Парола и были совершенно отрезаны от прочих отрядов; на восток от Рихимяки отступившие отряды находились вблизи Лахти, а более мелкие отряды—на станциях Лаппила, Ярвеля и Хоррала; один батальон стоял в Сюрьянтака и остальные, не считая более мелких отрядов, на дороге между Лахти и Таваступсом.

В Коски мы принялись потом разстанавливать отряды на отдельные важные узловые пункты шоссейных дорог для защиты упомянутой важной дороги. По этой дороге отправлялись отряды как на юг, так и на север. В это время уже в окрестности Лахти, в Океройзи и в Ялкаранта, собрались небольшие группы беженцев, разбитые роты и отдельные красногвардейцы, так что тогда уже, пожалуй, всего красногвардейцев было в окрестностях Лахти около трех тысяч. Здесь образовалась даже в своем роде цепь, так как в Лахти находились белые, которые захватили этот город совсем шутя из рук наших гвардейцев — не помню точно числа — во время взятия Рихимяки.

Красногвардейские отряды собираются в Океройзи

С каждым днем собирались в Окоройзи и в ближайшие деревни провинции Холлолы все более крупные красногвардейские отряды, беженцы, женщины и дети со всевозможным скарбом. Все находилось в хаотическом беспорядке. Гвардейцы и штабы были в разброде.

Начальником над нашими отрядами оказался неожиданно здесь, на „Лахтинском фронте" В. Эleranта, в то время как в деревне Везала находился в некотором роде штаб. Недоставало систематических действий и определенного плана. Собравшиеся здесь начальники Красной гвардии и некоторые известные партийные товарищи устроили потом 27-го или 28-го общее совещание, на котором обсуждалось положение и вопрос о том, что следует предпринять, чтобы выбраться из безнадежного положения? Все собрание держалось того мнения, что необходимо общими силами и до конца стараться прорваться сквозь фронт. Следует заметить, что путь отступления наших отрядов на восток открывали в Лахти передвинутые туда из Ловизы отряды немецких егерей и с севера по восточному берегу озера Пяйянно из Хейнола и Вяксю пришедшие белогвардейские отряды. На юге в наших руках находилась собственно лишь часть железной дороги, а именно—линия Ярвеля—Окерейзи. На востоке армия белых пробралась уже из Хаухе в деревню Сюрьянтаус. С севера особенного давления на наши войска не оказывалось.

При таком стечении обстоятельств собрание выбрало начальником Красной армии тов. Ганноса Уксила. В виде плана наступления был предложен набросанный товарищем В. Элеранта и потом дополненный проект прорыва сквозь фронт. По этому проекту главные силы следовало направить от полустанка Океройзи на дорогу, ведущую в Ренкомяки и деревню Симолы, в то время как самый маленький, но надежный отряд для защиты наступления главных сил прорвет находящиеся на дороге, ведущей от станции Херрала в Пеннала, менее значительные белогвардейские силы. В то же время стоящий на левом фланге отряд с высот, находящихся на дороге, ведущей из деревни Ялкаранта и Холлола в Лахти, предпримет наступлен на самый город. Действия этого последняго отряда считались собственно лишь вспомогательным наступлением. Если бы наступление было осуществлено по этому плану, то железная дорога Ловиза—Лахти была бы, по моему мнению, перерезана, и этим было бы задержано получение помощи с юга, после чего, наступая с юга, запада и востока, было бы занято Лахти. Совещание все же считало нужным изменить план таким образом, что главные силы направляются против Лахти прямо с запада от деревни Ялкаранта и на казарм Хеннала. Этот проект и был потом одобрен, после чего принялись его осуществлять.

Но он все же не удался, как видно из последствий. У белогвардейцев были собраны на левом фланге, на находящихся перед городом холмах, главныя силы, и когда наши главные отряды выступили против них, то удалось лишь на время завладеть первыми окопами и позициями белых (пожалуй, вернее—позициями немцев). Особенно отличались в этой смертной атаке гельсингфоргская А-рота, петроградцы, „старые солдаты", рота гимнастического общества Юрю, милиция и каменьщики, причем состав всех этих отрядов сократился в общем до нескольких десятков человек.

Центр же не мог, будучи слишком слаб, пробиться достаточно далеко по направлению к Ренкомяки, но вышедшие из Херрала два бьернеборгских батальона одни пробились сквозь фронт, причем это обошлось отряду в 60 человек павших и раненых.

После того, как наше наступление на левом фланге и в центре не удалось, белые начали переводить свои силы в центр, откуда предприняли свою окончательную атаку, вызвав в наших рядах полное замешательство и неохоту сражаться. Больше ничто уже не могло удержаться, никто не хотел продолжать борьбу. Посланные в цепь красноармейцы возвращались бегом назад большими группами. Это произошло вечером 30-го апреля. Между тем в Ялкаранта одиночные красноармейцы продолжали еще поддерживать пулеметный и ружейный огонь всю ночь на первое мая и даже еще в следующее утро, но так как центр не был защищен, то и эти до последнего сражавшиеся отряды принуждены были сдаться.

Какова была потом эта сдача? Сотни, даже тысячи сдавшихся в плен и безоружных красногвардейцев были расстреляны. Особенно отличались в этой работе палача германские солдаты. Позже рассказывалось, что сдавшихся безоружных красногвардейцев было расстреляно в окрестностях казарм Хеннала, Лахти и Океройзи около 3—4 тысяч.

Вся надежда пробиться на восток, чтобы соединиться с находящимися там отрядами, была таким образом потеряна.

Еще 1-го и 2-го мая сражались наши отряды в Коски, Сайраккала и в деревне Вихатту против во много раз превосходящих сил неприятеля. Части из оставленных в Парола отрядов удалось пробиться через Хаухо и Тулос к арьергарду отступавших. Весть о сдаче наших войск у Лахти не произвела на эти отряды удручающего впечатления, но сражались они, как уже упомянуто, еще два-три дня позже. Впрочем, они напрасно проливали свою кровь, ибо под городом Лахти была уже решена участь западного фронта финляндской Красной гвардии.

Раар.

Последние сражения весною 1918 года.

(Перевод первой главы из финской брошюры „Буржуазный террор в Финляндии").

После того, как стало ясным, что против финляндского революционного пролетариата весною 1918 года выступили также обученныя банды палачей германского империализма, не могло уже тогда быть целью продолжения революционной борьбы нанесение решительного поражения финско-шведско-немецким белогвардейским массам. Количество последних, их военно-технический порядок и военное руководство давали им настолько значительное преимущество сравнительно с нашей Красной гвардией, что состязание было бы безнадежно. Наша Красная гвардия и получила приказ, сражаясь, отступать по данным директивам на восток.

Но это отступление все же не удалось. Данный приказ об отступлении не исполнялся с той точностью, которая являлась необходимою. На тех фронтах, где положение казалось твердым, в приказ даже не верили и не приводили его во-время в исполнение. Там же, где положение считалось ненадежным, приказ исполнялся. Но сопротивление или промедление других мешало в необычайной степени исполнению приказа и в этих местах. Лишь слишком поздно было понято на всех частях фронта действительное положение дел. Таким образом вместо организованного военного отступления, которое могло бы — как расчитывали — спасти десятки тысяч революционных борцов, образовались беспорядочное бегство и безнадежные последние сражения. Даже вызывающее восторг геройство, которое проявлялось во многих из этих сражений, не могло уже более спасти нашей гвардии от страшной гибели.

Немцы высадились в Ганге, взяли Экенес и продвинулись сразу до станции Карис. Находящиеся около Гельсингфорса батареи местечка Альберга оказались вскоре в руках немцев, и Гельсингфорс подвергся бомбардировке как со стороны суши, так и со стороны моря. На улицах города происходили кровавые бои.

Белогвардейский порядок начал теперь проявляться в южной Финляндии в резком виде. Свои, финляндские, белогвардейцы проявили особенную жестокость. Во время боев на улицах Гельсингфорса они принуждали женщин и детей идти перед собою с поднятыми вверх руками. Когда руки уставали, то они могли опускать их на голову. Таким образом палачи мучили несчастных целых пять часов. В начале было женщин и детей в рядах около 150 человек, но после окончания уличных схваток их оставалось в живых лишь 50. Больше всего женщин и детей пало на так-называемом мосту в Гельсингфорсе, отделяющем центр города от рабочих кварталов. Белогвардейцы требовали, чтобы находящиеся по ту сторону моста в оборонительной позиции красногвардейцы сдались в течение получаса. Красные ответили отказом. Началось сражение. Белые принудили женщин и детей идти впереди. Хватающие за сердце стоны несчастных матерей и детей покрывали треск пулеметов и ружейные залпы. Но никто не мог их вырвать из рук жестоких палачей. Грудами остались их трупы на мосту взывать о смерти и мести буржуазии.

С такою же жестокостью действовали белогвардейцы при взятии так-называемых Абоских казарм в Гельсингфорсе. В эти казармы собралась большая масса женщин и детей, бежавших из окрестностей города. Окружив казармы, белогвардейцы не выпускали оттуда беглецов, которые все погибли от пуль, задохнулись в дыму или сгорели. Долго еще после этого страшного избиения из казарм несся тяжелый трупный запах.

Во время сражений в Гельсингфорсе больше всего пострадал прекрасный дом рабочего общества. 12-го апреля, когда немцы пришли в Гельсингфорс, они пустили снаряд в покрытую медью башню рабочего дома. Так как защитники не сдались, то еще и на следующий день бомбардировали дом. В результате дом сгорел изнутри. В рабочих кварталах Германии и Каллио сгорело несколько домов.

В табачной фабрике Боргстрема засело около 175 работниц, которые сражались отважно против сухопутных белогвардейских и морских немецких сил. Рассказывают, что почти все эти отважные женщины пали. Во время защиты рабочих кварталов Серняса (рабочая часть города в Гельсингфорсе) также отличались главным образом девушки обществ молодежи.

Газета „Свенска Дагблат" рассказывает, что при взятии Гельсингфорса было поймано 40 „красных женщин". Рассказывают, что у них было оружие и поэтому они „были уведены на лед и без всяких рассуждений расстреляны".

При взятии Шведского театра в Гельсингфорсе, являвшагося также позицией красных, белые заставили взятых в плен красногвардейцев идти впереди. При этом пало несколько десятков пленных.

Как бесновались белогвардейцы при взятии города, об этом можно получить некоторое представление из опубликованного одной буржуазной газетой списка. На улицах Гельсингфорса, в лесах и больницах было собрано в течение о д н о г о дня около 300 трупов указанных по имени лиц, среди которых было много женщин и детей. Кроме того, было много неизвестных трупов. Но все эти тяжелые жертвы и то геройство, которое было оказано революционными рабочими Гельсингфорса при защите города, не могли уже помочь им самим и не могли также в значительной степени облегчить отступление других частей на восток.

Теперь, наконец, во второй половине апреля, отступление было осуществлено. Красногвардейские части западной и юго-западной Финляндии отступали на восток, с ними шли беженцы. Этих последних собралось довольно много между Тавастгусом и Лахтис. Отступающим красногвардейским отрядам было поэтому трудно пробиться через них. Дороги и даже леса были полны мужчин, женщин, детей и товаров, особенно продовольствия, которого пришло из самого Бьернеборга и Раумо сотни возов. А белогвардейцы преследовали по пятам.

Когда было начато отступление в Тавастгусе, то среди отрядов, из-за недостаточности разведки, господствовало то мнение, что путь через Лахтис еще свободен. Но он оказался не свободным. Окруженные врагом отряды охватил страх. Слышались крики и проклятие. Но ничего не поделать: необходимо было оставаться на месте. И белогвардейцы делали свое кровавое дело. Особенно страшное избиение произошло 26-го апреля вблизи Тавастгуса, в деревне Идяння. По дороге, переполненной беглецами, белогвардейцы открыли артиллерийский огонь, обстреливая дорогу шрапнелью. Строения рушились. На дороге, переполненной беглецами, шрапнель производила страшные опустошения. Началось невообразимое смятение. Напрасно пытались отряды Красной гвардии пробиться вперед. Дорога была закрыта впереди идущими, а павшие люди и лошади образовали на дороге и в канавах большие груды. — Ведь старались попасть в Сибирь! — насмехается кровожадный корреспондент белогвардейской газеты.

Господствовало до крайней степени возбужденное настроение. Искали в и н о в н ы х, как вообще водится во время несчастий. Иным казалось, что они уже и нашли виновных. Они проклинали верховное командование, обвиняли его в том, что оно не дало во время приказа об отступлении. Но напрасно. Ибо другие в тех же отрядах знали, что приказ об отступлении б ы л д а н у ж е п о ч т и с а м е с я ц д о э т о г о, но что его не исполнили.

Борьба отчаяния продолжалась. Наши наступающие отряды пробрались совсем близко к Лахтис. Наш левый фланг был собран из надежных отрядов и сражался хорошо. Но на правом фланге, который окружал весь город Лахтис от Океройзи по направлению к Пеннала, находились такие отряды, которые не хотели держаться в цепи. Если бы все отряды были решительны и храбры, то мы пробились бы через Лахтис, как утверждает один очевидец. Район сражения стал вскоре, когда правый фланг отступил к Лахтис, очень тесным.

Против Лахтис красные предприняли все же более десяти атак. Но они были отбиты назад с большими потерями. Впрочем, тут пало много также немецких и финских белогвардейцев. Несмотря на это город Лахтис был потерян и путь на восток через него отрезан.

Очевидец, доставивший эти сведения, находился на фронте в Лахтис подряд трое суток. 29-го апреля ему удалось с одним отрядом пробиться сквозь фронт белых. Оставшаяся там Красная гвардия сдалась 2-го мая.

В бою пало много наших лучших отрядов. Избиение пленных после победы белогвардейцев было ужасное. Немедленно убивали каждого, кого лишь находили в лесу, будь он красногвардеец или мирный беженец. Оставшиеся в живых были уведены в лагерь для пленных и, несмотря на произведенное белогвардейцами безжалостное избиение, их было собрано все же в Рихимяки целых 10.000.

Против Выборга враг начал действия в ночь на 24-е апреля, направив против наших позиций сильный артиллерийский огонь, после чего утром была три раза предпринята пехотная атака между Ролавой и Консасранта. В то же время находившиеся внутри города белогвардейцы попытались устроить восстание. Они захватили ночью восточные батареи в крепости и арестовали защитников казарм. Но Красная гвардия дралась хорошо. Внешние наступления были отражены на батареях Ристимяки, а восточные батареи были днем взяты обратно. Наши потери были сравнительно невелики, около 20—30 человек, в то время как белогвардейцев пало много и на восточных батареях их было взято много в плен. В тот день белогвардейцы больше не пытались наступать. Но вечером около 7—8 часов их артиллерия начала снова действовать и продолжала обстрел самым усиленным образом до 11 часов ночи. За этими подготовлениями следовала атака около 5—6 час. утра 25-го с того же самого места, как и в предыдущий раз. Но и она была отражена.

Теперь следовала атака за атакой целый день при усиленном ружейном огне с обоих сторон. Ночью гремели опять пушки, а утром мы должны были отражать снова атаку.

Настроение среди гвардейцев было бодрое, как рассказывают очевидцы. Все исполняли свои обязанности хорошо и аккуратно. Даже отправленные из Ура, собравшиеся с разных фронтов беженцы, лишь отдохнув одну ночь, были готовы бороться до конца. Но утром 27-го неприятель, получивший большие подкрепления, начал бешенный артиллерийский огонь, как с запада, так и с востока. К вечеру наше правое крыло, находившееся на стороне Келккала, начало подаваться перед превосходящими силами врага. Нашим пришлось отступить на батареи в Коликкойнмаки, где было начато опять упорное сопротивление.

Но борьба была уже безнадежна. На следующую ночь был прорван наш фронт в Папула. Послышались крики, что враг проник в город. Началась паника, и, пользуясь ею, враг завладел городом, участь которого была уже и прежде решена.

Невозможно описать словами того, что теперь произошло. При страшном зареве пожаров враг делал свое кровавое дело. Он расстреливал, избивал защитников города и участников революционного движения и даже не участвовавших в нем.

Сотнями убивали пленных на улицах, во дворах, в парках, в сараях. У пленных отнимали часы, сапоги и деньги. Попавшие в плен должны были провести целые сутки без крова, не говоря уже о пище, которую многие получили лишь на пятый день после сдачи.

Через укрепление в Уура небольшой части беженцев удалось пробраться морем в Россию. Начальник укрепления в полном согласии с командованием считал в тогдашних условиях задачей находящихся в Уура держать путь отступления свободным. Он сообщил в Выборг, чтобы оттуда посылали людей и товары в Уура, поскольку обстоятельства этого требуют, для дальнейшего их отправления. Но, к несчастью, это не было во время исполнено. (Безрезультатными остались также усилия переехавшего в Петроград высшего военного командования послать из Петрограда в Выборг пароходы для перевоза отступающих частей). Пароходы успели сделать лишь один рейс в Кронштадт. В состав этих пароходов входили один океанский транспорт, четыре пассажирских парохода, два буксира и проч. То, что могло в них поместиться, спаслось в Кронштадт, где гвардейцы были вооружены и могли продолжать путь в Петроград. Некоторым удалось спастись сухопутным путем из Выборга. Остальные остались в плен белогвардейцам.

Первая стадия финляндской классовой войны была таким образом окончена. Международный империализм запустил впервые на самом деле свои кровавые когти в спину финляндского рабочего класса. Революционный рабочий класс был и духовно и материально слишком слаб, чтобы бороться против полчищ, тогда, когда русский пролетарит не был в состоянии спасти финляндский рабочий класс, хотя и хотел этого, а германский пролетариат не хотел помочь, хотя бы и мог. В открытой борьбе после трехмесячной зимней войны финляндский пролетариат был на этот раз разбит. Международный империализм торжествовал. Он принялся теперь за кровавую месть.

Впечатление на фронте в Виллула.

2-го февраля наш гельсингфорсский отряд (1. 4. 4.) получил приказ о выступлении. В том дежурном одеянии, в каком нас застал приказ, мы устремились с радостью на поезд, не зная даже, куда нас отправляют. Но главное ведь было —принять скорее участие в борьбе против проклятых палачей рабочего класса. В Таммерфорсе мы получили немного одежды и отправились вместе с гельсингфорсскими А отрядом в Люлю, откуда продолжали путь в деревню Пюнпози. Там нас слегка побили, да и неудивительно: ведь мы не были опытны в этой профессии. Наши враги же уже месяцами готовились, тратя на это миллионы марок финляндских народных денег. Верхние круги нашей партии не считали этого—что было главным—столь важным делом, как прочие свои заботы. Некоторые группы в этих кругах вели все еще торг с буржуазией, хотя уже, особенно после ноябрьской забастовки, было ясно, что бело-гвардейцы готовятся к гражданской войне. Они и теперь укрепили свой „Северный ключ“ обдуманно.

Получив таким образом свое боевое крещение, мы стянулись 7-го февраля в Люлю, где принялись собирать убитых, раненых и заблудившихся. Нам пришлось при этом наблюдать страшные подлости белогвардейцев, которые выказывали свое геройство, расстреливая наших безоружных санитаров, мужчин и женщин, имевших знаки Красного Креста. Кроме того эти палачи пытали и мучили попавших в их руки пленных.

Из Люлю мы перешли вечером 9-го числа в Коркеакоски. Это было вызвано распространившимся среди наших провокационным слухом, будто мы будем окружены. Мои разведчики были, правда, отправлены на разведки и мой отряд вместе с местными красногвардейцами ожидал их прихода. Они сообщили, возвратившись, что никакой опасности нет, но так как „решение всех“ было-идти, то пришлось подчиниться. Я уже и так слышал, что „теперь живем демократически, а не под диктатурой“ и что „одного человека не долго убрать с дороги“. Это было тяжело перенести, так как я знал, что мы делаем несправедливо, оставляя местных красногвардейцев, в числе около тридцати человек, одних защищать позицию. Они и до этого уже оборонялись от наступления белогвардейцев при помощи дробовиков и разрушая железную дорогу.

Начальником фронта в то время был назначен тов. Карьялайнен, у которого был хороший порядок. И отряд его подчинялся ему, как вообще следует солдатам. Мы же направились к Таммерфорсу и оттуда в Гельсингфорс, где в рабочем доме я дополнил свой отряд. Перед построившимися гвардейцами я сказал небольшую речь о важности нашего дела и об'яснил, каких людей это дело требует. Предложил тем, которые боятся или не желают исполнять поручений, перейти на другую сторону. Очень немногие перешли, но большая масса дала торжественное обещание в том, что исполнят свои обязанности, как и исполнили.

Мы отправились снова на фронт 13-го числа, сперва в Коркеакоски, а потом к Лесному институту, где находились отряды из Рихимяки и гельсингфорсский А—отряд; петроградцы остановились в Калаенаутио. Когда наши бодрые разведчики принесли известие, что белогвардейцы начали двигаться через Вяринмая к Мюллюмаа, мы отправились против них. Отряд разведчиков в 15 человек, под

предводительством Лундгрена, шел впереди. Это столкновение закончилось полной победой. Но потом случились первые неприятности. Хотя и был отдан приказ о том, что следует подойти лишь к разведчикам, но наши, несмотря на это, шли, как львы, вперед вслед за белогвардейцами, стараясь отомстить за полученное нами под Вилппула небольшое поражение. Таким образом они оказались в ущелье горы и попали под пулеметный огонь находящихся в засаде белогвардейцев. Здесь я потерял четырех человек, двое из них были из лучших, один — взводный. Я и сам чуть было не получил свою долю, устраивая правый фланг, чтобы враг не мог ударить в тыл. Там также осталось в засаде несколько белогвардейцев, которые открыли огонь, когда я сел на лошадь. Вдобавок ко всему эта лошадь оказалась старой клячей, которая и с места не двигалась. Я соскочил с лошади, добежал до кучи кольев и открыл из-за нее огонь. После этого я послал несколько человек для очистки горы. Там нашли, между прочим, свинятник и получили жаркое. Но и это лакомство не особенно понравилось: настроение было тяжелое из-за потери товарищей. Утешением являлось все же то, что белогвардейцы потеряли 13 человек.

Меня без моего ведома назначили в штаб Люлю, и я должен был отправиться туда 19-го числа. Мой отряд выступил под руководством тов. И. Саринена и Эконранта и Руовези. Оттуда отряд прислал мне письмо, в котором напомнил мне о моем обещании находиться повсюду при своем отряде. Так как случилось, что начальники оставляли свои отряды, что производило особенно плохое впечатление, то мы решили в штабе, что требование отряда необходимо принять во внимание. В то же время его решили призвать на фронт в Вилппула. Немедленно утром 21-го, когда он прибыл туда мы двинулись в Вяринмая. Нас сопровождал абосский конный отряд под руководством В. Лехтимяки. Сражение было отчаянное. Из моих 120 человек осталось на следующее утро лишь 34, а из абосского конного отряда в 80 человек осталось лишь 26. Меньшая часть из выбывших была в числе павших, остальные были ранены и замерзли.

В эту ночь рота гельсингфорсского порта должна была придти к нам на помощь, но они остались в одной избе на собрании и, пробыв там целый день, решили отправиться на отдых. Мы дополнили свои боевые припасы, взяли две японские гаубицы и двинулись в путь, при чем некоторые русские товарищи-артиллеристы кричали вслед уходящим, что мы должны пожертвовать и остатками своего отряда из-за их жалкого поведения, но мы это сделаем, ведь мы же—революционеры.

Шагая верхом на лошади перед своим маленьким отрядом, я был так сильно растроган, что этого нельзя словами описать. Я сам раньше хвастался, что толстокожий северянин никогда не плачет, но теперь навертывались на глаза слезы, когда вспоминал о павших и раненых в предыдущий вечер и о словах товарищей при отправлении в путь. Теперь отправил людей за теплой одеждой. Получат ли они? Это беспокоило. Я однажды ведь сказал своему отряду небольшую речь о значении нашего общего дела и о наших задачах. Я напомнил им о наших общих обязанностях. Мы вместе обсуждали положение. Их пожелания я старался исполнять. Если не мог, то об'яснял причины. Указывал, что теперь необходимо терпеть и ждать. Я заметил. что таким образом в них сохраняется сознание о том, что они являются добровольными солдатами революции, а это лучше всего поддерживает чувство долга,

Лишь только мы успели привести в порядок свои орудия и начали обстреливать Сеппяля, как прискакал курьер из штаба звать нас обратно в Люлю. Но мы все же не торопились, так как не видно было непосредственной опасности, но обстреливали гору и заставили замолчать находившуюся на ней неприятельскую артиллерию. В то же время туда явился и тов. Лехтимяки, который сообщил, что лучше было бы отступить, ибо, оказавшись в опасности, мы не могли бы получить вспомогательных сил. Таким образом нечего было больше делать, как— пушки в сани и приказ об отступлении передовым и фланговым караулам. Приказ

вызвал небольшой ропот, так как отряд лишился возможности драться, хотя прошел для этого такой длинный путь. Мы все же отправились и привезли с собой кроме своих пушек, еще одну, которую те бунтовщики оставили. Когда мы прибыли в Люлю, нас встретило разочарование: мы не получили ожидаемой нами одежды и обуви. Пришлось отправить человека в Гельсингфорс. Мы и сами пошли туда на отдых 28-го числа, после несения сторожевой службы и обучения. Но собственно это не был отдых, так как мы должны были все время обучать свой отряд вместе с вновь прибывшими и собирать себе одежду.

А потом, когда была принесена клятва об исполнении своих обязанностей, причем с десяток человек перешли на сторону трусов, мы отправились 5-го марта снова на север. В Таммерфорсе мы пробыли до 10-го. Там я заметил некоторые недостатки: патрули двигались беззаботно, интригующие белогвардейцы разгуливали свободно по городу и пьяных можно было видеть ночью на улицах. Я получил представление, что милиция неохотно подчиняется нам; в торговом обществе допускалось пьянство и т. д. Даже белогвардейских пленных содержали лучше, чем красногвардейцев. Эти белогвардейские пленные помещались в хороших квартирах, имели постельное белье, их водили в баню и к парикмахеру — добро еще, что не в театры и в концерты. Иностранные консулы приходили смотреть, как хорошо содержат этих буржуазных зверей... Впрочем, так же обстояло дело и в Гельсингфорсе, где руководили наши апостолы нравственности..

По прибытии в Вилпула я получил приказ привести отряды и артиллерию в боевую готовность для наступления. В моем распоряжении были, кроме своего отряда, один гельсингфорсский, один таммерфорсский, один боргоский отряд, 8 пушек и 2 бронированных поезда, из которых лишь один был в порядке. Пулеметов было 12. Деревня Пюнноэи была взята и белогвардейцы отступили к Вилпиула. Бомбардировка этого „Северного ключа" началась 13-го числа. Белогвардейцы отвечали сильным огнем и привели в негодность, хотя все же не в полную негодность, и другой наш поезд. Между прочим, упомянем, что тов. Рахья, который командовал артиллерией, лишь только успел спуститься с дерева, с которого он производил наблюдение, как белогвардейский снаряд переломил дерево на том самом месте, где наблюдение производилось. 17-го вечером положение белогвардейцев стало безнадежным из-за уничтожения их пушек. Пехота находилась в течение двух суток на обеих сторонах в критическом положении. Мы чуть не погибли при самовольном отступлении одного из таммерфорсских отрядов, как раз в то время, когда мы чуть было не захватили уже первые окопы. На левом фланге я поставил таммерфорсские отряды перед абоскими — последние тоже чуть было не последовали примеру — и пришел в центр, где тов. Сарнен уже заставил всех быстро вернуться на свои места. Эту первую линию окопов держали в своих руках 8 человек из разведочного отряда до тех пор, пока наши отряды снова не соединились. Но опять мы потеряли лучших людей из-за отступления других.

Здесь мы одержали таким образом победу. Мы видели, как белогвардейцы при своем отступлении спешно очищали Вилппула. Но в то же время у них была приготовлена стратегическая хитрость. Сторона к Вяринмая была укреплена подавляющими силами, а также Куру и Лянкипохья. Там и произошли прорывы фронта и 18-го числа белогвардейцы были в Оривези. Пришлось отступить. Тяжело было в ту ночь с 17-го на 18-ое отвечать на вопросы отряда, зачем мы отступаем, когда должна была быть победа. Я сообщил без обмана, что за нами сделаны прорывы флангов и путь прерван. Кто-то спросил: „Начальник, разве мы все потеряли?" Я ответил, что в данный момент и в этом месте да, но мы попытаемся в другом месте. Меня спросили: „Будет ли из этого польза нам или другим?" Я ответил, что если не теперь, то во всяком случае когда-нибудь. Мы не должны позорить нашего отряда, наших товарищей. Ибо революция победит; она должна победить раньше или позже! Кто-то добавил: „И теперь мы должны попытаться". На это раздался общий ответ: теперь попытаемся!

Мой отряд был уже в вагонах, когда среди красногвардейцев возник вопрос, кому идти открывать дорогу. Упадок подействовал в том направлении, что сразу не явилось желающих. В таких случаях воображаемый „демократизм“ во вред.

Я отправился к своему отряду и спросил: не пойдем ли мы, на что я получил ответ, что пойдем—ведь нас же настигнут скоро белогвардейцы. В 2 часа вечером 1-го мы прибыли в Орипохья, которая как раз обстреливалась белогвардейцами. Мы обставили свои вагоны кирпичами, балками и поленьями и прошли сквозь огонь. Вечером мы прибыли в Оривези, где достали хорошую военную добычу: оружие, боевые припасы и даже провиант. У нас не было убитых, но из белогвардейцев осталось на поле 43 человека пеших и с десяток конных. Следует упомянуть, что наш бронированный поезд пробил себе утром дорогу в Таммерфорс, но белогвардейцы вернулись обратно.

19-го марта отряды отступили в Оривези, это место имелось намерение защищать. Но отряды невозможно было удержать на месте. Их охватила паника. Одни просились „на отдых“, другие угрожали тем, которые старались их задержать. Таким образом и мой отряд, который охотно бы остался на месте, должен был следовать за другими. Мы привезли с собою и железнодорожный подвижной состав.

Нам не пришлось долго пробыть в Таммерфорсе. Нужно было вернуться в Кангасала. Была назначена оборонительная линия Айтолахти—станция Кангасала—село Кангасала. Из Таммерфорса, где собралась масса отступивших, мы заставили понемногу отряды выступить, но многие из них вернулись по проезжим дорогам обратно. Таким образом село досталось белогвардейцам, которые получили возможность наступать на Мессукюля. Из Айтолахти часть таммерфорсских и абоских отрядов отступила к центру, где они частью разсеялись. Тяжело сказать, но часто начальник уходил первым, а солдаты отправлялись его искать. Самым важным является поэтому, чтобы имелось ответственное руководство!

В центре мы задерживали наступающих со стороны Суйнула белогвардейцев, в то время как их фланговые отряды уже соединились между Мессукюля и Вехмайзи. В 11 часов утра 24-го я попросил по телефону у главного начальника Х. Салмела разрешения на отступление, но он успокаивал, обещал прислать помощь. В то время мой отряд вместе с членами гельсингфорсского общества молодежи сражался против подавляющего силами неприятеля, уменьшаясь с каждым часом. В 2 часа я позвонил опять по телефону, но, черт возьми, белогвардейцы захватили станцию Вехмайзи, и мы оказались в западне. Я слышал, правда, в телефоне голос Салмела, который отдавал приказания. Я знал также, что белогвардейцы подслушивают, куда отправляются отряды, куда боевые припасы, куда что, но не мог предостеречь. Между тем белогвардейцы сообщали обо всем в Суйнула. Я слышал еще, как с таммерфорсской станции спросили, отправился ли бронированный поезд с вспомогательными силами в Кангасала, и как ответили, что люди еще не успели пообедать... Черт возьми... черт возьми,—послышалось в ответ,—пошлите тогда хоть тот поезд...

Теперь приходилось действовать на свой страх. Я отправил разведчика вдоль полотна. Он вернулся без шапки и без лошади, раненый в руку. В то время мы разрушили дорогу и сняли стрелки на станции Кангасала. Отправляю четырех человек на дрезине, но они возвращаются с известием, что белогвардейские банды уже на расстоянии одного километра. Я поставил тогда перед паровозом открытый вагон, поместил в него пять пулеметов и в виде брони дорожные балки, взял с собою 50 человек и инструмент для исправления дороги. Доезжаем до того места, где путь испорчен. Исправляем. Посылаем в тыл и тов. Сарінену сказать ему, чтобы он привел оттуда людей. Они пришли, принеся с собою, сколько могли, снаряжения. Мы соединили теперь паровозы вместе и пулеметчики стали на свои места. Поехали вперед по обеим колеям дороги: мой отряд, члены гельсингфорсского общества молодежи и около двухсот красногвардейцев, потерявших своего начальника. Отвечаем всеми пулеметами на огонь белогвардейцев. Не

неожиданно с опушки леса раздается крик: „не стреляйте—свои". И в самом деле, оттуда явилась лайтиловская рота. Опять вперед. В расстоянии менее полкилометра от Кангасала начинается большое открытое место, доходящее до Вехмайзи. Идем вперед... начинается трескотня... продолжается час... полтора. Раздается крик: „Сдавайтесь! никуда не пройдете". Ответ: „идите и возьмите!" И опять вперед. Кто-то из наших заговорил о сдаче. Я сказал речь и поднялся на паровоз. „Готовься",—скомандовал пулеметчикам. Поехали. Разведчики находились на километр впереди. Пулеметы обстреливали белогвардейцев, пышащих на нас огнем совсем вблизи. В одном из паровозов вода приходила к концу, другой стал негодным. Белогвардейцы предлагали начать переговоры и с нашей стороны были отправлены для этого люди. Но они были встречены жестоким огнем.

Было уже 9 часов и совсем темно. Раздавались вопли раненых. За ними ухаживали. Кто-то жаловался на то, что патроны кончились. Роздали из добычи, которую достали в Оривези. Теперь белогвардейцы испробовали свои пули. Опять вперед. Мой голос охрип. Один из товарищей кричал за меня. Вся большая равнина представляла из себя одно огненное море. Наши пулеметы нагрелись. К ним переменили прислугу. Под'ехали к станции Вехмайзи. Попали туда. Мы остались бы там хозяйничать, но не знали, в чьих руках Мессукюля. Значит, опять нужно идти вперед. Стрельба тихнет и скоро раздается: „Кто там?"—„Красные". —„Какие чертовы красные?". Уже является конный гвардеец для выяснения. — „Свои"...

И теперь в Таммерфорс. Обещанный нам на помощь броневик пришел у станции навстречу. „Чей поезд там?"—послышался сердитый вопрос.—„Поезд Кокко"—„Что?!"—Приходит человек, чтобы удостовериться. „Да ты ли это? А мы уже считали тебя мертвым."

В штабе встречаю начальника, тов. Салмела. Изнурен был человек. Оживился, встретив меня. „И ты еще все-таки среди живых. Спасли отряд и снаряжение?" —„Да, но людей осталось там..." „Да, да, лучшие остались"...

Там остался и он, честный товарищ. Но мы отомстим.

М. Кокко.

Сражение при Усикюля.

Из воспоминаний.

Пришло сообщение, что белогвардейцы уже находятся в Усикюля и наступают по направлению к Лахтис. Я получил тогда 15-го апреля приказ отправиться в Настола. В Лахтис я узнал, что положение серьезно. В Настола началось отступление. Отряд из Малми держался на левой стороне. Гельсингфорсский кавалерийский отряд становился на позиции и помог отрядам из Лахтиса остановиться. Наш отряд расположился рядом с отрядом из Малми.

Сражение было жестокое—действительная борьба на жизнь и на смерть. Для нас было ясно, что путь на восток должен быть открыт во что бы то ни стало. Но уже с западного крыла пришло сообщение, что силы неприятеля подавляющи. Я отправился немедленно верхом туда. Лошадь бесилась. Привязал ее к дереву. Призвал к себе находившагося вблизи гвардейца и послал его сказать начальнику, чтобы наши захватили позиции и держались на них до тех пор, пока не придет помощь. Я доскакал до полустанка, откуда позвонил по телефону в Рихимяки. Просил помощи. Сражение становилось с каждой минутой все жарче. Убитые и раненые. Привозим все новые боевые припасы. — Стреляйте, не жалейте. Лишь бы не стреляли напрасно.

Напряжение растет. Бронированный поезд не двигается с места. Все четыре орудия жарят полным огнем. Положение стало уже критическим, когда получилось известие, что помощь близка. Это прибавило энергии. Слева наступали бешено немцы. Старались пробежать через открытое место в 100 метров. Мы чистили двумя пулеметами и немцы падали грудами. Слышались крики и жалобы.

Уже под'ехал поезд. Скорее вон из поезда и на фронт! Трескотня усилилась. Составили совещание. Бронированный поезд пошел.

Сражение продолжалось с той же яростью до 4-х часов утра, когда белые отступили, оставив 66 убитых. В наших руках остались также полевой телефон, два отнятых от лахтисских отрядов пулемета, 4 пушки, патроны и т д.

Водопроводная башня между Настола и Усикюля была разбита вдребезги. На кучах щебня наши гранаты оставили большие следы. Даже лес был местами свален нашим огнем. Ведь всего с 3 часов 15-го числа до 4 час. утра следующего дня было выпущено более ста тысяч пуль. В наших отрядах было всего 425 человек, из которых пало 15 и ранено 21.

Немцы отступили через Куйванго по направлению к Ловизе, убирая по пути и погребая своих убитых, которых было около 150. Нам передавали, что немцев было всего 800 человек, из них половина вооруженных механическими ружьями самокатчиков. Немцы жаловались на то, что в такой „деревенской драке" пало много лучших офицеров, которые сохранили свою жизнь за все время войны на французском фронте. Дали нам такое признание: „они — черти".

Таким образом мы снова стали 16-го апреля хозяевами в Усикюля.

М. Кокко.

Кровавая месть финляндской буржуазии.

(Из финской брошюры «Буржуазный террор в Финляндии»).

Подавив при помощи германского империализма пролетарскую революцию, финляндская буржуазия принялась жестоко мстить рабочему классу. Примеров этой зверской мести можно бы собрать целыми печатными листами, но мы ограничимся здесь лишь некоторыми примерами.

Зверства финляндской буржуазии начались, собственно, уже до окончательной победы, в то время, когда она захватила среднюю и южную Финляндию. Вскоре после завоевания буржуазными бандами Улеаборга и Николайштадта начался террор. Руководители рабочего движения в северной Финляндии были арестованы, значительная часть из них была расстреляна. Взятых в плен красных убивали, мучили и т. д. Для ареста было достаточно, что арестованный принадлежал к рабочей организации; для расстрела,—что он состоял должностным лицом организации. Повсюду на занятой белыми территории господствовал полный произвол. На заводе в Мянтя белые арестовали 5 должностных лиц рабочих организаций и обещали отвезти их в Николайштадт, но на следующий день их нашли заколотыми за забором кладбища. Среди убитых была одна женщина. В одном лишь Николайштадте, как утверждают находившиеся там матросы, было расстреляно белогвардейцами 250 матросов. Сколько было расстреляно кроме этого финнов,— неизвестно. В Улеаборге и Кеми „полевые" суды буржуазии выносили приговоры, и на основании этих приговоров многие партийные деятели лишились жизни только потому, что они были социал-демократами.

Но самый страшный террор начался после того, как буржуазные банды завладели Таммерфорсом. В „Финляндском Иллюстрированном Журнале" напечатан снимок с груды трупов красногвардейцев в Таммерфорсе. Газета рассказывает, что в двух грудах длиною по 50 метров насчитывалось около 1.200 трупов красногвардейцев. Были ли эти трупы собраны из города, или было расстреляно столько пленных,— об этом газета не говорит ничего. „Особенно растрогало меня,—рассказывает шведский художник Пауль Мирен сотруднику своей газеты,— когда на таммерфорсском кладбище был расстрелян молодой человек со своей женой. Они поднялись спокойно на вал, где они должны были быть расстреляны, обернулись в сторону стреляющих и, почти улыбаясь, ожидали пуль". „В одном месте, — продолжает Мирен, — ротмистру пришлось просмотреть список пленных, при чем выяснилось, что без приговора было расстреляно 41 человек, в том числе одна 17-летняя девушка, которая провинилась в том, что приготовляла красным пищу".

4-го мая прибыл белогвардейский отряд в Кюммене (Кюмшелаксе) и окружил рабочий дом, где находился штаб красной гвардии. Бе-

гвардейцы поставили вокруг дома шесть пулеметов. Все красные были вызваны на двор и построены в ряды, после чего был произведен обыск, и у всех было отобрано оружие. Поздним вечером пленные (по некоторым сведениям, около 1.000 мужчин и 60 женщин) были уведены под сильным конвоем в новый машинный завод в Кархула, где они должны были пробыть до следующего вечера. В воскресенье, 5-го мая, белые начали расстреливать взятых в плен рабочих. На заводе в Кархула было расстреляно 26 рабочих. В следующее воскресенье расстрелы продолжались, и продолжались после этого бесконечно. По собственным сообщениям белогвардейских газет, в Кюммене пало около 500 красных революционеров. Почти все они являлись расстрелянными. По более или менее точно веденным красными записям, красногвардейцев из Кюммене пало на фронте лишь 43, все остальные „павшие" относятся к убитым белогвардейцами.

Следует отметить геройский поступок юноши Стенмана. Он просил сохранить жизнь своего отца и расстрелять его вместо отца. Но палачи не согласились на эту жертву. Тогда сын обнял отца, и зверские палачи расстреляли обоих. Такой же геройской смертью умер некий Хакала со своими дочерьми.

На заводе в Войка было расстреляно 170 человек. Их согнали, как скотину, к обрыву у народной школы и там расстреляли, при чем их мучили зверским образом. Убийства рабочих продолжались и в рабочих квартирах. Убивали старцев и женщин, родню красногвардейцев, их братьев, отцов. Та же участь постигла всех должностных лиц рабочего движения, даже тех, которые не принимали участия в вооруженных действиях.

В городе Котка, после того как им завладели белые, были расстреляны сотнями отступившие туда красногвардейцы. При этом не спрашивалось даже имен. Красные отводились просто группами в сторону и там расстреливались.

Корреспондент газеты „Дагенс Нюгетер" рассказывает, что при движении нюландских драгун из Ямся в Тойяла „все пленные расстреливались".

В Коувола был арестован редактор Райнио, которого увезли в Бьернеборг и там расстреляли. В Бьернеборге был также расстрелян многолетний председатель рабочего общества Лаксонен, при чем белогвардейцы выкололи сперва своей жертве глаза.

В Гельсингфорсе зверства буржуазии проявились в ужасных размерах уже во время сражений на улицах города. Так, напр., во время сражений с красными белогвардейцы принуждали жен и детей рабочих итти перед собой с поднятыми вверх руками. При этом пало много женщин и детей. Массу женщин и детей раз'яренные белогвардейцы сожгли живьем в т.-н. Абоских казармах.

Когда финляндские белогвардейцы получили от немцев в Гельсингфорсе полную власть в свои руки, то начался террор. Расстрелы пленных стали обычным явлением. Белые начали настоящую облаву на революционеров. В каждом доме искали красных, арестовывали и убивали. Среди арестованных была также масса жен рабочих.

Когда белая армия вступила 16-го мая в Гельсингфорс, то пленных красногвардейцев расстреливали больше обыкновенного. На праздник Троицы в Свеаборге были устроены казни, при чем присутствовать при этом были приглашены буржуазные писатели и общественные деятели. Им хотели показать, что осужденных при казни

не мучают, и представители буржуазии остались на этот раз вполне довольны казнями.

14-го апреля, по рассказам очевидцев, было расстреляно пулеметами в части города Теле в Гельсингфорсе 200 красногвардейцев. В другой раз в одно укромное место в Теле привели 6 красногвардейцев. Они находились в ужасном виде. У иных были выколоты глаза, у других вырезаны уши, у некоторых была разбита голова, так что мозги выступили наружу. После этих долгих пыток их по очереди расстреляли. Каждый должен был смотреть на казнь своих товарищей, пока до него не доходила очередь. Белые палачи лишь злорадствовали и продолжали цинично свою гнусную работу.

15-го мая 15 пленных были приведены на пароход для отправки в Свеаборг на казнь. Из них 14 были связаны вместе наручниками попарно. Пятнадцатый, писатель Ирмари Рантамала, одетый в тяжелую зимнюю шубу, стоял отдельно на палубе под стражей. Когда пароход начал подходить к острову Сандгамну, который являлся общим местом казни, то Рантамала бросился через борт в море, рассчитывая утопиться, но шуба помешала ему погрузиться в воду. Тогда белогвардейцы расстреляли его в воде, после чего подняли труп на палубу. Здесь они принялись топтать его ногами, издеваясь над убитым и об'ясняя, что он сделал пером больше зла, чем красногвардейцы винтовкой. В лагере пленных в Хювенге пленные расстреливались сотнями. В окрестностях Лахтис белогвардейцы расстреливали сотнями раненых и женщин, не говоря уже о прочих. То же самое происходило в Хейнола, Коувола, Кивинепе, на Аланде, в Рихимяках и прочих местах.

Когда Выборг был взят белыми, то буржуазия торжествовала и высыпала на улицы. Неожиданно появляется отряд пленных. Под сильным конвоем ведут к крепостным валам около 600 взятых в плен красногвардейцев, среди которых много арестованных русских мирных граждан. Спокойно и решительно проходят пленные по улице, сопутствуемые издевательствами, проклятиями и угрозами буржуазии.

Отряд пленных доходит до крепостного вала. Их ставят в три ряда на краю крутого обрыва крепостного окопа. На другом краю окопа появляется пулемет, который наводится на пленных, и пулеметная лента ставится на место. В рядах проявляется беспокойство. «Тихо, если хотите избежать худшего»,—раздается окрик командующего офицера, и в то же время дается пулеметной команде условленный знак. Тишина охватывает окруженные солдатами ряды пленных, и начинается трескотня пулемета. Первый ряд падает с одного конца до другого, как трава. В павшем ряду видно движение, и слышатся тихие жалобы. «Второй ряд шесть шагов вперед»,—командует офицер, и второй ряд становится на место павших. Слышится команда, и пулемет скашивает опять ряд революционеров. Наконец, подходит очередь третьего ряда, и этот ряд падает также на трупы первых двух рядов.

Пулемет уносится прочь, и на место его приносят лопаты для рытья могилы для расстрелянных. В длинной груде тел проявляется движение. Значительная часть расстрелянных находится еще в живых и корчится в предсмертных муках. Хрип умирающих и стоны слышатся из груды тел, в то время как могильщики копают могилу для расстрелянных.

Убитые сваливаются в могилу и засыпаются землей. Те, которые особенно сильно корчатся, прикалываются „из милосердия“ штыком, но еще и со дна могилы слышатся тихие стоны и вздохи... Здесь и там

шевелится рука или нога, как знак того, что предсмертная агония не у всех еще закончилась.

Сколько всего было расстреляно в Выборге борцов красной гвардии,—точных сведений не имеется. Обыкновенных граждан расстреливали на-ряду с красногвардейцами. Казни происходили обычно по утрам, около 4—6 часов. Первыми жертвами из штатских были члены красного почтового совета.

Уже этих ужасных примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что здесь проявлялись не только зверские, кровожадные инстинкты, проявлявшиеся в некультурных белогвардейцах, но и определенный план, определенная, обдуманная месть.

* * *

После открытой классовой войны капиталистическое государство, или буржуазия, принялось с непоколебимой последовательностью производить окончательную расправу. Весь государственный аппарат был пущен в ход для подавления рабочего класса.

Во многих местах страны красногвардейцы сдались, как известно, об'единенным силам немецких империалистов и финляндских белогвардейцев,—сдались на определенных условиях или без условий. Палачи буржуазии, конечно, не считались ни с какими условиями и расстреливали, как видим из вышеизложеннаго, сдавшихся. Оставшихся в живых сгоняли, как скот, в концентрационные лагери для пленных. Туда же сгонялись беженцы, мирные граждане, которых арестовывали целыми массами, поскольку не успевали их расстреливать. Таким образом, было собрано колоссальное количество пленных.

Но буржуазия не довольствовалась этим количеством жертв. По всей Финляндии была начата облава на красных. Их искали по лесам и деревням, даже с собаками. Таким образом, лагери для пленных переполнялись.

Политическая система сыска и доносов была воскрешена к жизни. На службу буржуазии явились финляндские охранники времен царизма. Само собою понятно, что вследствие доносов в тюрьмы приводились все новые и новые жертвы. Официальная полиция изощрялась на изловлении „преступников", „убийц", „грабителей" и „изменников". Таким образом, были арестованы, между прочим, члены социал-демократической фракции сейма. Была арестована также масса лиц, совершенно не участвовавших в революции.

Результатом всего этого было, по сообщениям самих белогвардейцев, свыше 70.000 лишенных свободы мужчин, женщин и детей. Точную цифру заключенных трудно установить.

Тюрьмы и лагери для пленных являются в Финляндии настоящими домами пыток и мучений. „В Коккола, где мы находились вместе с тысячами других заключенных,—рассказывают о своих переживаниях заключенные,—арестованные помещались в полутемных битком набитых камерах... Заключенным не давалось никакого постельного белья, и они должны были спать на неровных досках. Эти доски для спанья были полны всевозможных паразитов".

Обхождение с арестованными в тюрьмах и лагерях самое зверское. Так напр., в Каннукси, где находился временный лагерь,—пишет один очевидец,—„одного приговоренного к смерти заключенного держали несколько суток полуголым на морозе, прикованным к столбу, прежде чем его расстреляли". Некоторые арестованные были прикованы по рукам

и ногам кандалами так крепко, что у них была содрана с рук и ног кожа. В Иоенсуу избивали арестованных при допросе так, что голова и бока у них были совершенно избиты. Так же поступали в Веури. Эти избиения бывали так жестоки, что жертвы лежали целыми днями без сознания. Из Ювяскюля, Кексгольма и прочих мест сообщают то же самое.

Собственно лагери для пленных имеются или, во всяком случае, имелись в Гельсингфорсе, Тавастгусе, Куопио, Лахтис, С.-Михеле, Улеаборге, Рихимяках, Экенясе, Таммерфорсе, Або, Николайштадте и Выборге. Но так как в эти лагери нельзя было более поместить арестованных, и так как облавы все еще продолжались, то по всей стране образовались свои „лагери". Во всех этих лагерях арестованные должны переживать всевозможные страдания. Голод, теснота, паразиты, грязь, болезни, жестокое обращение и боязнь за свою судьбу являются их постоянными спутниками.

Буржуазия мучила заключенных голодом. Даже те незначительные порции, которые полагались заключенным, расхищались надзирателями и прочей тюремной администрацией. Заключенным приходилось терпеть настоящий голод. Напр., в Свеаборгском лагере весной заключенным давались лишь вода из кислой капусты и десяток испорченных салак в день. В этой воде иногда бывали и капуста, и жир, но жир бывал настолько испорчен, что щи имели отвратительный запах. В течение трех недель приходилось обходиться этой пищей, и, наверно, никто не остался бы в живых, если бы нельзя было покупать у немецких солдат консервов по неимоверным ценам. Те, у кого не было денег, умирали. Часто проходило два, три, четыре дня совершенно без хлеба Позже стали давать вместо салаки селедку, и в суп стали класть коренья сушеную рыбу и более лучший жир, но и эта пища была плохая, и прежде всего ее было очень мало.

Питание селедкой вызывало страшную жажду, а слишком большое употребление воды для удовлетворения жажды вызывало пухлости в ногах, в желудке и вообще во всем теле. Родные могли посылать пищу лишь тайком, поскольку это было возможно в условиях строгой охраны.

В Свеаборге из 6.000—7.000 заключенных умерла до августа одна треть. Да и на тех, которые получили условное „освобождение", голод оставил свои нестираемые следы в виде полного ослабления жизненных сил. Так, напр., из русских граждан, выпущенных из Свеаборга многие умерли, не доехав до Петрограда.

В лагере для пленных в Лахтис, как сообщает один из находившихся там, в среднем умирало по 30 человек в сутки от недостатка питания. В Улеаборге находилось 900 русских заключенных. Они терпели страшный голод. Некоторые ели собак и лягушечье мясо.

Плохое питание и ужасающие гигиенические условия вызывали среди заключенных массу болезней. Цынга, оспа, тиф и пр. господствовали, да и теперь господствуют в финляндских тюрьмах.

Обращение финляндских тюремщиков со своими жертвами, конечно, самое зверское. Заключенных избивали прикладами, плетьми, штыками. Так, напр., из лагеря в Рихимяках сообщают: „Все время били прикладами и резиновыми плетками. Часто стреляли в толпу заключенных. В Рихимяках умирало ежедневно 25—30 заключенных от голода. Ноги опухали от голода так сильно, что „большевики" не влезали на ногу". „Прикладами по лицу били в Рихимяках заключен

ных, которые не были в состоянии быстро исполнять приказаний. Всего заключенных в Рихимяках было около 8000".

Один из испытавших тюремные ужасы молодых красногвардейцев, которому удалось бежать, рассказывал следующее: „В лагере для пленных в Тавастгусе господствовали голод и оспа (и черная оспа). Весною умирало ежедневно по 50—60 человек. Половина из заключенных опухла от голода, эти заключенные были так слабы, что не могли двигаться. Так, напр., когда одна группа заключенных была выпущена на-время на тюремный двор, то заключенные начали немедленно от голода есть траву и листья".

По рассказам очевидцев, заключенных расстреливали в финляндских тюрьмах за малейшие проступки „в назидание другим".

Для дополнения картины ужасов тюремной жизни в белогвардейской Финляндии приведем здесь сообщение буржуазной газеты „Известия Южной Финляндии" о положении в лагере для пленных вблизи Лахтис, в Хеннала, за каковое сообщение газета была прикрыта. „Весь лагерь окружен,—писала газета,—забором из колючей проволоки в два метра высотою. У ворот и вокруг лагеря стоят пулеметы, всегда готовые „чистить", если это потребуется. Внутри лагеря, вдоль стены, стоят всегда бдительные часовые на расстоянии метра друг от друга... А стадо заключенных... Оно находится в самом ужасающем положении. Молодые, когда то сильные мужчины лежат здесь на земле. С ними нельзя говорить, но один уже их внешний вид говорит, что им нехорошо живется. Одни из них опухли, так что кожа натянута, другие же настолько бледны и исхудалы, что кости выступают наружу. Они страдают **голодной горячкой**, и страдающих этой болезнью в Хеннала находится, по сообщению одного врача, **около** 600. На дороге группа заключенных занята около водопровода. Умываются. Другие сидят вблизи и чистят свое белье, уничтожая паразитов. Другая группа в 5—6 человек стоит у огня и варит в заржавевших жестяных посудах свою пищу, состоящую из селедочных голов, остатков сушеной рыбы, крошек хлеба, рыбных костей и вообще из всего того, что они могут найти в помойной яме. Таких групп несколько десятков, и в каждой группе ожидают с нетерпением, когда поспеет это лакомство. Вон там один человек глотает свою селедку, а другой, который уже успел ее проглотить, пьет воду с такою жадностью, какбудто хочет погасить огонь. Вон там несут человека на носилках. Лицо синее, как у задушенного. Даю дорогу. Не оспа ли? Но смерть уже крепко запустила в него свои когти.

Обращение самое бесчеловечное, какое можно лишь себе представить. Не нужно особенного нарушения правил, как уже следует самое зверское истязание, т.-н. скамья пыток, на которую человек кладется голым на живот, и палач дает ему плетью или можжевеловой палкой 10—20 ударов, иногда и больше. Раздаются хватающие за сердце вопли жертвы и грубые проклятия палача".

Об условиях в лагере для пленных в Экенясе был даже представлен финляндскому буржуазному правительству доклад, написанный финляндским профессором Робертом Тигерштеттом. Высокая смертность среди заключенных об'яснялась в докладе плохими гигиеническими условиями и плохим питанием. Профессор констатировал, что смертность в финляндских тюрьмах, а именно 42 человека на тысячу в неделю, неимоверно высока и что такой высокой смертности не наблюдалось даже в царских тюрьмах.

Примеров кровожадной мести финляндской буржуазии можно было бы собрать бесконечное множество. Но уже и вышеприведенные, не подлежащие сомнению факты, подтвержденные самой буржуазией, дают возможность заключить, что господствующая теперь финляндская белогвардейская буржуазия до невероятности бесчеловечна и жестока. Это ужасный зверь, совершенно потерявший от кровожадности свой рассудок.

•

Вначале озверевшая финляндская буржуазия не обращала внимания ни на какие судебные формальности и расстреливала рабочих без всякого суда и следствия. Но со временем это стало невыгодным для самой буржуазии, ибо составленная, главным образом, из мелко-буржуазных элементов белогвардейская армия могла, слишком зазнавшись, оказаться опасною для самих крупных капиталистов. Поэтому крупная буржуазия принялась организовывать сообразный своим интересам „законный государственный порядок", т.-е. капиталистическую классовую диктатуру. Теперь принялись „законным порядком" разбирать дела до сих пор еще не убитых десятков тысяч красных революционеров. На место общего террора отдельных белогвардейских шаек был введен теперь систематический террор буржуазных „законных судебных учреждений".

В порядок этого судопроизводства входят вымогающее предварительное следствие, формальное следствие перед судом и, наконец, вынесение приговора. Следствие ведется посредством угроз, застращиваний и даже настоящих пыток. Один бежавший из Свеаборга заключенный рассказывает следующее: „После ареста меня допрашивали четыре раза. Белогвардейцы расспрашивали обо всем, принимал ли участие в конфискации оружия, кто был начальником, принимал ли участие в ноябрьской забастовке. Упорно требовали, чтобы я „признался", и при этом приставляли браунинг к уху". Он же сообщает, что „иных заключенных мучили в тюрьме, оставляя их без пищи на несколько суток".

Для расправы с рабочим классом не годились обычные классовые суды. Для этого был издан особый, исключительный закон о политических преступлениях, вступивший в силу 29-го мая. На основании этого „закона" были организованы особые судебные учреждения, которые по характеру своей деятельности походили на военно-полевые суды. Обвиняемый в этих судах не имеет возможности ссылаться на свидетелей, да и доводы защитников не принимаются во внимание.

Среди членов каждого из этих „судов" находится, по крайней мере, один офицер,—повидимому, для того, чтобы профессия палачей не осталась без представительства. Невоенных членов в эти суды назначает сенат, военных же—главный начальник белогвардейской армии, обвинителей назначает прокурор. Члены назначаются без их согласия. Под руководством „верховного суда по политическим преступлениям" действует в стране около 150 его отделов.

Эти учреждения классовой мести финляндской буржуазии отнюдь не отличаются гуманностью. Все начальники штабов красной гвардии, а часто и прочие члены приговаривались к смерти. Приговоры приводятся спешно в исполнение. Число приговоренных к вечному тюремному заключению „за государственную измену и незаконные аресты"

необычайно велико. „За возбуждение“ выносятся также жестокие приговоры, вплоть до смертной казни. При вынесении приговора особенно принимается во внимание прошлое обвиняемого. Если он является старым членом организации, или если он выказал себя где-либо как способный и деятельный член организации, то приговор строже.

По опубликованным 25-го июля сведениям, всего было арестованных революционеров в финляндских тюрьмах 50.818. Из них приговорено к тюремному заключению 5.287, условно приговорено 4.345, освобождено лишь 723. О количестве смертных приговоров нет сведений, но, по сообщениям газет, этих приговоров было довольно порядочно. К концу сентября прошлого года „судебная деятельность“ этих судов не была еще закончена, так как неразобранных дел было еще тогда 25.820 *).

Таким образом, финляндская буржуазия, отняв у рабочего класса все права, торжествует свою „победу“.

Но, несмотря на это рабочий класс Финляндии не теряет веры в революцию. И недалек тот день, когда финляндский пролетариат снова восстанет и при помощи пролетарской диктатуры свергнет власть буржуазии.

---

*) В конце года финляндская буржуазия опубликовала своего рода „амнистию“, по которой на менее короткие сроки присужденные революционеры были выпущены из тюрем.

СОДЕРЖАНИЕ.